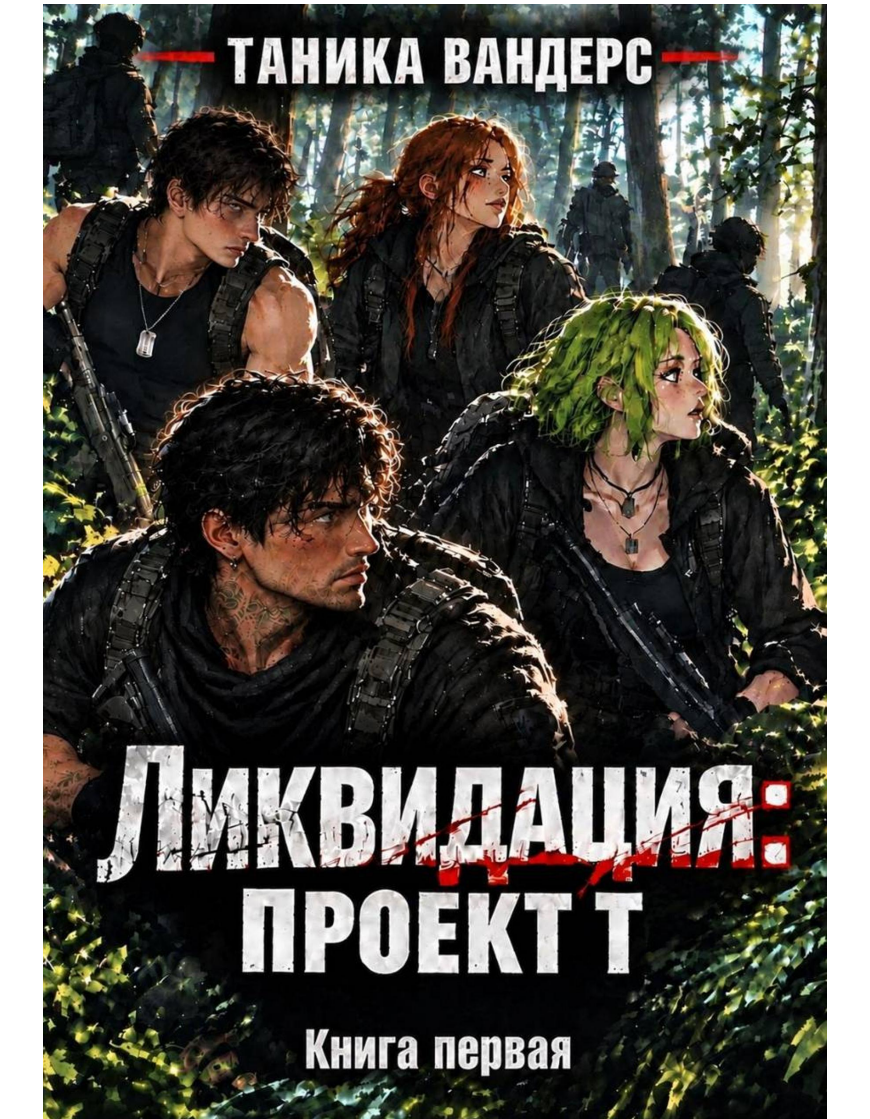

ТАНИКА ВАНДЕРС

ЛИКВИДАЦИЯ: ПРОЕКТ Т

Книга первая

Таника Вандерс

Ликвидация: Проект Т

<https://litres.ru/74657318>

SelfPub; 2026

Аннотация

КНИГА ПЕРВАЯ. Тайны, секретные эксперименты и загадочные монстры, вырвавшиеся на свободу: город погружается в хаос. За кулисами этого кошмара скрывается правда, которую могущественные силы стремятся похоронить навсегда. В этой непроглядной тьме рождается «Лик Правды» — последний оплот надежды, группа смельчаков, готовых рискнуть всем ради правды о запретном «Проекте Т». В мире, где прошлое стирают как ошибку, их воспоминания стали преступлением, а правда превратилась в прицел, наведённый им в спину. Они помнят то, что другим приказано забыть. И теперь главный вопрос: хватит ли этой памяти, чтобы успеть рассказать правду, прежде чем их самих сотрут из истории?

Содержание

Пояснительная заметка для читателя:	4
административно-территориальная система страны Т	
ПРОЛОГ	21
ГЛАВА 1. ФАЯ.	28
ГЛАВА 2. АРЕКС.	111
ГЛАВА 3. ДЭМ.	216
Конец ознакомительного фрагмента.	244

Таника Вандерс

Ликвидация: Проект Т

Пояснительная заметка для читателя: административно- территориальная система страны Т

Для удобства навигации и сохранения секретности в данной книге не используются традиционные названия городов и областей. Мир страны Т структурирован по единой кодовой системе, где вся территория делится на зоны и сектора. Эта система — не просто способ обозначить места на карте, а инструмент контроля: чем детальнее код, тем выше уровень доступа к информации.

Основные определения

Зона — административно-территориальная единица верхнего уровня, соответствующая области или крупному региону. В системе кодов обозначается как Т-**N**, где **N** — порядковый номер зоны от столицы (например, Т1, Т7, Т23). Статус зоны (S/U/Q/X) добавляется в конце кода и отражает уровень угрозы и режим доступа; используется только во внутренних документах и на закрытых картах. В стране Т насчитывается 23 зоны, нумерация строится от столицы: чем

ближе к центру, тем меньше номер.

Сектор — территориально-функциональная единица внутри зоны, соответствующая городу вместе с прилегающими к нему сёлами и посёлками. В кодовой системе он обозначается буквенно-цифровым индексом, следующим за номером зоны: Т-Н-ХУ, где: Х — буква, определяющая тип кластера (функционального направления): А — жилой кластер (районы, где живёт основная масса населения); Б — промышленный кластер (заводы, склады, технические площадки); В — транспортный кластер (вокзалы, депо, развязки, логистические узлы). У — цифра, обозначающая порядковый номер конкретного города-сектора внутри кластера (от 1 до 8).

Таким образом, код Т-1-А3 читается как «1я зона, жилой кластер, сектор-город 3», а Т-4-Б4 — как «4я зона, промышленный кластер, сектор-город 4».

В одной зоне может находиться несколько секторов, причём их количество по кластерам неодинаково: в жилом кластере нередко насчитывается 6–8 секторов, в промышленном — 4–6, в транспортном — 2–5. Это отражает приоритеты инфраструктуры: система выделяет больше единиц там, где выше плотность населения или критичность объектов. Нумерация и буквенная маркировка отражают не хронологию появления территорий, а функциональное зонирование и уровень значимости инфраструктуры. Например, сектор А1 в любой зоне — это, как правило, наиболее крупный и

плотно заселённый город кластера, а В1 — ключевой транспортный узел, через который проходят основные потоки.

Город — это и есть сектор (либо, в редких случаях, компактная группа смежных секторов) внутри зоны, и именно по кодам его и идентифицируют официально. В документах, на КПП и в служебных сводках используют полные обозначения, тогда как в быту люди сокращают их до минимума: «А3», «тройка в Альфе», «Б5» — этого достаточно, чтобы свои поняли, о каком городе идёт речь. **Город(сектор)** — это не большая территория, а компактная ячейка застройки по кластеру: жильё, ключевые точки и ближайшие посёлки в одном периметре.

В системе страны Т **сёла и посёлки** не имеют отдельных кодов и не выделяются как самостоятельные единицы: они «растворены» внутри секторов и обозначаются через более мелкие метки — на уровне объектов и локальных точек.

Ключевая особенность: количество секторов в каждой зоне может существенно отличаться и напрямую зависит от статуса и функционального назначения зоны. При этом распределение идёт строго по кластерам (А — жилой, Б — промышленный, В — транспортный): в одних кластерах секторов больше, в других — меньше, в зависимости от приоритета инфраструктуры.

1) В обычных стабильных зонах (S) обычно располагается 6–8 секторов суммарно по всем кластерам. Это типичные регионы с развитой инфраструктурой и плотной застройкой:

в жилом кластере чаще всего 3–4 сектора (А1–А4), в промышленном — 2–3 (Б1–Б3), в транспортном — 1–2 (В1–В2). В отдельных случаях добавляют специализированные сектора (например, логистические или сельскохозяйственные), но их всё равно маркируют внутри существующих кластеров, не создавая новых буквенных индексов.

2) В нестабильных зонах (**U**) количество секторов варьируется от 4 до 6, часто с перераспределением ресурсов: часть секторов может быть закрыта, а оставшиеся — перепрофилированы под нужды патрулей или временных лагерей. Например, жилой сектор А3 могут перевести в статус временного лагеря, а промышленный Б2 — под склад резерва. Из-за этого нумерация внутри кластера становится «рваной»: в документах можно встретить А1, А2, А4, но не А3 — его код просто исключили из активной сетки.

3) В карантинных зонах (**Q**) нередко остаётся всего 2–3 сектора, причём значительная часть территории фактически выведена из гражданского оборота: дороги перекрыты, население эвакуировано, а инфраструктура переведена на экстренные протоколы. Чаще всего сохраняют один жилой сектор (обычно А1 как базовый узел) и один транспортный (В1 как точка приёма грузов). Остальные сектора по документам числятся как «на консервации» — их коды не удаляют, но они не участвуют в маршрутизации и не отображаются на гражданских картах.

4) В зонах с режимом ограниченного доступа (**X**), где рас-

положены секретные объекты, количество секторов минимально — часто 1–2. Вся остальная территория считается закрытой и не маркируется как полноценные сектора; вместо этого используют локальные метки для служебного ориентирования (вроде «Зона контроля К-12»). В таких зонах даже существующие сектора нередко имеют усечённую структуру: например, остаётся только транспортный сектор В1 как единственный легальный въезд, а жилой кластер полностью отсутствует для гражданского учёта.

Таким образом, общее количество секторов в стране не является фиксированной величиной: оно меняется в зависимости от кризисных пересмотров границ, закрытия маршрутов и создания новых закрытых периметров. Система регулярно «пересчитывает» территорию: старые коды деактивируют, новые вводят без публичных объявлений, а целые участки могут на месяцы выпадать из общей сетки.

Уровень зоны и сектора (Т-N-XY) — это про крупные функциональные блоки: жилой (А), промышленный (Б), транспортный (В). Сюда целиком «входят» и города, и посёлки, и группы сёл. Например, Т-4-А3 — это не только город, но и все прилегающие к нему сёла и рабочие посёлки; для системы это единый жилой массив, управляемый по общим протоколам. Сёла и посёлки не имеют отдельных кодов и не выделяются как самостоятельные единицы: они «растворены» внутри сектора и обозначаются только через более мелкие метки — на уровне объектов и локальных точек.

Узел/объект внутри сектора — конкретный участок или сооружение, обозначаемый цифровым или специальным буквенным суффиксом: T-N-XY-**Z**, где **Z** уточняет локацию: цифра (например, 7) — обычный жилой массив, микрорайон, стандартный объект; **X** — секретный объект: лаборатория, хранилище данных, пункт наблюдения; **M** — точка повышенной опасности: зона прорыва, распространение мутагена, пост экстренного мониторинга.

На этом уровне можно выделить отдельные населённые пункты или их части: например, бывший посёлок у старой шахты в секторе А3 может фигурировать в оперативных сводках как T-4-A3-**M** — то есть «опасная точка в жилом кластере», а не как самостоятельный населённый пункт.

Локальная контрольная метка — детальная маркировка для оперативного ориентирования и контроля доступа: T-N-XY-Z-**KP**, где: **K** обозначает тип точки: K — контрольная/КПП, C — служебный вход; **P** — её порядковый номер.

Пример: T-1-A2-7-K3 = «1я зона, жилой кластер А, сектор-город 2, жилой массив 7, КПП 3». Именно такие коды считывают сканеры на пропускных пунктах и по ним система принимает решение: открыть дверь или заблокировать доступ.

В этом мире работают сразу две системы обозначений, и они постоянно пересекаются:

Пространственная разметка — отвечает на вопрос

«где?». Это коды территорий: Т-3-Б1-Х, Т-6-А3-7 и т. п. По ним определяют зоны, сектора, объекты и даже опасные точки. В оперативных документах рядом с кодом часто ставят статус зоны (S, U, Q, X), но эта пометка видна только тем, у кого есть доступ к закрытым сводкам.

Служебная идентификация — отвечает на вопрос «кто ты?». Это коды на значках и пропусках: Т-6-С-12, Т1-В2-П-03 и т. д. Они показывают, к какой службе относится человек, какие коридоры ему открыты и какой уровень доступа у него есть. Буквы после **Т** обозначают подгруппу/службу: **С** — координация и связь, **П** — патруль, **М** — медицина/мониторинг, **И** — инфраструктура. Цифры в конце — конкретный узел, пост или бригада.

Система связывает эти два типа кодов через номер зоны: сканер видит «бя зона» и сразу проверяет, какой сейчас у неё статус, а также — есть ли у владельца допуска право находиться именно в этой точке в это время. Например, пропуск патруля П-уровня может разрешать доступ в Т-6-Б2, но автоматически блокировать проход в Т-6-БХ (секретный объект) или в сектор с меткой М (опасная зона).

Полная иерархия кодов (от главного к частному)

Уровень 1 — Центр управления (столица)

Зона Т-0 / Административный комплекс Альфа / Нулевой Узел — высшая точка административной и коммуникационной сети. Единственный объект в системе без буквенных суффиксов.

В старых документах встречается под обозначениями: «Координационный Сектор Т» или «Узел Связи Т-0». После начала изоляции официально переименован в «Административный Комплекс Альфа». Но в разговорах, в чатах и даже в шепоте у блокпостов его до сих пор неформально называют «Нулевым Узлом».

Уровень 2 — Региональные узлы (дочерние зоны)

1) Обозначаются как Т-1, Т-2, Т-3 и далее — в порядке удаления от столицы. Каждая зона привязана к крупной агломерации или промышленному узлу.

2) Каждая зона имеет статус, отражающий ее текущее состояние; он указывается в конце кода и доступен только на внутренних документах и закрытых картах:

S (Stable) — стабильная зона, базовые службы функционируют в штатном режиме.

U (Unstable) — нестабильная зона; зафиксированы отклонения, возможны вспышки аномальной активности.

Q (Quarantine) — карантинная зона; доступ ограничен, действуют усиленные протоколы безопасности.

X (Restricted) — режим ограниченного доступа; допуск только по спецпропускам, территория связана с секретными объектами.

Пример: Т-8-У — восьмая зона от столицы, имеющая статус «нестабильная».

Уровень 3 — Сектора внутри зон

Внутри каждой зоны выделяется три кластера(альфа, бе-

та и гамма в простонародье), обозначаемых буквенным индексом: Т-1-А, Т-1-Б, Т-1-В и так далее. В каждом кластере располагается от 2 до 8 городов-секторов — они нумеруются по порядку, формируя комбинированный индекс: например, Т-1-А1, Т-1-А2, Т-1-Б3, Т-1-В5.

Буквы соответствуют типу территории:

1) *А(альфа)* — жилой кластер (основная городская застройка и спальные районы).

2) *Б(бета)* — промышленный кластер (заводы, склады, технические площадки).

3) *В(гамма)* — транспортный кластер (вокзалы, депо, развязки, логистические узлы).

Цифры после буквы — это порядковый номер конкретного городасектора внутри кластера. Например, А1, А2... А8 — это отдельные города в жилом кластере; Б1, Б2... Б6 — города в промышленном кластере и т. д. Количество городов в кластере непостоянно: в одних кластерах их всего два-три, в других — до восьми, что отражает неравномерность застройки и разную значимость территорий.

В условиях изоляции привычные длинные коды стали слишком громоздкими, а для многих — и вовсе бессмысленными. Люди всё чаще говорят просто: «Сектор А2», «Район Б3», опуская префикс вроде «Т1». Он звучит как отголосок прошлого — что-то из старых распоряжений, которые давно никто не читает. В живой речи даже саму букву нередко сокращают до привычного слова(по римскому алфавиту):

«тройка в Альфе», «через Бету», «не лезь в Гамму» — так быстрее, а смысл понимают все свои.

Уровень 4 — Объекты и узлы внутри секторов

На этом уровне коды конкретизируют отдельные объекты:

T1-A1-7 — конкретный жилой массив или микрорайон внутри жилого сектора.

T-1-B2-X — секретный объект; буква **X** всегда обозначает лабораторию, хранилище данных или пункт наблюдения.

T-1-B3-M — точка повышенной опасности; буква **M** указывает на место прорыва, зону распространения мутагена либо пост экстренного мониторинга.

Уровень 5 — Локальные метки для быстрого ориентирования

Используются для обозначения контрольных точек и служебных входов:

T-1-A1-7-K-3 — контрольная точка (КПП), где **K** = контроль, **3** — номер поста.

T-1-B2-X-C1 — служебный вход в секретный объект, где **C** = служебный, **1** — номер входа.

Особенности использования системы в изолированном мире.

1. Двойная номенклатура. Официальные документы используют полные коды с указанием статуса (например, **T-2-Q**), в то время как в устной речи чиновники и патрули применяют выражения: «Зона повышенной безопасности», «Сектор особого режима».

2. **Архивные метки.** Старые коды сохраняются на трафаретных надписях, металлических табличках и бетонных блоках. Для «Лика Правды» эти метки — ключевые улики, позволяющие восстановить структуру мира до изоляции.

3. **Шифрование через коды.** «Лик Правды» использует коды как краткие условные обозначения: фраза «встречаемся в Т-1-Б1-Х» означает конкретное место без необходимости давать длинные пояснения.

4. **Версионность карт.** Архивные карты имеют версии (v1.0, v2.3, v3.1), отражающие этапы нарастания кризиса и изменения административных границ.

5. Помеченные как DEPRECATED/REDIRECT. Некоторые коды помечены как устаревшие или перенаправленные — это указывает на ликвидированные объекты, закрытые маршруты или места, намеренно исключенные из официальных документов.

Пример расшифровки кода:

Код: ТЗБ2Хv2.3Q

ТЗ — третья зона от столицы.

Б2 — промышленный кластер, город-сектор 2 или «двойка в Бете».

Х — секретный объект (лаборатория или хранилище).

v2.3 — версия карты, соответствующая периоду первых вспышек.

Q — статус «карантин»: доступ ограничен, территория считается опасной.

Такая запись позволяет «Лику Правды» быстро определить не только местоположение, но и исторический контекст, а также уровень угрозы.

Упрощенная заметка: как читать коды в этом мире

Ты попадаешь в мир, где у каждого места и у каждого человека есть свой код — и по нему система решает, куда тебе можно, а куда вход закрыт. Вот простая шпаргалка, чтобы не запутаться.

Зона — большой регион. В стране Т ровно 23 зоны: Т-1, Т-7, Т-23 и так далее. Чем ближе зона к столице, тем меньше её номер. Т-0 — высший узел управления, своего рода «сердце» системы, доступ туда есть у единиц. У зоны бывает особый статус — *S (Stable, стабильно)*, *U (Unstable, нестабильно)*, *Q (Quarantine, карантин)*, *X (Restricted, ограниченный доступ)*. Но увидеть этот статус могут только те, у кого есть доступ к закрытым документам. Для обычных людей он остаётся тайной: на уличных указателях и в бытовых разговорах его не пишут. Но кое-где эти буквы всё же проступают — не по приказу системы, а вопреки ей. В сводках же можно встретить, например, «Т-2-У» — и это сразу повод держаться подальше.

Сектор — город плюс ближайшие сёла и посёлки. Сектора живут внутри зон. В каждой зоне выделяется ровно три кластера, обозначаемых буквой: А — жилой кластер (районы, где живут люди: многоэтажки, частный сектор, школы, рынки). Б — промышленный кластер (заводы, скла-

ды, технические площадки, ремонтные депо). В — транспортный кластер (вокзалы, депо, развязки, логистические узлы, грузовые терминалы). Внутри каждого кластера — от 2 до 8 городов-секторов. Их количество непостоянно: в стабильных регионах обычно 6–8 секторов — там много разных районов и объектов. В зонах с секретными объектами или карантинном секторов гораздо меньше — иногда всего 1–2: остальное закрыто или не считается полноценной территорией. Конкретное число секторов неизвестно и постоянно меняется: старые коды перестают работать, новые появляются без публичных объявлений.

Город-сектор — это не большая территория, а компактная ячейка застройки по кластеру: жильё, ключевые точки и ближайшие посёлки в одном периметре (чаще всего это небольшая территория, строго очерченная ячейка — ровно столько, сколько нужно системе, чтобы держать всё под контролем).

Чтобы обозначить конкретный городсектор, к букве добавляют цифру — порядковый номер внутри кластера. Например: А1, А2... А8 — отдельные города в жилом кластере. В1, В2... В6 — города в промышленном кластере. В1, В2... В5 — города в транспортном кластере. В живой речи длинные коды часто сокращают: вместо «Т-6-А3» говорят просто «А3» или «тройка в Альфе». Для своих этого достаточно: все понимают, о каком кластере и каком городе идёт речь.

Объект внутри сектора — конкретное место. К ко-

ду добавляют ещё одну часть, чтобы указать, что именно тут находится: Цифра (например, 7) — обычный жилой массив, микрорайон, стандартный объект. Буква Х — секретный объект: лаборатория, хранилище данных, пункт наблюдения, закрытый испытательный полигон. Буква М — опасное место: зона прорыва, распространение мутагена, пост экстренного мониторинга, участок с нестабильной инфраструктурой. Пример: Т-6-Б1-Х значит «6-я зона, промышленный сектор „бета“, секретный объект». Туда не пустят по обычному пропуску — нужен особый допуск.

Контрольная метка — максимальная точность Это финальный уровень точности: он нужен, чтобы точно понять, где ты находишься и куда можно пройти. Добавляют пару символов: К — КПП (контрольный пункт). С — служебный вход. А в конце ставят номер: например, К3 — это КПП номер 3. Полный код выглядит так: Т-1-А1-7-К3 = «1-я зона, жилой сектор 1, жилой массив 7, КПП номер 3». Именно такие коды считывают сканеры на пропускных пунктах и именно по ним система принимает решение: открыть дверь или заблокировать доступ.

Служебные коды — не про места, а про людей. Не все коды про территорию. Есть ещё служебные коды на значках — они про людей, а не про местность. Например, Т-6-С-12 — это не адрес, а личный ID сотрудника: «технический персонал (Т), 6-я зона, служба координации (С), узел 12». Система связывает их с пространственными кодами че-

рез номер зоны: сканер видит «6-я зона» и сразу проверяет, какой сейчас у неё статус (S, U, Q, X), а также — есть ли у владельца допуска право находиться именно в этой точке в это время.

Буквы после Т в служебных кодах обозначают подгруппу/службу:

- 1) С — координация и связь.
- 2) П — патруль.
- 3) М — медицина/мониторинг.
- 4) И — инфраструктура.

Цифры в конце — конкретный узел, пост или бригада. Например, 12 — это не абстрактная цифра, а реальный координационный узел с фиксированным местоположением и расписанием.

Почему это важно для истории.

1) Создает напряжение. Если даже администратор с допуском бежит из зоны — значит, протоколы рухнули, и надеяться больше не на что. Статус зоны (U, Q, X) может внезапно измениться, и старые коды перестанут работать.

2) Объясняет правила мира. По коду сразу понятно, почему одних пускают, а других нет, и кто вообще имеет право принимать решения. Например, человек с кодом Т-6-ПЗ может свободно проходить через КПП в своей зоне, но будет заблокирован в соседнем секторе без дополнительного разрешения.

3) Работает как улика. Для «Лика Правды» любой код —

подсказка: по нему можно восстановить, кто за что отвечал и когда система начала рассыпаться. Даже обрывок кода на смятой бумажке может привести к раскрытию целой цепочки приказов.

Шпаргалка: что означают буквы и цифры.

Т (и далее цифра) — региональная зона, отсчёт от столицы. Т-0 — высший узел, Т-1... Т-6 — дочерние зоны.

Буквы А(альфа)/Б(бета)/В(гамма) (в адресной системе) — тип сектора: А — жилой, Б — промышленный, В — транспортный.

Цифры после буквы — порядковый номер города-сектора внутри кластера (от 1 до 8).

Х/М (в адресах) — тип объекта: Х — секретный, М — опасный.

К/С (в контрольных метках) — тип точки доступа: К — КПП, С — служебный вход.

Буквы С/П/М/И (в служебных кодах) — подгруппа/служба: С — координация, П — патруль, М — медицина/мониторинг, И — инфраструктура.

Цифры в конце — конкретный узел, пост или бригада.

Суффиксы S/U/Q/X — статус зоны: Stable, Unstable, Quarantine, Restricted. Встречаются в документах и на закрытых картах, но не пишутся на личных значках и уличных указателях.

Примеры, чтобы быстро сориентироваться:

Т-2-У — 2-я зона со статусом «нестабильная». Это про

территорию, видно в закрытых документах.

Т-6-А3 — 6-я зона, жилой кластер, сектор-город 3. Обычный адрес в системе. Местные называют его просто «тройка в Альфе» или «третий сектор».

Т-1-Б1-Х — 1-я зона, промышленный кластер, первый сектор или «единица в Бете», секретный объект. Место, куда пускают не всех.

Т-1А7-6-К3 — 1-я зона, жилой кластер, седьмой сектор или «семёрка в Альфе», массив 6, КПП 3. Точная точка на маршруте. Т-6-С-12 — администратор службы координации из 6-й зоны, узел 12. Личный служебный код.

ПРОЛОГ

Пять лет назад.

Над входом тускло мигала выцветшая вывеска: «*Клуб Феникс (Т-9-А2-11)*». Рядом кто-то красной краской дописал: «*Статус: U*» — и криво нарисовал череп. Павел Астахов замер на секунду, усмехнулся этой привычной городской иронии и шагнул внутрь, тут же попав под плотную волну звука.

Внутри клуб жил своей пятничной жизнью — шумной, хаотичной, будто специально созданной, чтобы заглушить любые тревожные мысли. Бас прокатывался по рёбрам, вибрировал в груди, заставляя невольно двигаться в такт, даже если ты этого не хотел. Воздух был густым от смеси запахов: дешёвый освежитель едва справлялся с запахом пота, пролитого пива и сладковатого дыма от парогенераторов, которые периодически выплёвывали облака тумана прямо в толпу. В этих вспышках и провалах света люди на танцполе казались не живыми, а какими-то ускоренными тенями — резкими, угловатыми, почти нереальными.

У дальней стены дежурил охранник с планшетом: время от времени он тыкал в экран, сверяя лица с какой-то базой. Над танцполом тускло светили три камеры — две смотрели на толпу, третья была направлена прямо на барную стойку. Павел скользнул по ним взглядом и тут же заставил себя не думать об этом. Сегодня ему хотелось просто выдохнуть.

На сцене дёргались в откровенных, но не вульгарных костюмах несколько девушек из шоу-группы: они двигались так слаженно, будто были единым организмом, и каждый их жест подсвечивался стробоскопом, который выхватывал из темноты то руку, то бедро, то застывшее на секунду лицо. Рядом с танцполом, у стены, стояли столики, заваленные пустыми стаканами и смятыми салфетками; кто-то смеялся слишком громко, кто-то спорил, а кто-то просто смотрел в одну точку, покачиваясь в такт музыке.

Павел пробрался к барной стойке и присел на стул, жадно оглядывая помещение, будто пытаясь впитать этот обычный, шумный, немного нелепый мир. Сегодня его сын родился. Четыре двести. В этой цифре было столько жизни, что она почти перевешивала всю серость зоны Т-9. Внутри всё сжималось от смеси счастья и тревоги — как будто радость была слишком хрупкой, чтобы её показывать.

Павел обратился к бармену, молодому парню с выбритыми висками и татуировкой в виде языков пламени на шее:

— Друг, налей-ка и мне, пожалуй. Двойной виски со льдом. Сегодня повод! — Павел гордо вытянул спину, стараясь не замечать, как дрожат пальцы.

Бармен ловко налил янтарную жидкость, даже не поднимая глаз. Для него это был просто ещё один вечер в ещё одном нестабильном секторе. Лёд звякнул о стекло, и этот короткий, чёткий звук на долю секунды пробился сквозь грохот музыки.

— Ок, без вопросов, — буркнул он, протягивая бокал. — Что за повод? Тут сегодня каждый второй с поводом. Пятница же.

Павел помедлил, будто проверяя, имеет ли он право проносить эти слова вслух.

— Сын родился. Четыре двести.

Бармен на секунду замер, потом едва заметно кивнул — не как бармен, а как человек, который вдруг увидел в посетителе не просто очередного гостя.

— Поздравляю. Пусть будет в порядке. В Т-9 это уже почти пожелание на удачу.

Павел слабо улыбнулся, прикрыл глаза и на миг снова увидел сына. И в тот самый миг слева раздался сухой, надрывный кашель — будто кто-то резко оборвал эту тишину.

Павел вздрогнул и обернулся. Слева от него сидел мужчина в чёрной куртке и солнечных очках, несмотря на полумрак клуба. Незнакомец поправил болоневую куртку, которая казалась нелепой в жарком помещении, и слегка взлохматил тёмные волосы. Его лицо выглядело всё хуже и хуже: кожа становилась землистой, черты будто заострялись на глазах.

— Видимо, для кого-то такое в новинку, — незнакомец поглядел куда-то вдаль, словно видел что-то, недоступное взгляду Павла. — Наслаждайся жизнью, пока есть время. Цени каждую секунду, потому что его может просто не хватить.

— Время? — Павел усмехнулся, пытаясь скрыть нараста-

ющее раздражение. — А что? Оно разве может закончиться? Всем ведь жить хочется.

Незнакомец пожевал губами, словно пробуя на вкус собственные слова.

— Немного осталось... — он вдруг слишком быстро отставил стакан и закашлялся, будто задыхаясь.

Всё веселье клуба словно выключилось. Осталась только эта сухая, страшная вибрация кашля. Павел беспомощно поглядел по сторонам: бармен флиртовал с двумя девушками у дальнего конца стойки, будто ничего не происходило; танцующие продолжали двигаться в такт, кто-то зевнул и отвернулся — в Т-9 такие сцены были не редкостью. Мир жил своей обычной жизнью и не собирался останавливаться ради чужого несчастья.

Мужчина снова закашлялся, и на этот раз из горла вырвался хриплый, нечеловеческий звук, больше похожий на рычание. Люди начали оборачиваться с любопытством и тревогой. Незнакомец вдруг схватил Павла за руку, пальцы сжались с невероятной силой, словно стальные тиски.

— Уходите... сейчас... — прохрипел он сквозь кашель, голос стал слабым и прерывистым. — Не оставайтесь здесь... они уже в Т-9... периметр закрыт...

Перед тем как пальцы незнакомца разжались, Павел почувствовал, как в его ладонь скользнул маленький, холодный предмет — металлический жетон с выбитым кодом: **Т-7-Б4-Х-в3.1.**

Охваченный паникой, Павел рванулся назад и ударился спиной о барную стойку. Не раздумывая ни секунды, он протиснулся сквозь толпу и выскочил на улицу. Ночной воздух ударил свежестью, и на мгновение ему стало легче. Вокруг спешили люди, кто-то смеялся, кто-то говорил по телефону — обычная пятничная суeta, будто никакого кошмара не было.

«Что это вообще было?» — пронеслось у него в голове. «Может, перепил? Или что-то подмешали этому бедняге?» Он достал телефон, чтобы позвонить жене и, наконец, разделить с ней радостную новость, но тут увидел незнакомца. Тот, шатаясь, вышел из клуба и с трудом пытался удержаться на ногах. Павел поколебался мгновение и всё-таки шагнул к нему. Не мог же он просто бросить человека в таком состоянии.

— Вам действительно нужна помощь, — сказал Павел, обеспокоенно оглядывая бледное лицо мужчины. — Может, вызвать скорую? Вам плохо?

Незнакомец отрицательно покачал головой, пытаясь отдышаться.

— Не нужно... просто... бежать... они близко...

Павел помог ему присесть на ближайшую скамейку. Пока он судорожно соображал, что делать дальше, дорогу перегородили несколько фигур в чёрных масках и бронежилетах. Они появились словно из ниоткуда, двигаясь быстро и бесшумно, как тени.

— Отойдите от него! — рывкнул один из них, голос был приглушён маской. Павел опешил.

— Что происходит? Кто вы такие? И зачем вам это?

Незнакомец, казалось, узнал их. Его глаза расширились от ужаса, в них застыл животный страх. Он попытался что-то сказать, но из горла вырвался только хрип. Сильные руки схватили Павла за плечи и оттащили от незнакомца. Он пытался сопротивляться, но силы были явно неравны.

— Да что вы творите?! — кричал Павел, пытаясь вырваться, но слова тонули в уличном шуме.

Один из нападавших ловко накиннул ему на голову плотный мешок. Мир вокруг погрузился во тьму, и Павел почувствовал нестерпимый ужас. Его подняли и потащили, словно мешок с картошкой.

— Вот и ещё один. Отлично. Скоро привезём, — прозвучал рядом женский голос, чёткий и холодный, как лёд.

По радиии кто-то коротко бросил:

— Статус меняем на Q. T-9-A2 изолируем.

После этих слов последовал сильный удар по голове. Резкая боль пронзила сознание, и всё вокруг померкло. Павел потерял сознание, погружаясь в беспамятство. Последним, что он почувствовал, был холодный ветер, проникающий сквозь мешок, и страх, парализующий волю. А ещё почему-то вдруг вспомнил лицо новорождённого сына, которого так и не успел увидеть. И маленький металлический жетон, который теперь лежал у него в кармане, врезаясь в ла-

ДОНЬ даже СКВОЗЬ ТКАНЬ — как единственное доказательство, что всё это случилось на самом деле.

ГЛАВА 1. ФАЯ.

Фая запнулась о трещину в асфальте, чуть не выронив потрепанный рюкзак с учебниками. Ну что за невезуха! Она уже опаздывала на этот идиотский флешмоб, который, по мнению старосты, должен был сплотить первокурсников. Сплотить... ну да, конечно, скорее, опозорить, если судить по репетициям, где Фая умудрилась споткнуться даже об ровную поверхность.

В груди колотилось сердце, а в голове – полная каша из танцевальных движений, которые она так и не смогла запомнить. Фая нервно огляделась, то и дело поглядывая на экран смартфона. Уже почти опоздала! Нерасторопные работницы почты сегодня явно решили поиздеваться: Фая, как назло, лишних полчаса билась там с посылкой, которую всё пыталась отправить домой, а очередь уже начинала откровенно бурчать. «Зачем я вообще согласилась на этот чёртов флешмоб?» — мимолётно пронеслось в голове. Фая ненавидела все эти коллективные мероприятия: всегда чувствовала себя не в своей тарелке, будто каждое движение выдавало ее неуверенность.

Она приближалась к огромному, вылизанному зданию университета, поправляя выбившуюся из незамысловатой причёски прядь русых волос. Мрачное сооружение из стекла и бетона, возведённое в стиле «современной классики», да-

вило своим величием. Фая всегда считала его скорее бездушным и холодным, чем вдохновляющим местом. В его бесконечных коридорах и одинаковых аудиториях легко было потеряться — она знала это по собственному опыту.

Подходя ближе к главному входу, Фая заметила, что людей было меньше, чем обычно. Некоторые шли с поникшими головами, другие сосредоточенно смотрели в телефоны, будто надеясь найти там хоть какое-то объяснение этой странной пустоте. В воздухе витала тревожная тишина — не спокойная, а напряжённая, будто город затаил дыхание.

Фая привычно «сфотографировала» момент: серое небо, отражённое в стекле фасада; фигуру женщины, которая шла, прижав к уху телефон и быстро шевеля губами; ещё одну — с пустым взглядом, застывшую у фонарного столба. Она всегда так делала — машинально, произвольно: ловила кадры, выхватывала лица, фиксировала позы. Иногда это помогало, иногда — мешало, потому что пока она «снимала», то забывала смотреть под ноги. Как сейчас.

Стиснув зубы, Фая попыталась отвлечься. Она старалась не думать о предстоящем выступлении, но мрачные мысли настойчиво лезли в голову.

Подруги, Лиза и Соня, ждали внутри холла, нервно переминаясь с ноги на ногу.

— Фая, ты где шляешься? — Лиза, всегда собранная и строгая, выглядела особенно напряжённой. Короткая стрижка тёмных волос, серьёзные карие глаза — она больше похо-

дила на студентку старших курсов, чем на первокурсницу.

— Да-да, бегу, — запыхавшись, ответила Фая. — Просто... немного заплутала.

Соня, наоборот, была воплощением беззаботности. Она ободряюще подмигнула Фая: длинные светлые волосы слегка растрёпаны, в голубых глазах искрится огонёк веселья.

— Да ладно тебе, главное — участие, — улыбнулась Соня. — Никто там не будет судить строго.

Вот только Фая знала, что судить будут. И ещё как.

Их комнату в общежитии, номер 213, Фая делила с Лизой и Соней уже почти год. Комната была маленькой, но уютной: три кровати, три тумбочки, три письменных стола, небольшой шкаф и общий холодильник. По вечерам они часто сидели вместе, обсуждая учебу, парней, новые фильмы. Иногда Соня включала музыку, и они устраивали танцевальные вечеринки прямо в комнате. Фая тогда просто наблюдала — «фотографировала» подруг: как Соня кружится, задевая разбросанные журналы; как Лиза сидит на кровати с ноутбуком на коленях и делает вид, что не обращает внимания, но губы у неё дрожат от улыбки. Эти кадры она хранила в голове, как другие хранят фотографии в альбоме.

На импровизированной площадке во внутреннем дворе уже собралась небольшая толпа студентов. Включилась музыка, и староста, Дима, замахал руками, подавая сигнал к началу. Фая попыталась вспомнить последовательность движений, но в голове был только хаос. Она сделала шаг влево,

когда нужно было вправо, махнула рукой не в ту сторону, и в конце концов просто запуталась в собственных ногах, чуть не рухнув на землю.

Раздался смех. Фая покраснела, как рак. Лиза с Соней попытались её прикрыть, но было поздно. Дима, махнув рукой, остановил музыку.

— Фая, ну ты как всегда! — Он попытался скрыть раздражение, но вышло плохо. — Давай ещё раз, попробуй сосредоточиться.

Фая кивнула, чувствуя себя ещё более неловко. Она глухо вздохнула, пытаясь собраться, но всё пошло наперекосяк. Фая снова запнулась, сделала нелепое движение, и, в довершение всего, задела локтем стоявшего рядом парня, который с грохотом уронил свой планшет.

— Ой, извини! — пролепетала Фая, бросаясь помочь ему поднять устройство.

— Да ничего, — парень поднял планшет и бегло осмотрел его. Он был слегка раздражён, но виду не подал. — Сам виноват, надо было крепче держать.

Фая машинально «сфотографировала» его: тёмные волосы, падающие на лоб; карие глаза, в которых раздражение уже сменялось чем-то вроде любопытства; царапина на подбородке, свежая, будто он только что задел что-то острое. Кадр зафиксировался в голове — чёткий, яркий, как отпечаток.

Музыка снова заиграла, и Фая обречённо кивнула Лизе

и Соне, мол, всё в порядке. Но внутри у неё всё сжалось, а подруги обменялись сочувствующими взглядами.

Фая попыталась абстрагироваться от нервов, почувствовать ритм. Закрыла глаза, представила себя в центре внимания, сияющей и уверенной. Но стоило открыть глаза, как все надежды рухнули. Она путалась в движениях, отставала от других, а ноги словно не слушались. Зрители начали перешёптываться. Фая почувствовала, как пот заливает лицо, а внутри всё сжимается от стыда и бессилия.

И вдруг — резкая головная боль, будто кто-то сжал виски тисками. Все звуки смешались в какофонию, перед глазами поплыли цветные пятна. Фая почувствовала слабость, ноги подкосились, и она начала оседать на землю. В последний момент попыталась «сфотографировать» то, что видела: искажённое лицо Димы, кричащего что-то; чьи-то руки, тянущиеся к ней; серое небо, которое вдруг стало слишком близко. Кадр смазался, поплыл, расплылся — и погас.

А потом наступила темнота.

Фая очнулась в медпункте университета. Голова слегка гудела, тело немного ныло, но в целом — ничего серьёзного. Рядом сидела Лиза, её рука крепко сжимала ладонь Фаи.

— Фая! — выдохнула Лиза. — Ты очнулась. Как ты?

— Нормально, вроде, — пробормотала Фая, пытаясь приподняться.

— Ты упала на флешмобе, — коротко ответила Лиза. — Врач сказал, переутомление.

Фая нахмурилась. Флешмоб... Она помнила музыку, толпу, жару майского дня, яркий свет. И внезапное падение. Неловко получилось.

— Неловко как-то, да? — произнесла Фая, чувствуя лёгкий стыд.

В дверь заглянула Соня.

— Как ты? Всё нормально?

— Вроде, — ответила Фая, пытаясь улыбнуться.

В этот момент в дверь вошёл врач — пожилой, с усталым лицом и очками, съехавшими на кончик носа. Он не спешил, делал всё по шаблону: посветил фонариком в глаза, проверил пульс, что-то вбил в планшет. Фая привычно «сфотографировала» детали: как дрожат пальцы у врача, как взгляд мельком цепляется за экран — будто там есть что-то важнее её состояния; бейдж на груди: «д-р Кравцов, Т-6-А1-4». И Фая вдруг мысленно ухватила за эти буквы и цифры, как за спасательный круг. Врач университета. Всё нормально. Просто переутомление. Просто обычный день. Она повторяла это про себя, будто заклинание, чтобы не дать тревоге прорваться.

Врач повторил, что это обычное переутомление и небольшой стресс. Выписал успокоительные и посоветовал хорошо отдохнуть. Его тон был ровным, профессиональным — но Фаяе показалось, что он слишком быстро ушёл, будто не хотел оставаться дольше нужного.

— Ладно, пойдём домой, — сказала Фая, вставая с кушет-

ки.

— Да, нужно отдохнуть, — поддержала Лиза.

Девушки вышли из медпункта и направились к общежитию.

— И всё-таки, как я умудрилась так упасть? — задумчиво произнесла Фая. — Я же вроде хорошо отрепетировала.

— Ну, знаешь, волнение, — ответила Соня, отводя глаза. — К тому же, там сцена скользкая была.

— Да ладно, не переживай, — добавила Лиза. — Главное, что всё закончилось. Забудем про этот флешмоб.

По дороге домой они обсуждали учёбу, смеялись над нелепыми ситуациями в универе и гадали, что теперь будет с Днём Науки. Фая старалась не думать о провале, глотая выписанные таблетки и убеждая себя, что завтра всё будет хорошо. Но внутри зрело смутное беспокойство — не из-за флешмоба, а что-то другое, чему не получалось дать названия.

К вечеру Фая чувствовала себя всё так же — не плохо, но неправильно, будто тело работало, а внутри что-то сместилось. Она пыталась отвлечься, пересматривая любимые комедии, но ничего не помогало: смех на экране звучал слишком громко, а тишина между шутками — слишком глубокой.

Вдруг телефон завибрировал, и высветилось сообщение от Сони: «Фая, держись!» Под сообщением была ссылка. Фая, предчувствуя недоброе, с опаской открыла её.

Телефон ожил, запуская ролик с мерзким названием —

#ФаяТанцуйКакМожешь (но лучше не надо).

Внутри похолодело. Нет — не похолодело. Сжалось. Как кулак, который кто-то сжал в её груди, выдавливая воздух. Фая смотрела на экран и видела себя — со стороны, чужим взглядом: неуклюжую, путающуюся в ногах, нелепую. Комментарии росли, как рана, в которую сыпали соль. Каждый — более предыдущего.

Прежде чем она успела что-то сделать, пришло ещё одно сообщение от Лизы: «Не вздумай это смотреть! Игнорируй этих идиотов. Мы с тобой!»

Фая попыталась закрыть видео, но пальцы дрожали, не попадая по кнопкам. В итоге любопытство и страх взяли верх, и она всё-таки посмотрела первые несколько секунд. Хватило, чтобы убедиться — это её позорный танец с флешмоба, теперь выставленный на всеобщее обозрение. Фая «сфотографировала» кадр: собственное лицо, застывшее в неудачной гримасе, — и тут же пожалела, потому что этот кадр теперь остался в ней, как заноза.

— Ну вот... — прошептала Фая, но голос не вышел — слёзы подступили к горлу, и она замолчала.

В этот момент в комнату ворвались Лиза и Соня.

— Фая, мы тут! — выпалила Соня, бросаясь к ней. — Не смей расстраиваться из-за этих придурков! Мы пытались заставить их удалить эту мерзость, но не вышло.

Лиза вошла следом, закрыла дверь и присела напротив. Она не стала обнимать — взяла телефон Фаи, закрыла видео,

положила экраном вниз.

— Это удалят, — спокойно сказала она, без обещаний, без утешений — так, как будто это был факт. — Я уже написала в деканат. Если не уберут до завтра — пойду к ректору.

Соня, неловко переминаясь, достала из холодильника ведёрко мороженого, припасённого на экстренный случай, и протянула Фае ложку.

— Ешь, это помогает, — улыбнулась она, но улыбка вышла кривой, будто она сама не верила, что мороженое что-то исправит. — И давай посмотрим какой-нибудь дурацкий сериал.

Фая взяла ложку. Мороженое обожгло язык холодом, и от этого простого, глупого ощущения стало чуть легче — не хорошо, но терпимо. Лиза села рядом, открыла ноутбук и молча нашла сериал — самый дурацкий, какой смогла. Соня пристроилась с другой стороны, накрыла Фаю пледом и тихо сказала:

— Мы здесь. И мы никуда не денемся.

Фая молча кивнула, глядя на экран, но не видя ни одного кадра. Просто слышала, как дышат подруги рядом, — и это было единственное, что держало.

На следующее утро Фая проснулась — и на секунду забыла. Просто утро, просто комната, просто солнце в окне. Секунда, две... Потом воспоминание вернулось, как удар под дых, и она закрыла глаза, будто это могло помочь.

Голова гудела, как улей. В теле не было сил — не уста-

лость, а что-то другое, будто кто-то вытащил из неё что-то важное, а пустоту заполнил ватой.

Лиза уже сидела за своим столом, усердно конспектируя лекции аккуратным почерком. Соня валялась в кровати, уткнувшись лицом в подушку.

— Доброе утро... — прохрипела Фая.

— О, ты проснулась! — откликнулась Соня, приподнимаясь на локтях. — Как себя чувствуешь, зомби?

— Хочется просто сдохнуть, — мрачно ответила Фая.

Лиза, не отрываясь от конспектов, произнесла:

— Хватит ныть. Время собираться.

Голос был жёстким, но Фая знала, что так Лиза справляется — не умеет жалеть словами, поэтому действует. И это было лучше любого утешения.

Собрав остатки воли в кулак, Фая медленно сползла с кровати. Она побрела в ванную, чтобы умыться, захватив с собой одежду и стараясь не думать о том, что ждёт впереди.

Когда Фая вернулась, Лиза уже закончила сборы. Соня всё ещё возилась, но уже бодрее — накинула яркую ветровку и принялась красить губы, попутно что-то напевая.

— Ну что, готова к подвигам? — спросила Соня, взглянув на Фаю через зеркало.

Фая вздохнула.

— Не очень. Но деваться некуда.

Лиза сложила учебники в сумку, подошла и обняла её за плечи — коротко, крепко, как будто вливала в неё часть сво-

ей собранности.

— Мы с тобой. Вместе пройдем через это.

Выходя из общежития, они втроем пошли по улице. Небо затянуло плотной серой пеленой, моросил мелкий дождь, и капли оседали на плащах и куртках, делая лёгкую ткань тяжёлой и холодной. Атмосфера вокруг была какой-то странно напряжённой — не привычная городская суета, а тягучее, почти осязаемое беспокойство, будто воздух стал гуще и хуже пропускал звуки.

Лиза, Соня и Фая заметили, что людей было гораздо меньше, чем обычно. Те, кто всё-таки шёл по тротуарам, выглядели встревоженными: кто-то нервно поглядывал по сторонам, кто-то торопливо прятал телефон в карман, будто боялся, что тот вот-вот сообщит какую-то дурную весть. Фая, по привычке сжавшись внутри, уже готовилась к худшему: к насмешкам, косым взглядам, унижительным шёпоткам из-за вчерашнего провала на флешмобе. Она так старательно настраивалась на эту волну чужой иронии, что теперь чувствовала себя сбитой с толку. Вокруг царила не насмешливая тишина, а настороженная, будто город затаил дыхание — и ждал чего-то плохого.

— Слышали? Ещё одного нашли... — долетел до Фаи обрывок разговора.

— Да, говорят, на улице... возле старого перехода, — тихо ответил кто-то, и голос прозвучал не как сплетня, а как признание чего-то тяжёлого.

Фая машинально «сфотографировала» эту сцену: мужчину в тёмном плаще, который говорил, — его плечи были напряжены, пальцы крепко сжимали ремешок сумки; женщину рядом — она смотрела прямо перед собой, будто боялась встретиться взглядом хоть с кем-то. И ещё — камеру на столбе, объектив которой медленно повернулся, отслеживая поток людей. В Т-6 камеры были повсюду, но раньше Фая их не замечала. А теперь они казались глазами, которые следят.

Лиза шла чуть впереди, её плечи были напряжены, а взгляд цепко скользил по сторонам — она, как всегда, старалась держать ситуацию под контролем. Соня, наоборот, будто старалась стать незаметнее: нервно теребила край ветровки, и то и дело поглядывала на экран телефона, будто надеялась увидеть там хоть какое-то объяснение тому, что происходит. Но экран был пуст: ни уведомлений, ни новостей, только время, которое тянулось невыносимо медленно.

Они подошли к старому корпусу, где сегодня должны были пройти первые пары, немного запыхавшись — лестница перед входом всегда казалась чуть круче, чем нужно. Зайдя внутрь, они окунулись в привычный запах старого здания: смесь пыли, мела и чего-то неуловимо университетского. Но сегодня даже этот запах казался чужим, как будто за ночь в нём прибавилось горечи.

В коридоре, у раздевалок, они наткнулись на одиозных группников, которые оживлённо, но не весело, а с какой-то лихорадочной поспешностью что-то обсуждали.

— Привет, девчонки! — окликнул их Дима, староста группы, всегда выглядевший уверенно и по-деловому. Но явно не сегодня. Он был чертовски напуган. Глаза у него были красные, будто он не спал всю ночь, а пальцы нервно теребили уголок учебника. — Вы слышали новости?

Фая нахмурилась, предчувствуя неладное.

— Какие ещё новости? — спросила Лиза, голос её звучал твёрдо, но Фая заметила, как она чуть сильнее сжала лямку рюкзака.

— Опять нашли разорванный труп... — Дима понизил голос, оглядываясь по сторонам. — Говорят, в парке. И уже не первый за эту неделю. А ещё пропадают люди. Наш привычный сектор сходит с ума, и это явно что-то дерьмовое. И это не только у нас, по всей Т-6 творится что-то нехорошее.

Лиза, Соня и Фая переглянулись.

— Да ладно? — недоверчиво протянула Соня. — А что случилось?

— Не знаю, подробностей нет, — ответил Дима, пожимая плечами. — Но говорят, что пропавших людей видели где-то за пределами Т-6-А1. И все они выглядели... странно. Ходят слухи, что трупы в городе — их работа.

— Странно — это как? — уточнила Фая, почувствовав, как по спине пробежали мурашки. Она снова «сфотографировала»: Диму — его бегающие глаза, сжатые губы; угол коридора, где стояла одинокая камера наблюдения; табличку над дверью — «Сектор Т-6-А1, участок 4, доступ разрешён

по пропускам 2-го уровня». Цифры и буквы сами собой отпечатались в голове, будто требовали, чтобы их запомнили.

— Да не знаю я, — выдохнул Дима. — Говорят, кожа бледная, глаза какие-то... ненормальные. Как будто одержимые. Точно никто не знает, что с ними случилось. И найти их не могут. Из города людей не выпускают. На границах зоны начинается паника.

Он нахмурился, барабанил пальцами по учебнику.

— И самое стрёмное, что это не только у нас. Из соседних зон тоже приходят подобные весточки. Пропадают люди, и никто не знает, куда они деваются. Но там хоть как-то пытаются держать ситуацию под контролем: блокпосты выставили, патрули усилили.

Соня нервно сжала телефон, будто он мог вдруг выдать ей официальное объяснение, которого нигде нет.

— Это точно слухи, — твёрдо сказала Лиза, но даже её голос звучал чуть тише обычного. — Если бы было что-то серьёзное, администрация разослала бы уведомления. Или хотя бы повесили объявление.

Дима криво усмехнулся:

— Уведомления? В Т-6? Ты сама знаешь, как это работает.

А потом он сделал паузу и понизил голос, пока подруги пытались переварить информацию:

— А вот Нулевой узел... Там будто ничего и не происходит. Столица, понимаете? Официально — всё в порядке,

тишь да гладь. Никаких заявлений, никаких усиленных патрулей. Но люди-то не дураки, видят, что что-то не так. Шепчутся, боятся. Уезжают тихо, чтобы не привлекать внимания. Поговаривают, если начинаешь слишком много спрашивать или искать пропавших, то и сам исчезнуть можешь. Информации оттуда почти нет, власти всё глушат, зоны-то изолированы друг от друга. Всё только слухи да домыслы, но даже их хватает, чтобы волосы дыбом встали. Правительство молчит, полиция делает вид, что ничего не видит... Похоже, там всё настолько плохо, что они просто пытаются это скрыть.

— И что нам делать? — спросила Лиза.

— Ходят слухи, что одно сообщество в Т-5 собирает факты. И у них есть данные: заражённые не просто убивают. Они каким-то образом искажают воспоминания тех, кто был рядом. Делают так, что человек сам начинает сомневаться: «А было ли это? Может, мне показалось?».

— Как такое возможно? — охнули в унисон Фая и Соня.

— Никто не знает. Но тех, кто помнят, больше не видят, — Дима показательно провёл пальцем по шее, ёжась не то от холода, не то от ужаса.

Лиза на секунду прикрыла глаза, будто собираясь с мыслями, а потом твёрдо сказала:

— Нам на пару. Не надо накручивать себя раньше времени.

Соня покосилась на неё, хотела что-то возразить, но лишь молча кивнула. Фая почувствовала, как внутри всё сжима-

ется: раньше её волновало только то, как бы не опозориться со своей врождённой неловкостью, а теперь вдруг стало страшно совсем по-другому — за всех них сразу. Страх был не абстрактным, а очень конкретным, как холодный дождь, который пробирался под воротник.

В этот момент к ним подошла их одноклассница, Маша, всегда казавшаяся немного замкнутой и робкой. Она нервно теребила край свитера, а глаза были расширены, будто она видела что-то, чего другие не замечали.

— Уже двое пропавших с нашего общежития, — прошептала Маша.

— Что?! — воскликнула Соня.

— Да, — подтвердила одноклассница. — Говорят, они жили на третьем этаже... Их вещи до сих пор лежат в комнатах. Никто не убирает.

У Фаи перехватило дыхание. Она «сфотографировала» Машу: дрожащие пальцы, взгляд, который будто цеплялся за реальность, боясь её потерять. И снова — камеру в углу, объектив которой едва заметно двигался, сканируя коридор.

— Бред какой-то, — пробормотала Фая, пытаясь убедить в этом в первую очередь себя. — Просто слухи.

Но тревога, уже поселившаяся в душе, никуда не уходила. Она была тяжёлой, холодной, как капли дождя, и казалась почти физической.

Они всё ещё стояли посреди коридора, когда пришло время первой пары. В аудитории атмосфера была ещё более на-

пряжённой. Преподаватель, обычно бодрый и энергичный, выглядел уставшим и подавленным. Он стоял у доски, держа мел так, будто тот был слишком тяжёлым для него. Начав лекцию, он несколько раз запинаясь и отвлекаясь, будто пытался удержать в голове не только тему занятия, но и что-то ещё — что-то, о чём нельзя было говорить вслух.

Когда он наконец записал на доске первую формулу, рука у него дрогнула, и мел оставил на поверхности не ровную линию, а прерывистый, ломаный след — как будто даже сам мир начал давать сбои.

— Как вы знаете, в нашем секторе сложилась... сложная ситуация, — сказал он, откашлявшись. — Мы все обеспокоены этими... внезапными исчезновениями и смертями. Я понимаю, что сейчас вам, возможно, тяжело. Но помните, что мы — одна команда, и вместе преодолеем любые трудности. Мы все вместе справимся. Главное — оставаться спокойными и поддерживать друг друга. Власти держат ситуацию под контролем, можете в этом не сомневаться.

В задних рядах кто-то нервно фыркнул. Студент с короткой стрижкой, которого Фая знала как Артёма, тихо, но отчётливо бросил:

— Держат под контролем... Да на выезде из сектора уже третий день блокпост стоит. Никого не выпускают.

Преподаватель на секунду замер, будто слова ударили его физически, потом быстро совладал с собой и строго посмотрел в ту сторону:

— Артём, сейчас не время для паники. Блокпосты — это мера предосторожности, чтобы не допустить распространения... нестабильности.

Фая услышала, как ещё две одноклассницы с задней парты начали переговариваться. Девушка с длинной чёлкой, закрывающей половину лица, тихо проговорила:

— Я хочу уехать. Хоть сегодня. У тети в соседнем секторе дом — там, говорят, спокойнее. Я пыталась оформить пропуск, но в администрации сказали: «Ограничения по перемещению в секторах до особого распоряжения, выезды за пределы зон запрещены». Что это вообще значит?

— Значит, нас держат здесь. Как будто сектор — это клетка, а зона — наша тюрьма, — мрачно ответила ей подруга.

Лиза, сидевшая рядом, тихо добавила, не поднимая глаз от тетради:

— Вчера в чате писали, что даже курьеров не пускают. Как будто хотят, чтобы мы вообще ни с кем не общались. Будто если мы не будем знать, что происходит в других местах, то и бояться не будем.

Дима, сидевший впереди, обернулся и вполголоса, не поворачивая головы к преподавателю, бросил:

— Бояться как раз надо. Потому что, если не выпускают, значит, бояться, что кто-то узнает правду. Или что кто-то увидит, как много людей пропадает.

Преподаватель, будто почувствовав нарастающий гул недовольства, повысил голос:

— Прошу, давайте сосредоточимся на материале. Сейчас самое важное — не поддаваться слухам и сохранять ясность ума. Мы справимся, если будем действовать разумно.

Артём снова не выдержал:

— А если я не хочу «справляться» здесь? Если я просто хочу уехать к родителям в другой сектор или вообще свалить из нашей зоны в другую? Мне что, сидеть и ждать, пока мы все не вымрем?

В аудитории повисла тяжелая тишина. Преподаватель медленно выдохнул, будто каждое слово давалось ему с усилием:

— Сейчас выезды ограничены. Это не обсуждается. Но я обещаю: как только ситуация стабилизируется, всё вернётся на круги своя. А пока — пожалуйста, берегите себя и друг друга.

Соня едва слышно прошептала Фае:

— Он сам не верит в то, что говорит.

Фая посмотрела на преподавателя — на его усталые глаза, на дрожащие пальцы, сжимающие край кафедры, — и тихо ответила:

— Наверное, он просто пытается нас успокоить. Но это уже не помогает.

Фая сидела, вжавшись в стул. Ей казалось, что воздух вокруг сгустился, давил на неё, словно тяжёлый груз. Она посмотрела на Лизу и Соню. Они тоже выглядели напуганными.

После лекции Соня тихо сказала подругам:

— В интернете пишут, что за эту неделю уже больше сотни человек пропало. По разным городам находят трупы, истерзанные животными. По крайней мере, пишут, что это животные. На деле же...

— Никто не знает, что происходит на самом деле, — добавила Лиза.

Фая молчала. Она чувствовала, как страх сковывает её. Реальность вокруг казалось какой-то непривычно странной, как будто все они попали в какой-то жуткий фильм.

Она пролистала пересланные сообщения от Сони. Исчезновения. Растерзанные трупы. Заголовки кричали о новых жертвах, о панике в соседних городах и селах, о нехватке мест в моргах. Фая почувствовала, как мир, который они знали, рушится. Она понимала, что что-то страшное надвигается.

Фая бросила телефон в сумку и посмотрела на своих подруг.

— Я... я не знаю, что делать, — прошептала она.

— Надо что-то решать, — твердо сказала Лиза. — Нельзя просто сидеть и ждать, пока нас всех это коснётся.

Фая молчала. Она знала, что Лиза права. Но что они могли сделать? Что вообще кто-то мог сделать? Она чувствовала себя маленькой и беспомощной перед лицом надвигающейся катастрофы.

Лекции проходили сумбурно: преподаватели торопились,

будто хотели поскорее закрыть тему и уйти, а студенты переглядывались, шептались, нервно ёрзали на стульях. В перерывах коридоры наполнялись паническими разговорами, слухами и домыслами. Все старались держаться вместе, подбадривать друг друга, шутить, но под маской оптимизма прятался один и тот же страх — тихий, липкий, не дающий нормально дышать.

После пар Лиза, Соня и Фая вышли из университета. Город будто стал чужим: люди шли по улицам, избегая друг друга, лица были напряжены, а взгляды скользили мимо, будто каждый боялся зацепиться взглядом за чужую беду.

У перекрёстка застыл патруль в тяжёлой экипировке — они проверяли пропуска, сверяя коды на карточках с данными на планшете.

— Зона Т-6, сектор А1, объект 4. Предъявите пропуск, — голос патрульного звучал ровно, без интонации, будто он повторял заученную фразу в сотый раз за день.

Лиза первой шагнула вперёд и протянула карточку. Патрульный провёл ею по сканеру. Экран коротко мигнул, высветив: «Т-6-А1-4-К9. Статус: активен. Доступ: локальный. Ограничение: выезд запрещён. Уровень тревоги: Жёлтый».

— Проходите, — буркнул патрульный и тут же перевёл взгляд на следующего, будто три девушки уже перестали для него существовать.

Фая снова «сфотографировала» сцену: тяжёлый бронежилет, на плече — нашивка с кодом «Т-6-П-2», тусклый свет

экрана, где строка «Ограничение: выезд запрещён» горела чуть ярче остальных. И ещё — едва заметную трещину на стекле сканера, будто техника тоже не выдерживала напряжения этого дня.

Когда они отошли от блокпоста, Соня выдохнула, будто только сейчас вспомнила, что нужно дышать.

— У меня сердце чуть не выпрыгнуло, — призналась она, нервно теребя край ветровки. — Он даже не посмотрел на нас. Как будто мы не люди, а строчки в базе данных.

— Именно, — тихо сказала Лиза. — Для них мы сейчас — просто коды. И пока эти коды активны и не выходят за границы, мы «в порядке».

Фая покосилась на стену. Там, чуть выше уровня глаз, снова была трафаретная надпись: «Зона Т-6, сектор А1, объект 4. Контроль: ежечасный». Рядом — маленькая табличка с дополнительной пометкой: «Доступ: пропуска 2-го уровня. Внимание: при изменении статуса сектора доступ автоматически аннулируется».

— «При изменении статуса...» — повторила Фая почти шёпотом, будто пробуя фразу на вкус. — Что это значит? Какой ещё статус?

— Не знаю, — ответила Лиза, но в её голосе впервые проскользнула неуверенность. — Но, если статус меняется, и доступ аннулируется... значит, нас могут просто отрезать. От остальных секторов. От всего.

Соня вздрогнула.

— Хватит, — попросила она. — Пожалуйста, хватит про коды и статусы. Я сейчас просто хочу дойти до общежития. Хочу заварить чай. И чтобы хотя бы пять минут никто не говорил про блокпосты, тревоги и пропавших людей.

Лиза на секунду прикрыла глаза, будто собираясь с силами, потом кивнула:

— Ладно. Чай. И пять минут тишины.

Но тишина не шла. Даже шаги по мокрому асфальту звучали теперь как-то иначе — слишком отчётливо, будто город прислушивался к ним.

Они свернули в переулок, который Фая знала наизусть: здесь всегда пахло свежей выпечкой из маленькой пекарни на углу, а в витрине цветочного магазина круглый год стояли пышные букеты. Но сегодня пекарня была закрыта, жалюзи опущены, а на двери висела записка: «До особого распоряжения». Цветочный магазин выглядел так, будто его бросили в спешке: один горшок упал, земля рассыпалась по полу, а стекло витрины пошло мелкой паутинкой.

Фая невольно остановилась, «сфотографировав» эту картину: пустую улицу, закрытые двери, треснутое стекло. И в самом углу, почти незаметную, ещё одну маркировку — «Т-6-А1-5-Р2». Раньше она бы прошла мимо, не заметив. Теперь эти буквы и цифры казались ей не просто кодами, а следами чего-то, что медленно захватывало город.

— Фая, ты чего? — окликнула Соня, уже успевшая отойти на несколько шагов вперёд.

— Ничего, — Фая тряхнула головой, прогоняя наваждение. — Просто... тут всё изменилось. Даже то, что не должно было.

— Это потому, что мы теперь видим, — тихо сказала Лиза, глядя не на подругу, а прямо перед собой. — Мы смотрим и замечаем. А раньше не замечали.

Вернувшись в комнату, Фая первым делом бросилась к телефону. Она понимала, что просто обязана поговорить с родителями. Набрав номер, Фая нервно закусила губу, пальцы слегка дрожали.

— Алло, мам? — произнесла Фая, услышав гудки.

— Фаечка! — Голос матери звучал встревоженно, но в нём слышалось и огромное облегчение. — Ты как? Мы только что видели новости... ну, то есть то, что от них осталось. Всё обрывочное, путаное, половина каналов не работает. Папины знакомые из Т-9-Б1 перестали выходить на связь.

Фая слышала, как отец что-то тихо говорит матери на заднем плане, и в трубке на секунду прорезался его голос: «Скажи ей про блокпосты».

— У нас всё в порядке, мам... Пока, — ответила Фая, стараясь говорить спокойно, чтобы не выдать, как сильно колотится сердце. — У нас тут... ну, ты сама всё знаешь. Патрули на каждом углу, лекции читают, будто ничего не происходит.

— Да, мы тоже в шоке, — сказала мать. — Слушай, Фаечка, собирай пока вещи. Мы не сможем забрать тебя утром — на утренние часы как раз усиливают проверки. Но у нас есть

пропуск, мы его всё-таки достали. Папа договорился через старых знакомых из администрации сектора. Пропуск временный, с пометкой «семейное воссоединение», уровень доступа — 3-й. Он даёт право на один выезд из Т-6-А1 и проезд до Т-6-Б6.

— А как же тогда... — начала Фая.

— Мы заберём тебя завтра вечером, — перебил её отец, взяв трубку. Его голос звучал твёрдо, но в нём чувствовалось напряжение. — К семи вечера патрули на главных КПП обычно немного снижают темп, меняют смену. Мы подъедем прямо к ограждению у вашего общежития — ты его знаешь, это тот, что с выцветшей табличкой у входа. Не выходи за периметр сама — мы всё согласуем с дежурным, у пропуска есть специальная пометка. Главное — будь в своей комнате до нашего звонка. Как только получим подтверждение на проход, сразу наберём.

Фая на секунду замерла, переваривая услышанное. Т-6-А1-7 — их общежитие. Место, которое ещё вчера казалось просто старым зданием с вечно скрипучими лестницами, а теперь вдруг стало точкой, к которой должны сойтись все нити спасения.

— Ты поняла, дочка? — спросил отец. — Если до вечера что-то случится — звони на резервный номер. Тот, что я записал на обороте твоего студенческого. Он работает через старую сеть, её пока не глушат.

— Я поняла, пап, — прошептала Фая. В груди что-то сжа-

лось — не только от страха, но и от странного, почти забытого чувства: её ждут. За неё борются.

— И ещё, — добавил отец, и голос его стал жёстче. — Ни с кем не ходи никуда после шести. Сегодня уже начали усиливать патрулирование дворов. Если увидишь патруль у входа — не выходи, затаись. Мы сами всё уладим.

— Хорошо, пап, я всё сделаю, — кивнула Фая, хотя родители не могли её видеть.

— Мы будем, как только сможем, — ответила мать. — Главное, будь осторожна и никуда не ходи одна! Любим тебя, дочка.

— Да, хорошо, поняла. И я люблю вас.

Положив трубку, Фая несколько секунд посидела, глядя на тёмный экран телефона, будто надеялась увидеть там подтверждение, что всё это не сон. Потом подняла глаза на Лизу и Соню. Обе подруги смотрели на неё с пониманием, не перебивая, пока она выговаривалась, сглатывая ком в горле.

— Родители... они достали пропуск. Временный, третьего уровня. Завтра вечером они заберут меня прямо от общежития Т-6-А1-7.

Лиза мягко накрыла ладонью руку Фаи:

— Конечно, езжай. Мы тебя поймём. Главное — будь в безопасности. Дома хотя бы родители рядом, а тут... — она неопределённо махнула в сторону окна, за которым город уже погружался в ранние сумерки, и улицы казались непривычно пустыми, будто кто-то стёр с них всю обычную жизнь.

— Да, Фая, — поддержала Соня, голос её дрожал, но она старалась держаться ровно. — Если тебе будет спокойнее дома, езжай. Мы справимся. Будем держаться на связи, каждый день писать, а если сеть ляжет — придумаем другой способ.

Соня чуть помедлила, будто подбирая слова, и тихо добавила:

— Я, наверное, пока никуда не поеду. Родители, мы живём на окраине Т-6-А1, почти у самой границы сектора. Если что, они меня заберут. Там вроде как спокойнее, да и дороги пока не перекрыты полностью... по крайней мере, так говорят.

Лиза тяжело вздохнула, опустив взгляд на свои сцепленные пальцы, и тихо произнесла:

— У меня... бабушка, наверное, не приедет. Она в больнице, в изоляционном крыле. Врачи не пускают никого, даже родственников. Да и некому, собственно, за мной... — она запнулась, будто стыдясь этой горькой простоты. — Я тут одна.

Подруги крепко обнялись, тесно прижавшись друг к другу, пытаясь сдержать подступающие слёзы — не только от предстоящей разлуки, но и от этого странного, колючего чувства: будто мир вокруг сжимается, отсекая пути к спасению.

В этот момент экран Сони вспыхнул, и она, нахмурившись, потянулась к телефону.

— Опять этот «Лик Правды», — пробормотала Соня, смахнув слезинку тыльной стороной ладони. Она не пыта-

лась скрыть слёзы — сейчас это казалось бессмысленным. — Они снова что-то выложили.

— Что ещё за «Лик Правды»? — удивилась Фая, вытирая слёзы и пытаясь переключиться на что-то внешнее, чтобы не рассыпаться окончательно.

— Да какое-то странное сообщество в сети, — пояснила Соня, разворачивая экран так, чтобы все видели. — Они уже несколько последних месяцев постят какие-то мрачные сообщения и предупреждения. Вот, смотрите.

«Т - 9 - Б: связь потеряна. Не ждите официальных объявлений — они придут слишком поздно».

«Блокпосты не для вашей защиты. Они для того, чтобы вы не узнали правду».

Фая почувствовала, как по спине пробежал холодок. Пальцы невольно сжались в кулаки.

— Мне родители сказали, что знакомые папы оттуда перестали выходить на связь... что зоны отныне изолированы. Когда вышла эта запись?

— Три дня назад, — тихо ответила Соня, не отводя взгляда от экрана. — Ещё до того, как в новостях вообще сказали про ограничения на выезд. Как будто они знали раньше всех.

Лиза нахмурилась, будто пыталась сложить в голове два несовместимых факта, и покачала головой:

— Или просто угадали. В такие времена все начинают предсказывать худшее. Это работает как самосбывающееся пророчество: кто-то написал — люди поверили — началась

паника.

— Угадали? — переспросила Фая, голос дрогнул. — А если это не гадание? Если у них есть какой-то доступ... к тому, что скрывают? К настоящим сводкам, к отчётам патрулей?

— Да ладно тебе, Соня! — Лиза резко махнула рукой, но в этом жесте было больше напряжения, чем уверенности. — Как такое возможно? Кто будет сливать данные в какой-то левый паблик?

— Может, и бред, — не сдавалась Соня. — Но посмотри вот сюда. — Она пролистала ленту дальше и ткнула пальцем в экран. — Они неделю назад писали, что в Т-6 уровень угрозы поднимут до «жёлтого», а сегодня как раз в новостях про блокпосты сказали. Дальше писали, что по секторам начнётся паника — и сегодня в ленте как раз ролики мелькают, как люди у КПП толпятся.

Фая наклонилась ближе, вглядываясь в строчки, будто они могли дать ответ на вопрос, который она боялась задать вслух.

— А это ещё что? — прошептала Фая, указывая на новый пост, который Соня только что прокрутила.

На экране светился короткий, но тревожный текст:

«Не верьте никому. Они уже не люди. Не оставайтесь одни в темноте. Коды меняются — не верьте старым пропускам».

В комнате повисла тишина. Даже уличный шум, обычно пробиравшийся сквозь стекло, будто стал тише, словно го-

род тоже затаил дыхание.

— «Коды меняются», — повторила Фая почти шёпотом. — Пропуск родителей... он временный. Третьего уровня. А если... если его уже нельзя использовать?

Лиза резко подняла голову, и в её взгляде мелькнуло то самое жёсткое спокойствие, которое появлялось, когда она решала, что пора действовать.

— Стоп, — сказала она твёрдо. — Не надо накручивать себя раньше времени. Пропуск есть. Родители едут. Мы будем опираться на факты, а не на посты из сомнительных сообществ. Если завтра выяснится, что код не работает — тогда будем думать, как обойти. Но не сейчас. Сейчас нам нужно просто продержаться до вечера. И не дать страху забрать контроль.

Соня медленно опустила телефон экраном вниз, будто хотела спрятать от себя эти слова, но не могла заставить себя выключить его совсем.

— Прости, — тихо сказала она. — Просто... когда читаешь такое, кажется, что ты единственный, кто видит, как всё рушится.

— Ты не одна, — Фая снова обняла её, на этот раз крепче. — Мы все это видим. Просто... по-разному с этим справляемся.

— Бред какой-то, — фыркнула Лиза. — Похоже на дешевый хоррор. Никаких «они». Просто психи какие-то, которые из каждого кода строят теорию заговора.

Фая согласилась вслух, но внутри у неё всё сжалось, и неприятное чувство только усилилось.

— Может, стоит просто быть осторожнее? — предложила она.

— Осторожнее? — Лиза усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья. — Конечно. Носить с собой чеснок и серебряные пули? Или выучить наизусть все коды секторов на случай внезапной проверки?

Поздним вечером Лиза, Соня и Фая сидели в комнате общежития. На столе стояла коробка с пищей из ближайшего супермаркета и бутылка дешёвого вина — их прощальный вечер. Завтра Фая уезжала, Лиза оставалась, а Соня пока никуда не собиралась.

— Ну что, — сказала Лиза, пытаясь улыбнуться, — будем есть пищу и говорить всякую ерунду, как будто ничего не происходит.

— Да, как будто всё в порядке, — кивнула Соня, хотя в её глазах читалась тревога. Они чокнулись пластиковыми стаканчиками и принялись за пищу. Разговоры текли вяло, прерываясь долгими паузами. Все понимали: будущее неопределённо, и никто не знал, когда они увидятся снова.

— Ты главное звони, как приедешь, — сказала Соня, обращаясь к Фае. — И пиши. Рассказывай, что там у вас.

— Обязательно, — пообещала Фая, стараясь скрыть подступающие слёзы. — И вы тоже пишете, что у вас тут происходит.

Лиза кивнула:

— Будем держать в курсе. Ты же знаешь, я точно пока тут остаюсь. Если что, буду тебе сообщать. Про коды, про новые зоны, про любые слухи — всё, что услышу.

Вскоре наступила тишина. Девушки просто сидели, молчали, каждая думала о своём. Фая пыталась настроить себя на позитивный лад, но мысли о том, что она уезжает в неизвестность, не давали ей покоя. В этот вечер особенно остро чувствовалось, как страшно жить в городе, где даже привычный адрес заменяют безликие коды.

Ночью Соня не сдержалась и всё же зашла в сеть, чтобы проверить ленту. Лиза с Фаей пытались отговорить её, но это было бесполезно. Через пару минут Соня повернула экран к подругам. На нём пульсировал, будто живой, очередной пост от «Лица Правды»:

«Уничтожьте телефоны. Не слушайте новости — они обманывают. Прячьтесь. Они среди нас. Пытайтесь избежать стирания памяти. Коды уже подменяют: Т - 12 - Б4 больше не существует. Не верьте картам».

— Ну вот, совсем уже крыша поехала, — прокомментировала Лиза, заглянув через плечо Сони. — Прямо призывают к паранойе.

— Да, бред, — кивнула Соня, но всё же задержала взгляд на посте. — Но, блин, как будто они знают, что происходит вокруг. Как будто видят то, что скрыто за этими кодами.

— Никто ничего не знает, — сказала Фая, пытаясь убе-

дить себя и подруг. — Просто совпадения, вот и всё.

Потянувшись за очередным бокалом вина, Лиза вдруг хитро прищурилась:

— А знаешь, Фая, а почему бы тебе что-нибудь им не написать? Просто так, ради забавы. Потроллить немножко этих конспирологов.

— Да ну, Лиза, — отмахнулась Фая. — Не хочу я в это лезть.

— Да ладно тебе! — подключилась Соня, подталкивая к Фаяе её телефон. — Один раз всего. Напиши что-нибудь вроде: «Ребята, а вы точно уверены, что ваши параноидальные теории — это не результат передоза дешёвым вином?»

Фая засмеялась, представив реакцию анонимных интернет-борцов за правду. Но, вспомнив о своём беспокойстве, о том, что она чувствует себя не в своей тарелке, девушка заколебалась.

— Да что я напишу-то? — спросила она, чувствуя, как алкоголь слегка расслабляет её.

— Да что угодно! — подхватила Лиза. — Спроси, где они берут свои секретные коды, или предложи им устроить совместный сеанс гадания на кофейной гуще.

Соня хихикнула и, подхватив телефон Фаи, начала тыкать пальцем в экран, то и дело промахиваясь мимо букв:

— Сейчас я им напишу, что у меня внутренний детектор кодов сломался, — бормотала она, хихикая. — Пусть пришлют инструкцию: «Как отличить тревожный код от обыч-

ного, если у тебя паника и трясутся руки». Или хотя бы ссылку на курс «Коды для чайников».

Фая закатила глаза, но не смогла сдержать улыбку:

— Ты серьёзно? Ты хочешь, чтобы эти конспирологи учили тебя основам паники?

— Ага, — не сдавалась Соня, наконец попав по кнопке «Отправить». — Пусть дадут гарантию, что после обучения я смогу с умным видом кивать, когда кто-то бормочет «тройка в Бете» и смотрит в темноту.

Лиза фыркнула и потянулась за куском пиццы:

— Гениально. Запишем в резюме: «Прошла экспрес-курс по расшифровке городских кодов. Умею паниковать структурированно».

Соня торжественно подняла стаканчик с вином:

— Вот именно! Теперь я не просто волнуюсь — я делаю это на профессиональном уровне.

— А чего не со своей страницы? — уже откровенно веселилась Фая, чуть наклонив голову и разглядывая Соню, будто видела её впервые.

— Так интереснее! — заявила Соня с хитрой улыбкой, не отрывая взгляда от экрана. В её глазах плясали озорные искры. — Пусть думают, что это ты такая бесстрашная. А я буду тихо сидеть в сторонке и наблюдать, как интернет-пророки теряют дар речи от твоей дерзости. Это же будет эпично! Ты не против стать звездой конспирологической ленты, а?

Фая, хоть и с сомнением, всё же рассмеялась — её смех

прозвучал как выдох, будто из груди разом ушло немного тяжести. Устоять перед обаянием Сони было невозможно. Да и мысль о том, чтобы слегка встряхнуть этих напыщенных теоретиков, вдруг показалась не такой уж безумной. Лиза громко захохотала, запрокинув голову, и даже в этом смехе слышалось облегчение. Фая смотрела на подруг и чувствовала, как тугой узел напряжения в груди потихоньку развязывается. Может, и правда все эти страхи — просто тени, которые разрастаются в темноте?

— Ну, давай, жги! — подбадривала Лиза, когда Соня наконец нажала «Отправить» и тут же прикрыла ладонью экран, будто боялась, что ответ прилетит мгновенно.

Все трое замерли, затаив дыхание. Секунды тянулись, как резиновые. И вот — под комментарием появилась первая отметка «Нравится». Потом ещё одна, ещё...

— Ого, популярность! — ухмыльнулась Соня, поворачивая телефон к подругам. — Кажется, народ оценил мой фирменный стиль.

Но внезапно, вместо очередного лайка, под комментарием всплыло новое сообщение. Ответил сам «Лик Правды»:

«Мы не шутим. Сами узнаете. Коды не врут. Смотрите на метки».

В комнате будто выключили звук. Даже тиканье старых часов на полке стало слышно отчётливо и как-то слишком громко. Лиза и Соня переглянулись — в их взглядах мелькнуло одинаковое замешательство. А Фая вдруг почувствова-

ла, как по спине пробежал не просто холодок, а настоящий ледяной сквозняк.

В тот же миг раздался резкий, слишком громкий в этой тишине звук — уведомление о личном сообщении в соцсети Фаи. Соня, всё ещё державшая телефон подруги, от неожиданности дёрнулась и выронила его. Аппарат глухо стукнулся о ковёр.

— Ой! — испуганно воскликнула Соня, тут же наклоняясь за ним и поднимая так бережно, словно это была не техника, а что-то хрупкое и живое. — Прости, прости, я не специально!

Фая взяла телефон из её рук, пальцы чуть подрагивали. Экран на мгновение погас, потом загорелся снова — и сразу высветил неп прочитанное сообщение. Фая открыла его, стараясь не думать о том, что там может быть, но мысли всё равно путались.

— Что там? — нетерпеливо спросила Лиза, подавшись вперёд.

Фая промолчала, уставившись на экран так, будто буквы могли вдруг сдвинуться и сложиться в другую, менее пугающую фразу.

— Ну, что? — чуть настойчивее подтолкнула её Соня. — Признались, где фольгу оптом закупают? Или прислали инструкцию по сборке антипараноидального шлема?

Фая медленно подняла глаза. Голос, когда она заговорила, звучал непривычно тихо, будто боялся спугнуть тишину:

— Там... там адрес.

— Адрес чего? – растерянно переспросила Лиза, нахмурившись.

— Просто адрес, – прошептала Фая и протянула телефон.

На экране светилась точка на карте, координаты, а под ними — код локации: Т-5-В1-4. Рядом мелким шрифтом значилось старое название здания из соседнего сектора — то самое, что давно стёрли со всех городских карт.

— И ещё вот это, – добавила она, ткнув пальцем чуть ниже.

Сообщение гласило: *«Спасу твою шкуру. Не стоит благодарности.»*

— Блин, ну и гадость, — скривилась Соня, невольно отодвинувшись от экрана. — Наверное, это какой-то массовый спам. Или они так всех троллят: кидают рандомные адреса, чтобы народ бегал по заброшкам. Не парься.

Лиза кивнула, стараясь говорить твёрдо:

— Точно. Просто игнорируй. Завтра ты уезжаешь, и всё это останется здесь, в этом городе, в этих чатах. Забудешь, как страшный сон.

Фая смотрела на код Т-5-В-4, и он казался теперь не просто набором букв и цифр, а чем-то вроде метки, которая прицепилась к ней и не хотела отлипнуть. Она очень хотела поверить подругам, хотела убедить себя, что это просто нелепый розыгрыш. Но внутри всё равно шевелился холодный червячок тревоги: коды никогда не появлялись просто так.

— Ладно, — выдавила Фая, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы правы. Просто какая-то глупость.

Остаток ночи выдался беспокойным. Посты «Лика Правды» проносились в голове Фай. Она долго ворочалась, пытаюсь уснуть, но стоило закрыть глаза, как перед мысленным взором возникали координаты и ехидная приписка. Лиза и Соня быстро провалились в сон, а Фая продолжала лежать с открытыми глазами, всматриваясь в темноту. Ближе к рассвету она всё же провалилась в беспокойный сон, полный смутных образов.

Утро выдалось тяжелым — то ли из-за дешёвого вина, то ли из-за недосыпа, то ли от того, как плотно тревога осела в груди после вчерашних новостей. Новостная лента пестрела тревожными сводками, и с каждым заголовком девушки всё острее ощущали безысходность. Лиза решила пойти в университет — хоть разведать обстановку, хоть просто отвлечься. Она отправилась с парой знакомых ребят, будто вместе им было легче притворяться, что мир всё ещё работает по привычным правилам.

В комнате общежития было тихо. Фая собирала вещи, нервно хватая то одно, то другое, будто боялась, что если остановится хоть на минуту, то вообще не сможет уехать. Соня пыталась помогать, но только мешала: то ставила коробку не туда, то путалась в ремнях рюкзака. В какой-то момент Фая задела полку — с неё посыпались учебники, и один, особенно тяжёлый, угодил ей прямо по колену. Фая тихо выру-

гальса, потёрла ушиб и вздохнула.

Ко второй половине дня город уже начал погружаться в сумрак. Лиза вернулась в общежитие. В коридоре лампы горели через одну, и тени ложились странно, будто кто-то нарочно их растягивал. Из-под двери их комнаты доносился приглушённый шум. Лиза постучала, хотя у неё был ключ с собой.

— Войдите! — раздался голос Сони.

Внутри шторы были плотно задернуты, и комната казалась капсулой, отрезающей их от остального мира. Фая сидела на кровати, растирая ушибленное колено. Соня безуспешно пыталась привести в порядок собранные вещи: один пакет стоял косо, косметичка лежала открытой.

— Ну как ты? — Лиза подошла к Фаяе, пряча тревогу за будничным тоном.

— Да так, ерунда, — Фая поморщилась, с трудом поднимаясь с кровати. — Не везёт мне, как обычно.

— Ты уверена, что тебе надо идти в магазин? — нахмурилась Соня.

— Какой ещё магазин? — Лиза перевела взгляд с одной подруги на другую.

— Надо кое-что купить в дорогу, — кивнула Фая. — Думала, сейчас схожу.

— Может, не стоит? — подхватила Лиза. — Вдруг опять что-то случится?

— Всё нормально, — Фая старалась говорить бодро, но

голос чуть дрогнул. — Просто буду аккуратнее. Не хочу вас обременять. Тем более у меня список большой.

Соня шагнула к двери:

— Я с тобой схожу. Хоть пакеты донести.

— Нет, не надо, — Фая замотала головой. — Ты оставайся. Мне нужно немного побыть одной. Собраться с мыслями.

Лиза и Соня переглянулись — в этом взгляде было и понимание, и нежелание отпускать подругу одну. Но спорить не стали.

— Хорошо, — наконец сказала Лиза. — Будь осторожна.

— И звони, как дойдёшь, — добавила Соня чуть выше обычного, будто боялась, что Фая не услышит.

Фая кивнула, взяла сумку и вышла из комнаты.

На улице моросил мелкий дождь, капли оседали на куртке, делая ткань тяжёлой. Фая поежилась от холода. Тело казалось немного чужим: движения давались с трудом, будто суставы забыли, как правильно работать. Она шла по пустынной улице, стараясь не думать о плохом, но взгляд сам цеплялся за тёмные подъезды, редкие машины и тени, которые двигались чуть быстрее, чем должны были.

До магазина было всего несколько кварталов, но каждый шаг давался с усилием. После вчерашнего напряжения и утренней суеты Фая была рассеянной, а эта рассеянность делала её уязвимой. Справа проехала машина, чуть не задев сумку; Фая еле успела увернуться. От резкого движения пакеты дёрнулись, а внутри что-то звякнуло.

В магазине она долго собирала нужное: то забывала, что уже положила в корзину, то застывала посреди прохода, пытаясь вспомнить список. Выходя, споткнулась о неровность тротуара, чуть не упала, но вовремя ухватила за стойку с газетами. Пальцы вцепились в металл так крепко, что на коже остались лёгкие вмятины.

Краем глаза Фая заметила, как из темноты переулка, выходящего на улицу, на неё кто-то пристально смотрит. Силуэт был едва различим, будто растворялся в полумраке. Фая уже давно пожалела, что пошла одна, но упрямство не позволяло достать телефон и позвонить подругам.

Наконец, нагруженная сумками, она направилась обратно. Тяжёлые пакеты тянули вниз, сумка соскальзывала с плеча, но Фая упрямо шла вперёд, будто если будет двигаться достаточно быстро, всё плохое просто не успеет её догнать. Хотелось побыстрее вернуться в комнату, к девочкам, где даже беспорядок казался уютным.

Когда Фая уже почти подошла к общежитию Т-6-А1-7, из тени вынырнул высокий мужчина в чёрной куртке с глубоким капюшоном, скрывавшим почти всё лицо. Он улыбался, но улыбка казалась неестественной, будто он примерял её, как чужую маску.

— Девушка, вам не тяжело с пакетами? — спросил он. — Давайте я вас провожу.

Фая инстинктивно отшатнулась. В его глазах читалась холодная отстранённость, будто девушка для него была не че-

ловеком, а деталью в непонятном уравнении. Но, собравшись с мыслями, она решила, что, возможно, просто накручивает себя.

— Спасибо, я сама справлюсь, — ответила Фая, стараясь говорить спокойно, хотя напряжение стягивало мышцы, как тугие верёвки.

Мужчина слегка кивнул и отошёл в сторону, не произнеся больше ни слова. Фая пошла дальше, спиной всё равно чувствуя чужой взгляд. Она ускорила шаг, а дойдя до входа, обернулась. Незнакомца уже не было видно — будто его и не существовало, а тень просто легла неудачно.

«Может просто домой пошёл?» — подумала Фая, пытаюсь убедить себя, что ничего страшного не произошло. Она быстро поднялась в комнату, где её уже ждали Соня и Лиза. Они сидели на кроватях, взволнованно переглядываясь, и в этом молчаливом обмене взглядами было столько тревоги, что Фая стало тепло и горько одновременно.

— Ты как? Всё в порядке? — тут же засыпала её вопросами Лиза. — Мы видели в окне странного мужчину рядом с тобой.

— Он к тебе не приставал? — подхватила Соня. — Может, нужно было вызвать полицию?

— Всё хорошо, девчонки, — успокоила их Фая, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Просто немного напугалась.

Она посмотрела на их лица — на напряжённые складки у глаз, на сжатые губы, на эту готовность в любую секунду со-

рваться и защищать её. «Как же мне будет их не хватать», — подумала Фая, и эта мысль легла на сердце тяжёлым грузом.

Вскоре раздался звонок — родители приехали. Фая обняла подруг на прощание, стараясь не расплакаться, но слёзы всё равно предательски скапливались в уголках глаз.

— Я буду скучать, — прошептала она, уткнувшись Соне в плечо. — Обязательно приезжайте в гости.

— Конечно, приедем! — заверила Лиза, голос дрожал, но она старалась звучать твёрдо. — Будем ждать тебя у нас!

— И не забывай звонить! — добавила Соня, сжимая Фаю так крепко, словно хотела удержать её здесь, в безопасности. — И рассказывать всё-всё, до последней мелочи!

Фая кивнула, вытерла слёзы и, не оборачиваясь лишний раз, вышла из комнаты. Но уже у двери всё-таки не удержалась — бросила короткий взгляд через плечо. Подруги стояли рядом, плечи к плечу, и в их глазах было столько тревоги и нежности, что у Фаи снова защемило сердце.

Родители ждали у входа в общежитие. Мама тут же заключила её в объятия, будто хотела убедиться, что дочь настоящая, живая и целая.

— Ну, как ты, доченька? — спросила она с тревогой в голосе, скользя взглядом по Фае, словно выискивая хоть малейший признак беды. — Никто не обидел? Мы так волновались, пока ты дошла!

— Всё хорошо, мам, — улыбнулась Фая, стараясь, чтобы улыбка не выглядела жалкой попыткой скрыть волнение. —

Я просто немного устала.

Папа открыл багажник машины.

— Давай вещи, дочь, — сказал он, и в его голосе слышалась привычная деловитость, за которой пряталось огромное напряжение. — Пора ехать.

Фая взглянула на здание общежития, на окна, из которых выглядывали Соня и Лиза, и почувствовала, как ком подступает к горлу. Она покидала не просто комнату — она покидала часть своей жизни, где всё было понятным, где страх был чем-то далёким и почти игрушечным.

— Я буду скучать по вам, — тихо сказала Фая, смотря на подруг, зная, что они не слышат её слов, но, может быть, чувствуют.

Соня и Лиза помахали в ответ. Их руки взмывали вверх, а лица становились всё меньше, растворяясь в серой городской дымке. На фоне пасмурного неба мелькнул код сектора — Т-6-А1, словно печать, фиксирующая момент расставания.

Фая села в машину, и родители тронулись с места. Всю дорогу они старательно цеплялись за безопасные темы — про погоду, старые фильмы, детские страхи Фаи перед грозой. Но паузы между фразами звенели напряжением, будто воздух уже напитался тревогой и вот-вот должен был разрядиться молнией.

— Мы обязательно решим вопрос с твоим отчислением, — наконец произнёс отец, прерывая тягостную тишину. Го-

лос звучал так, словно он пытался убедить в этом прежде всего себя. — Поговорим с деканом, найдём выход.

— Главное, чтобы ты была в безопасности, — тихо добавила мама, нервно теребя край кофты. — Учёба важна, но не важнее твоей жизни.

Фая кивнула, чувствуя, как хрупкое тепло родительской заботы едва согревает её изнутри.

— Пап, а ты... ты что-нибудь узнал про те случаи? — тихо спросила она, не решаясь произнести слово «трупы». Сердце колотилось так, что отдавалось в висках тяжёлым ритмом.

Отец вздохнул, бросил на неё быстрый, полный тревоги взгляд и после паузы ответил:

— Узнал. И это хуже, чем мы думали. В зонах нарастает паника. Люди исчезают, патрули усиливают проверки, а в чатах мелькают коды, которых нет ни на одной официальной карте. Кое-кто шепчет про «чистку секторов». Я не хочу, чтобы ты это слышала, но скрывать уже нельзя.

По спине Фаи побежали мурашки, острые, как ледяные иглы.

— Что значит «хуже»? — нахмурилась она.

— Значит, что мы едем не домой, — твёрдо сказал отец. — Мы едем в убежище. У Виктора, моего армейского друга, есть старый бункер в лесу, недалеко от нашей дачи. Он давно его готовил — на всякий случай. Сейчас этот случай настал.

Мама резко повернулась к нему:

— Куда мы едем? — спросила она, голос её прозвучал

непривычно тонко, почти по-детски. — Саша, что происходит? Мы вынуждены бросить всё и бежать?

— А что нам остается? — вспылil отец, резко ударив по рулю. Звук удара отозвался в салоне, как глухой крик. — Ты видела эти сообщения, дальше всё будет ещё хуже! Я не хочу рисковать вашими жизнями.

— Но... работа, дом, друзья... — растерянно произнесла мама, и в голосе прозвучала такая боль, будто она уже прощалась со всем этим. — Всё бросить?

— Сейчас это неважно, Мария! — отрезал отец, и в этом резком тоне слышалась не жестокость, а отчаяние человека, который защищает самое дорогое. Фая интуитивно напряглась: папа редко называл маму полным именем, и это явно был тревожный знак. — Сейчас для меня главное — ваша безопасность! Витя говорит, что за этим явно кто-то стоит, и сейчас лучше не выяснять кто.

— Но как же так... — мама снова отвернулась к окну, и Фая увидела, как по её щеке скользнула одинокая слеза, тут же впитавшаяся в ткань кофты. — Мы ведь ничего не взяли... ни вещей, ни документов...

Отец сжал руль так, что костяшки побелели.

— Документы у меня, — глухо ответил он. — Остальное не важно. Главное — добраться до бункера. Витя сказал, там есть всё, чтобы переждать. И связь — отдельная линия, не через городские вышки. Если начнётся полная изоляция, мы хотя бы будем знать, что происходит.

Фая смотрела на мелькающие за окном силуэты домов, и ей казалось, что город будто съёживается, становится чужим и враждебным. Каждый дорожный указатель, каждый код на табличке у перекрёстков — Т-5-А3, Т-5-А4, — теперь выглядел не как адрес, а как метка, предвещающая беду.

— А если... если нас не пустят? — прошептала Фая, сама пугаясь своего вопроса. — Если на трассе уже стоят блокпосты и проверяют коды?

Отец на секунду прикрыл глаза, будто собираясь с силами, и снова посмотрел на дорогу.

— У меня есть временный пропуск третьего уровня, — сказал он ровно, но Фая уловила в его голосе напряжение. — И ещё один документ, который я не хотел показывать, потому что он сам по себе может привлечь лишнее внимание. Там стоит пометка «Т-спец». Это не гарантия, но шанс.

Мама тихо всхлипнула, но тут же взяла себя в руки, выпрямила спину и посмотрела на Фаю:

— Мы справимся. Обязательно. Просто нужно держаться вместе.

Фая молчала. Она чувствовала себя беспомощной, маленькой и потерянной, как ребёнок, которого уводят из привычного мира в тёмный, незнакомый лес.

— Витя подготовил убежище для нас, — продолжил отец, смягчив тон и бросив взгляд на маму. — Там есть всё необходимое: продукты, вода, генератор, связь. Мы просто переждём, пока обстановка не утихнет. И, Маша, если это ока-

жется моей глупостью, клянусь — я всё верну на свои места.

Фая чувствовала, что воздух в машине наэлектризован страхом. Он стал густым, почти осязаемым, дышать им было тяжело. Она не знала, чего ждать дальше, но понимала: с этого момента жизнь изменилась навсегда.

И тут, словно в подтверждение самых мрачных предчувствий, раздался оглушительный удар — чудовищный, будто сама реальность треснула пополам. Мир перевернулся, наполнился скрежетом и рёвом искорёженного металла, звон разбивающегося стекла и криками, которые тут же оборвались, как перерезанные нити.

Когда сознание начало возвращаться, первым ощущением была острая боль, пронзающая всё тело. Фая попыталась открыть глаза — веки были словно налиты свинцом. Постепенно зрение прояснилось.

Салон машины превратился в месиво из металла и пластика, искорёженное, неузнаваемое. Переднее стекло было разбито, руль — сильно помят, а на передних сиденьях... родители. Мама, с безжизненным взглядом, устремлённым в никуда. Из её груди торчал осколок стекла, и вокруг него медленно расплзалось тёмное пятно, похожее на зловещий цветок. Отец, склонившийся вперёд, с неестественно вывернутой шеей, будто кто-то грубо сломал невидимую пружину, державшую его прямо. Они были мертвы.

Фая закричала, но голос утонул в тишине ночной дороги. Она попыталась пошевелиться — резкая боль в ноге не поз-

волила. Ногу зажало обломками.

И тут, в свете луны, пробивающемся сквозь деревья, она увидела его.

Высокий, костлявый, он двигался из темноты леса с неестественной грацией, будто не касаясь земли. Кожа была матовой, фарфорово-бледной — эта неживая белизна лишь усиливала кошмарность облика. Черты лица слегка размывались, но в них ещё угадывалась прежняя человечность — и эта «полутень» прошлого делала существо страшнее. Вместо зубов — огромные кривые клыки, глаза — серебристо-серые, местами налитые кровью. Руки с вывернутыми суставами заканчивались длинными когтями с зазубренными краями. Он приближался, рыча, и смотрел на Фаю с чистой звериной яростью. Движения были резкими, дёргаными — как у сломанной марионетки, — но пугающе быстрыми: он менял направление за доли секунды.

Страх сковал тело. Фая попыталась закричать — из горла вырвался лишь слабый хрип. Существо протянуло когтистую руку к разбитому окну. Но Фаю поразило другое: чужие глаза не просто светились — они флуоресцировали, излучая нездоровый зеленоватый свет, который словно вытягивал последние силы, парализуя волю. Это был не человек. Нечто чуждое, сломанное, с голодной безжалостной пустотой во взгляде.

Фая отчаянно пыталась понять, почему никто не остановился. Где хоть кто-то, кто услышал бы этот ужасный гро-

хот, увидел разбитую машину? Неужели на всём этом участке трассы никого не было? Но эта ночь была слишком тёмной, а трасса — слишком пустынной. Это место словно проклято: мобильная связь не ловила, ближайший населённый пункт находился в нескольких километрах, а глушь окружающего леса поглощала все звуки. И, возможно, те редкие путники, что проезжали мимо, просто боялись остановиться, испугавшись развалин и увидев зловещую фигуру, маячившую в темноте. Кто знает, что ещё могло скрываться в этой глуши? Страх — вот что удержало их, а не равнодушие.

Тем временем когтистая рука уже прорвалась внутрь салона, целя прямо в лицо. Фая инстинктивно отвернулась, но когти задели щеку, оставляя глубокую кровоточащую рану. Боль была адской — но она заставила встряхнуться, вернула способность мыслить.

Преодолевая боль в ноге, Фая отползла вглубь салона. Пальцы наткнулись на что-то твёрдое под сиденьем — гаечный ключ, который отец всегда возил с собой. Когда существо снова потянулось к ней, Фая ударила его ключом по руке. Монстр взвыл, отдернул руку — но тут же вырвал ключ и отбросил прочь.

Взгляд Фаи упал на осколок зеркала заднего вида, торчащий из приборной панели. Острый, зазубренный. Рискую пораниться ещё сильнее, она потянулась к нему, чувствуя, как стекло впивается в ладонь. Монстр замер, оценивая ситуацию. Фая собрала все силы и вонзила осколок ему в руку.

Раздался пронзительный визг. Монстр отшатнулся. Из раны потекла тёмная, почти чёрная, субстанция. Но это лишь разозлило его — глаза налились кровью, клыки оскалились в жуткой гримасе. Фая закрыла глаза, ожидая смерти.

И вдруг чужие движения стали неуверенными. Монстр замер, лицо исказилось — не то от боли, не то от ярости. Он словно боролся с чем-то внутри себя. Зашипел, закрывая лицо когтями, а из его уст вырвалось вполне человеческое ругательство:

— Да твою мать... Почему нельзя, я хочу жрать, пошли вы все...

Он зарычал, пытаясь снова сосредоточиться на Фаяе, но боль скрутила его в мучительный клубок. Монстр согнулся пополам, и лицо его начало меняться — клыки втянулись, когти убрались. Теперь перед Фаяей стоял человек: измученный, с тёмными кругами под глазами и запавшими щеками. На бледной коже проступали неестественно синие вены, будто по жилам текла не кровь, а нечто иное.

Он появился перед ней без одежды, и Фая изо всех сил старалась не смотреть на его наготу, отводя взгляд к потрескавшейся стене, к пятнам сырости, к чему угодно — лишь бы не видеть эту хрупкую, искалеченную человечность, которая пугала её даже сильнее прежнего облика чудовища. Она сжимала кулаки до побелевших костяшек, цепляясь за собственные мысли, как за перила над пропастью.

В неестественно светлых глазах парня ещё мерцали остат-

ки свечения, в них плескались боль, страх и отчаяние. Он выглядел не как хищник, а как жертва, загнанная в угол проклятием.

В перерыве между вспышками боли и накатывающей яростью он принял решение. Выпрямился, сфокусировал взгляд на Фае и, не отводя глаз от жертвы, положил руку той на голову — и тут же снова выпустил когти, впиваясь ими в кожу, закрепляясь, будто это прикосновение было единственным якорем в распадающемся мире.

Фая ощутила боль, будто кто-то выжигал изнутри каждый нерв, каждую мысль. Перед глазами поплыли чёрные пятна, реальность начала рассыпаться на осколки.

— Ты... не... вспомнишь... — прохрипел он искажённым голосом, в котором слышалась не злоба, а почти мольба, словно он сам ненавидел то, что делал.

Фая понимала: он не может убить её, и стереть память — единственный выход, который ему оставили инстинкты. Она цеплялась за воспоминания о родителях, о подругах, о смехе в школьном коридоре, о запахе дождя на асфальте — словно эти образы были нитями, удерживающими её от падения в бездну беспометства. Тьма сгущалась, личность растворялась, и каждый миг казался вечностью.

И тут, словно вспышка света, внутри что-то вспыхнуло. Сила воли, укрытая глубоко внутри, оказалась невосприимчива к этому холодному прикосновению. Вместо того чтобы раствориться, воспоминания не исчезли — они стали яр-

че, чётче, будто кто-то резко повернул ручку фокуса. Картины прошлого заиграли новыми красками, каждая деталь встала на своё место. Фая ощутила прилив сил, как будто её наполнили энергией, плотной и горячей, разгоняющей ледяную тьму.

Парень глухо выругался, пальцы его дрогнули, когти втянулись так же внезапно, как и появились. Он отшатнулся, будто сам испугался той границы, которую не смог пересечь, и, покачиваясь, побрёл прочь, растворяясь в полумраке коридора, оставляя после себя только запах озона и звенящую тишину.

В сознании Фаи воцарилась беспощадная ясность. Воспоминания об атаке, о монстре, о смерти родителей обрушились с новой силой. Но вместе с болью пришла ярость — та, что заставляет бороться, двигаться, выживать.

Напрягая все силы, она попыталась пошевелиться. Пальцы дёрнулись, сжались в кулак. Нога, сломанная и пульсирующая болью, не слушалась. Но Фая не сдавалась. Медленно, миллиметр за миллиметром, она начала освобождаться из ловушки искорёженного металла. Скрежет, боль, отчаяние — ничто не могло её остановить.

Наконец, с нечеловеческим усилием, Фая вырвалась из машины. Тело было в крови, ушибах и порезах. Но Фая была жива. Она лежала на мокрой земле, тяжело дыша, глядя на разбитую машину и тела родителей. Слезы навернулись — она тут же смахнула их. Сейчас не время для слабости.

Опираясь на обломки, Фая с трудом поднялась. Нога подломилась, и тело упало обратно на землю. Боль была невыносимой. Но вдали, сквозь деревья, мерцал слабый огонёк — единственная надежда.

Прежде чем двинуться, она должна была попрощаться.

С трудом подойдя к искорёженному передку, Фая посмотрела на родителей. Их лица были бледными и неподвижными в свете луны. Слезы, которые сдерживались до этого, хлынули потоком.

— Ма... Па... — шептала она. — Простите меня...

Фая не знала, за что именно просила прощения. За упрямство, заставившее их поехать ночью? За то, что не ценила каждую минуту рядом? За все невысказанные слова?

Фая нежно коснулась щеки матери, сжала холодную руку отца.

— Я вас люблю. Я буду помнить вас всегда.

Фая постояла ещё несколько мгновений, впитывая последние воспоминания. Потом вернулась к салону: телефоны разбиты вдребезги, вещи разбросаны. Но удалось найти небольшой рюкзак — сменные вещи, памятный фотоальбом, бутылка воды, остатки аптечки, несколько энергетических батончиков. Немного, но это давало шанс.

Утерев слёзы, Фая снова посмотрела на далёкий огонёк. Путь к нему казался невозможным. Но сдаться она не могла.

— Прощайте, — прошептала Фая, в последний раз глядя на застывшие лица родителей. — Мне будет вас очень не

хватать.

Стиснув зубы, Фая поплелась к далёкому огоньку.

Внезапно перед ней снова возник тот человек — теперь уже совсем похожий на обычного, без звериных черт. Он был в одежде, непонятно откуда взявшейся: мешковатая чёрная толстовка, спортивные штаны, шлёпки на несколько размеров больше. Будто он накинул на себя первое, что попало под руку.

Его кожа оставалась такой же бледной, почти прозрачной, будто сквозь неё можно было разглядеть хрупкую сеть вен, пульсирующих от каждого удара сердца. А глаза — слишком светлые, почти льдистые — выглядели странно чужими на этом измученном лице, словно принадлежали кому-то другому, более спокойному, не знавшему боли.

Он выглядел встревоженным, словно сомневался в чём-то, будто каждое слово, которое он собирался произнести, могло всё испортить. В его взгляде мешались странная надежда и страх — не тот животный ужас, который она видела раньше, а тихий, человеческий страх сделать неверный шаг и потерять последний шанс.

— Ты... ты помнишь что-нибудь? — хрипло спросил он.

Фая похолодела: он вернулся проверить, стёрлась ли память. И тогда она решила подыграть. Склонив голову, Фая изобразила растерянность:

— Где я? Что произошло?

Он внимательно вгляделся в лицо Фаи, пытаясь понять,

врет она или нет.

— Ты попала в аварию, ударилась головой. Ничего не помнишь?

Фая покачала головой, шепнув:

— Только боль... и пустоту.

В его взгляде мелькнуло облегчение.

— Хорошо... значит, всё получилось, — пробормотал он себе под нос и отвернулся, собираясь уйти.

— Постой! Помоги мне, пожалуйста... — слабо позвала Фая, стараясь звучать беспомощно. — Я совсем одна...

Он замер, в нём шла внутренняя борьба. Потом произнёс ледяным тоном:

— Нет. Я не могу.

И прежде, чем Фая успела что-либо сказать, он развернулся и быстро скрылся в темноте леса, оставив её одну, раненую и беспомощную, на обочине дороги, недалеко от искореженных останков прошлой жизни. Слезы смешались с кровью на щеках. Накатила волна тошноты — Фая наклонилась, её вырвало. Когда приступ прошёл, она утерла рот рукавом и снова подняла взгляд на огонёк. Теперь тот был не просто надеждой — обещанием, которое Фая дала себе.

Стиснув волю в кулак, Фая продолжила путь. Боль в ноге вспыхивала с каждым шагом, но мысли о родителях придавали сил: папа всегда говорил «Главное — не сдаваться», а мамыны объятия будто и сейчас согревали изнутри.

Время потеряло смысл. Фая шла, цепляясь за деревья, во-

лоча ногу, повторяя как заклинание: «Я дойду. Я обязана дойти». Огонёк то исчезал за стволами, то снова появлялся, дразня и маня.

Лес вдруг стих — даже ветер замер. Фая насторожилась. Где-то совсем близко треснула ветка. Она резко обернулась, но тьма скрыла всё. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на весь лес.

«Это просто ветка, — шептала Фая себе. — Просто лес живёт своей жизнью». Но страх уже скользнул под кожу, заставляя судорожно сжимать лямку рюкзака.

Собрав остатки сил, Фая снова двинулась вперед. И тут из темноты, прямо перед ней, возникла фигура. Не монстр, не тот странный человек, а кто-то другой — мужчина, высокий, в плотной куртке, с фонариком, направленным не в лицо, а чуть в сторону, чтобы не ослепить.

— Эй! — голос прозвучал неожиданно мягко, почти успокаивающе. — Ты кто? Что ты делаешь здесь одна?

Фая хотела закричать, броситься прочь, но тело не слушалось. Ноги подкосились, и она рухнула на землю, не в силах больше держаться.

— Не подходи! — прохрипела Фая, хотя голос звучал жалко и слабо. — Не трогай меня!

Незнакомец замер, медленно опустил фонарик, чтобы свет не бил прямо в глаза, и поднял руки, показывая, что не опасен.

— Я не причиню тебе вреда, — спокойно сказал он. — Я

лесник, живу вон там, в сторожке у старой просеки, на границе Т-6-А4 и Т-6-Б1. Услышал шум, пошёл проверить... А тут ты. Ты ранена?

Фая смотрела на него, пытаясь понять, можно ли верить этим словам. В её мире, где за каждым деревом пряталась угроза, доверие стало роскошью, которую она не могла себе позволить. Но сил сопротивляться уже не было — ноги будто приросли к полу, а внутри разливалась странная, почти пугающая усталость.

И вдруг взгляд зацепился за самую обычную деталь: глаза. Не льдисто-голубые, не светящиеся, не пугающие своей чуждостью — а самые обычные карие. Тёплые, чуть усталые, в них не было ни хищного блеска, ни холодной расчётливости, ни той бездонной пустоты, которая заставляла сжиматься от одного взгляда. Просто человеческие глаза, в которых читалась неловкость и отчаянное желание быть понятым.

А ещё — кожа. Никакой болезненной прозрачности, никаких неестественно синих вен, будто проступающих сквозь тонкую пелену. Обычная кожа, чуть смуглая, с лёгкой тенью усталости, как у человека, который слишком долго не спал и слишком много пережил

— Машина... авария... — выдавила Фая, и слова дались ей с трудом, будто каждое царапало горло изнутри. — Родители... они...

Голос сорвался, и слёзы, которые она так старательно сдерживала, снова покатались по щекам, смешиваясь с гря-

зью и кровью. Мужчина тихо выругался себе под нос, потом быстро опустился рядом с ней на колени, стараясь не делать резких движений.

— Давай я помогу тебе встать, — тихо сказал он. — Тут недалеко. У меня есть аптечка, теплая вода. Ты сможешь дойти, если я тебя поддержу?

Фая колебалась всего мгновение. В чужих глазах не было ни хищного блеска, ни безумия — только усталость и искреннее желание помочь. И этого оказалось достаточно.

— Да, — прошептала она. — Пожалуйста... помогите.

Лесник аккуратно подставил плечо, помог подняться. Фая стиснула зубы, чтобы не закричать от боли, и оперлась на него. Каждый шаг теперь давался чуть легче — не потому, что боль ушла, а потому что она больше не была одна. Пока они медленно шли к сторожке, мужчина тихо рассказывал:

— Тут у нас глухо, редко кто ездит. Я лесник, уже третий год тут живу. Иногда кажется, что весь мир забыл про это место. Но сегодня... сегодня я будто почувствовал, что случится беда. Поэтому и пошёл проверять дорогу.

Фая слушала его голос, ровный и спокойный, и впервые за эту бесконечную ночь стало чуть теплее внутри. Не физически — тело всё ещё сотрясала дрожь, — а где-то глубоко, там, где пряталась надежда.

Когда впереди показалась маленькая деревянная сторожка с тусклым светом в окне, у Фаи на секунду перехватило дыхание. Это был не просто дом — это было убежище. Ме-

сто, где можно было упасть, закрыть глаза и позволить кому-то другому хоть ненадолго взять ответственность на себя.

Лесник открыл дверь, усадил её на жёсткую, но такую желанную кровать, зажёл лампу. Комната наполнилась тёплым желтоватым светом, который казался почти волшебным после тьмы леса.

— Сейчас я всё сделаю, — пообещал он, доставая аптечку. — Сначала обработаю раны, потом дам горячего чая. А потом расскажешь, если сможешь.

Фая кивнула. Напряжение, сковывавшее её с момента аварии, понемногу отпускало. Но в глубине души она знала: это лишь короткая передышка. Тайна, скрытая за кодом Т-5-В1-4, всё ещё висела над ней. Но не сегодня. Сегодня ей просто нужно было выжить.

Пока лесник возился с бинтами, Фая закрыла глаза. Перед внутренним взором мелькнули лица Сони и Лизы. «Я должна им написать, — подумала она. — Должна дать знать, что жива». Но телефоны разбились, а здесь связь не ловила. Оставалось только надеяться, что подруги не сдадутся и будут её искать.

— Как тебя зовут? — тихо спросил лесник, промывая порез на её щеке.

— Фая, — прошептала она.

— Хорошо, Фая, — кивнул он. — Теперь ты в безопасности. Хоть ненадолго.

Фая хотела ему верить. Очень хотела. Но где-то на краю

сознания всё ещё шевелился страх: а вдруг и это место — часть чьей-то зловещей игры?

Когда мужчина протянул кружку с чаем, тепло обожгло ладони, и по телу медленно растеклось долгожданное облегчение. Впервые за ночь Фая позволила себе подумать: «Может быть, я действительно выживу».

Она не заметила, как веки стали невыносимо тяжёлыми. Тепло, тихий голос, мягкий свет — всё слилось в убаюкивающее ощущение, будто её наконец укрыли от ветра и холода. Слова рассыпались, не успев сложиться во фразы, и Фая провалилась в беспамятство.

Время внутри сторожки текло странно. Фая то приходила в себя, то снова уплывала в вязкий сон, где кошмары смешивались с воспоминаниями. Лесник — его звали Игорь — терпеливо ухаживал за ней: промывал раны, менял повязки, приносил тёплый бульон, тихо сидел рядом, если она просыпалась в панике.

— Ты в безопасности, — повторял он спокойно. — Я здесь. Ты просто отдыхай.

На четвёртый день Фая смогла сесть, опираясь на спинку кровати. Голова кружилась, нога ныла, но она чувствовала, что больше не может просто ждать.

— Игорь, мне нужно идти, — хрипло сказала Фая. — Мои подруги... Они не знают, где я. А в нашем секторе А1 что-то происходит — я чувствую это.

Игорь замер, потом подошёл к окну, отодвинул занавеску

и посмотрел в сторону дороги.

— Единица в Альфе, — повторил он тихо. — Туда уже несколько дней не доходят даже наши рации. Связи нет.

— Значит, я должна туда попасть, — настаивала Фая. — Даже если придётся ползти.

Игорь повернулся к ней, и во взгляде мелькнуло уважение.

— Ты упрямая. Но ты права: сидеть тут и делать вид, что ничего не происходит, уже нельзя. У меня есть старый квадроцикл. До ближайшей развилки довезу тебя. Дальше придётся идти пешком, но хотя бы часть пути сэкономишь.

Фая хотела возразить, что справится сама, но прикусила язык. Сейчас она действительно не справится.

— Спасибо, — тихо сказала Фая. — Я верну долг. Когда всё закончится.

Игорь усмехнулся без веселья:

— Не надо ничего возвращать. Просто постарайся выжить.

Путь до границы Т-6-А1 оказался мучительным: квадроцикл трясся на кочках, каждый толчок отдавался в повреждённой ноге. Игорь ехал впереди, иногда оборачивался, коротко проверял, держится ли она, и снова смотрел вперёд. В этом молчании было что-то надёжное.

Когда они добрались до развилки, где просека упиралась в заброшенную дорогу, Игорь заглушил мотор. Вокруг стояла странная, неестественная тишина — даже птицы не пели,

будто лес затаил дыхание. Пыль медленно оседала на траву, подчеркивая эту звенящую пустоту.

— Дальше ты пойдешь одна, — сказал он, не глядя на Фаю, будто боялся, что взгляд сломает решимость. — Я не могу идти с тобой. Если там что-то случилось, мне нужно будет вернуться и предупредить своих.

Фая кивнула, не в силах говорить. Она слезла с квадроцикла, стараясь не опираться на больную ногу, и посмотрела на дорогу, уходящую в сторону границ

Игорь молча подошёл к багажнику, достал рюкзак Фаи и протянул ей.

— Тут немного, но пригодится: вода, сухари, пара банок тушенки, спички, ещё один бинт и обезболивающее. И вот это. — Он положил сверху маленький компас на потрепанном кожаном ремешке. — Старый, но точный. Если связь не появится, он выведет тебя хотя бы к железной дороге. Там больше шансов встретить нормальных людей.

Фая взяла рюкзак, ощутив приятную, почти спасительную тяжесть.

— Спасибо, — прошептала она, и голос дрогнул. — Я... я не знаю, как тебя благодарить.

— Не надо благодарить, — тихо ответил Игорь, глядя куда-то поверх её головы, будто боялся, что, если посмотрит прямо, не сможет отпустить. — Просто иди. И не геройствуй. Если станет совсем плохо — прячься. Выживание важнее гордости.

— Будь осторожна, — добавил он чуть мягче. — И, если увидишь что-то странное... не пытайся разобраться в одиночку. Просто уходи.

Фая снова кивнула, а потом, не выдержав, шагнула к Игорю и крепко обняла. Это было не по-геройски, не по-взрослому, но ей нужно было почувствовать, что есть хоть кто-то, кто верит в неё.

— Спасибо, — прошептала она. — За всё.

Игорь кивнул, положил руку на плечо Фаи, чуть сжал — и тут же убрал, будто сам испугался этой вспышки тепла. Он завел мотор снова, но не поехал прямо, а свернул на узкую, заросшую тропу, уходившую в сторону.

— Я поеду этой дорогой. Так быстрее доберусь до связи, — бросил коротко, будто оправдываясь, и уже собрался рвануть вперед, но вдруг замер, будто что-то вспомнив. — И... Фая. Не возвращайся туда, где была авария. Там уже почти всё убрали, я договорился. Но тебе незачем снова это видеть.

Он не стал объяснять, как договаривался, сколько сил на это потратил, сколько людей пришлось уговорить. Просто смотрел на неё несколько секунд, потом резко кивнул и поехал прочь, оставляя за собой тонкую струйку пыли и ощущение, что он уносит с собой часть опоры.

Фая стояла, прижимая руку к боку, и смотрела вслед, пока квадроцикл не скрылся за поворотом.

Она всё поняла. Игорь специально выбрал маршрут, который уводил их подальше от места аварии, чтобы Фая не

вспомнила, не споткнулась взглядом о то, что могло снова швырнуть её в тот ужас. И то, что он сам упомянул про убранный аварию, звучало как попытка защитить даже после расставания.

Слеза скользнула по щеке, но Фая тут же смахнула её. Не время.

Но внутри ворочалось ещё одно чувство — тяжёлое, колющее. Вина. Фая так и не сказала Игорю про того... существа. Получеловека-полумутанта, которого видела (или думала, что видела) в лесу. То ли сон, то ли бред от боли и шока, то ли реальность, которая была слишком страшной, чтобы произносить вслух. А теперь, когда Игорь уехал, рискуя собой, чтобы предупредить других, эта недоговорённость жгла сильнее, чем боль в ноге.

«Я должна была сказать, — крутилось в голове, пока она делала первый шаг по заброшенной дороге. — Хоть что-то. Хоть намёк».

Но следом приходила другая мысль: а вдруг это действительно был бред? Вдруг Фая сама всё придумала, чтобы объяснить свой страх? И тогда она просто подвергла бы Игоря лишней опасности, заставила бы его искать то, чего нет.

Фая сделала ещё один шаг, потом ещё — но вдруг остановилась. Ноги будто сами отказались идти дальше. Не пошла по дороге к месту аварии — потому что знала: если даже посмотрит в ту сторону, где всё рухнуло, её просто накроет, и она уже не встанет. Но совсем не попрощаться с тем, что

осталось от прошлой жизни, тоже было нельзя. Фая закрыла глаза и тихо прошептала:

— Простите. Простите, что не смогла вас защитить. Что не смогла ничего сделать.

Майский ветер шевельнул траву, но не принес ни ответа, ни утешения — только лёгкое, едва уловимое тепло, словно кто-то на секунду коснулся её плеча.

— Но я не сдамся, — продолжала Фая, и в голосе, сначала тихом и ломком, постепенно появилась твердость. — Я буду идти дальше. Ради вас. Чтобы всё это не было зря.

Фая достала из кармана штанов старую фотографию — та самая, где они втроём смеялись у университетской стены, а родители стояли позади, обнявшись. Фая провела пальцем по их лицам, будто хотела запомнить каждую чётточку, каждую улыбку.

— Я буду помнить, — тихо сказала, пряча снимок обратно. — Каждую минуту, что мы провели вместе. Каждую вашу фразу. Каждую заботу.

И, словно услышав эти слова, ветер снова шевельнулся, на этот раз чуть сильнее, будто кивнул в ответ.

Фая глубоко вдохнула, чувствуя, как холодный воздух обжигает легкие, и расправила плечи. Боль никуда не исчезла, нога по-прежнему ныла при каждом движении, но внутри появилось что-то новое — не надежда, нет, пока ещё слишком рано для неё, а решимость. Тяжёлая, спокойная, как камень, который не сдвинуть ни ветром, ни бурей.

Фая посмотрела на свой рюкзак, на компас, на дорогу впереди. И сделала первый шаг. Потом второй. И ещё один. Каждый шаг отдавался болью, но теперь эта боль была не просто мукой — была напоминанием. О том, что Фая жива. О том, ради кого должна выжить. О том, чьё прощание теперь ведет вперед.

По мере приближения тишина сменилась гулом. Отдалённые крики, взрывы, стрельба... Город, казалось, превратился в поле боя. На подходе к окраинам Фая увидела первых беженцев. Люди, одетые в потрёпанные куртки и жилеты с маркировкой сектора, брели по дороге, подальше от города. У многих на рукавах были нашивки с кодами зон и личными идентификаторами. Кто-то тащил сумки, кто-то прижимал к груди планшет с мигающим экраном, кто-то вёл за руку ребёнка, не сводя с него глаз, будто боялся, что тот исчезнет в этой суете. Их глаза были полны отчаяния и страха. Некоторые молча плакали, другие бормотали обрывки фраз про «перекрытие коридоров» и «аварийный протокол». Они шли, спотыкаясь и падая, но поднимались снова, гонимые ужасом, который творился в городе.

Фая почувствовала, как по спине пробежал холодок. Что же там происходит?

Она остановила одну женщину, тащившую за собой маленького ребёнка. На её куртке тускло поблёскивал значок с кодом Т-6-С-12 — похоже, та была из административного персонала одного из городских узлов шестой зоны.

— Что там происходит? – спросила Фая, задыхаясь от волнения. – Что с городом?

Женщина посмотрела на неё заплаканными глазами, машинально поправила бейдж, будто тот мог как-то защитить от происходящего.

— Там ад, – проговорила она. – Мутанты повсюду. Они убивают всех подряд. Система секторов рушится: коридоры перекрывают, статусы меняют каждый час. Спасайся, пока не поздно.

Фая кивнула и отпустила её. Слова женщины лишь укрепили решимость. Она должна была узнать, что случилось. Пройдя через блокпост, охраняемый солдатами в броне с эмблемами службы контроля периметра, Фая наконец-то вступила на улицы города. И то, что предстало перед глазами, превзошло все самые страшные ожидания.

Разрушенные здания, перевёрнутые машины, растерзанные тела на улицах... Город был опустошён. Воздух был пропитан дымом и гарью, а над кварталами висели тяжёлые облака, подсвеченные тревожным красным светом аварийных прожекторов. На столбах мигали таблички с предупреждениями: «Статус сектора изменён. Доступ ограничен. Перемещение по коридорам только по спецпропускам». Где-то вдалеке сирена выводила прерывистый ритм, который означал активацию протокола «Периметр-Альфа».

Не раздумывая, Фая направилась к общежитию, где многие месяцы она разделяла счастливые моменты студенческой

жизни вместе с Лизой и Соней. Это место было не просто зданием — это была её точка опоры, её «маяк» в этом городе.

Добравшись до общаги, Фая увидела, что здание сильно повреждено. Окна выбиты, стены исцарапаны глубокими бороздами, будто по ним прошли когтями, повсюду валялись обломки мебели и обрывки кабелей с маркировкой внутренней сети сектора. У входа дежурили несколько солдат с оружием в руках; на их планшетах мелькали схемы коридоров и списки статусов, которые обновлялись каждую минуту. Один из них поднял взгляд, коротко оценил её вид и устало бросил:

— Дальше нельзя. Зона закрыта на карантин. Все перемещения — только по приказу штаба.

Но Фая не слушала. Она смотрела не на солдат, а на темный проём коридора, где когда-то звенел смех её подруг. Сейчас там царил тишина, тяжёлая и неестественная, будто само пространство отказывалось помнить о прежней жизни.

«Лиза... Соня...» — пронеслось у неё в голове. Она должна их найти. Даже если весь город превратился в лабиринт закрытых коридоров и меняющихся статусов.

Пытаясь обойти их стороной, Фая заметила знакомую фигуру. Это был староста их группы, Дима. Обычно уверенный в себе, всегда отзывчивый и готовый прийти на помощь, сейчас выглядел совершенно другим человеком. Плечи поникли, взгляд стал тусклым и потерянным. Его одежда была грязной и помятой, со следами запёкшейся крови, а на лице

виднелись следы усталости и невыплаканных слёз.

— Дима! — позвала Фая, обрадовавшись знакомому лицу, хотя его нынешний вид сильно встревожил.

Дима вздрогнул и обернулся. Увидев Фаю, он нахмурился, словно не мог поверить своим глазам.

— Фая? — произнес удивлённо, заключая подругу в объятия, голос звучал хрипло и надломленно. — Ты жива? Я думал...

— Что здесь произошло? — перебила Фая, игнорируя чужие слова. Она не могла терять время на объяснения. — Где Лиза и Соня?

Дима опустил глаза и отошёл от Фаи, избегая её взгляда. Он помял в руках смятый край своей ветровки.

— Лиза и Соня... — пробормотал едва слышно. — Их больше нет.

Сердце Фаи оборвалось. Слова Димы прозвучали как приговор, словно гром среди ясного неба.

В этот момент взгляд скользнул по стене рядом с КПП — по трафарету, который Фая раньше не замечала: Т-6-А1-7.

Т-6-А1. Шестая зона. Единица в Альфе. Тот самый сектор, где они жили, учились, смеялись. Но теперь рядом, прямо поверх старой краски, кто-то вывел жирным красным маркером: Т-6-А1-7-Q.

Q — Quarantine. Карантин.

И эта буква вдруг всё объяснила лучше любых слов. Общежитие, где жили Лиза и Соня, теперь не дом, а террито-

рия, которую система официально признала опасной. Не место, где можно обнять подругу, а объект, к которому даже подходить запрещено.

— Они погибли, Фая, — повторил Дима, и его голос был тихим, словно шёпот ветра. — В самом начале. Монстры напали на общежитие. Они... они не смогли спастись. Я... я пытался... но не успел. Я был там, Фая. Я всё видел...

Фая смотрела на Q, и ей казалось, что эта буква въелась прямо в сетчатку. Холодная, безликая, окончательная. Система уже всё решила: тут больше нельзя жить, тут больше никого нельзя спасти.

Невольно, почти машинально, Фая сделала то, что делала всегда, когда мир становился слишком резким и невыносимым: она «сфотографировала» образ. Не камерой — памятью, по кусочкам, как училась когда-то: угол стены, где стык кирпичей образует неровную стрелку; облупившуюся краску вокруг кода; дрожащую тень от решётки, похожую на трещину; и эту проклятую Q, будто вырезанную прямо в воздухе. Она фиксировала детали не для того, чтобы сохранить их, а чтобы удержать себя — чтобы, если почва уйдёт из-под ног, можно было вернуться к этому кадру и сказать: «Вот где я стояла. Вот что я видела».

В груди всё сжалось, но пальцы будто сами тянулись выхватить ещё одну деталь: скол на цифре «1», будто кто-то пытался её стереть и не смог. Фая запомнила и это. Записала внутренним щелчком затвора. Теперь, если позже придётся

пересказывать, она не скажет «там была красная надпись». Она скажет: «Цифра „1“ была надколота, будто её били чем-то острым. А буква Q лежала поверх всего, жирная, будто кровь».

— Мне надо к ним! — прошептала Фая, слёзы градом покатились по щекам. Она рванулась было к проёму двери, но Дима крепко сжал руку подруги.

— Нельзя, Фая, — сказал твёрдо, но в его голосе слышалась не сила, а усталость. — Система не пустит. На всех КПП теперь стоит запрет на вход в сектор А1. Статус Q перекрывает любые личные коды. Наши пропуска тут больше ничего не решают.

Фая не слушала. Ей было всё равно на статусы, на протоколы, на запреты. Но сама мысль, что даже её студенческий пропуск теперь ничего не значит, что не откроет ни одной двери, добивала сильнее всего.

— Это же наш дом! — выкрикнула она, глядя на перечёркнутый трафарет. — Как они могут просто взять и закрыть его?

— Для системы это уже не дом, — тихо ответил Дима, продолжая крепко держать руку Фаи. — Это объект с пометкой «опасный». И статус у него один: Q.

И тут Фая вдруг вспомнила, как раньше они смеялись над этими кодами. «Т-6-А1-7, да кому это нужно?» — говорила Лиза, закатывая глаза. Соня добавляла: «Я не объект, я человек!»

Теперь эта шутка звучала как пророчество. Потому что сейчас система действительно видела в них только объекты с кодами и статусами. И статус у общежития был один: **Q**.

«Нет, это всё неправда! Это сон! Проснуться, проснуться!» — билось в воспалённом мозгу, но ужасная реальность цепко держала в своих когтях.

«Лиза... Соня...» — она пыталась вырваться из хватки Димы, рыдая и бессвязно выкрикивая их имена, но тот лишь крепче прижимал подругу к себе, понимая, что сейчас Фая не в себе и ей нельзя позволить сделать глупость.

— Фая, послушай меня, — Дима говорил тихо, но твёрдо, стараясь перекрыть рыдания. — Я понимаю, как тебе больно, но туда нельзя. Там опасно, здание может обрушиться в любой момент. Лиза и Соня... они бы не хотели, чтобы ты рисковала собой. Пожалуйста, Фая, успокойся.

Дима обнял крепче, чувствуя, как дрожит чужое тело. Фая продолжала всхлипывать, но постепенно рыдания стихали. Слова Димы, словно тихий причал в бушующем море, возвращали к реальности. Фая понимала, что он прав. Бежать в общежитие, поддавшись эмоциям, было бы самоубийством.

Наконец Фая отстранилась от Димы, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. В её глазах всё ещё стояли слёзы, но в них уже появилось что-то новое — решимость.

— Как... как это произошло? — прошептала Фая. Голос звучал сломленно и безжизненно.

Дима тяжело вздохнул и опёрся о стену.

— Это было ужасно, — он нервно помотал головой, словно пытаясь отогнать лишние воспоминания. — Монстры появились внезапно. Никто не знал, что происходит. Просто... монстры. Они были везде... ворвались в общежитие, напали на всех подряд. Лиза и Соня не успели забаррикадироваться. У них не было шансов.

Он замолчал, словно не в силах продолжать. Фая видела, как по его щекам тоже текут слёзы. Дима, всегда такой сильный и уверенный, сейчас был сломлен горем.

— А ты? — спросила Фая. — Как ты выжил?

Дима вытер слезы и посмотрел на неё.

— Мне повезло, — сглотнул он. — Я был на верхнем этаже. Мне удалось спрятаться и спастись. Я видел всё, что происходило внизу. Это было кошмарно.

Он снова замолчал, погрузившись в воспоминания о пережитом ужасе. Фая смотрела на него. Она видела страх, отчаяние и бессилие в его глазах. И в этот момент поняла, что не может рассчитывать на помощь Димы.

— Я видел, как некоторые пытались пробиться наверх, — прошептал Дима, словно говоря сам с собой. — Помню, как я пытался помочь ребятам, тащил их за собой. Мы бежали к выходу на крышу, слышали крики, видели много крови. Казалось, мы почти у цели. Один из них, Миша, споткнулся. Второй, Глеб, попытался помочь ему подняться. Но тут... тут они пришли за нами. Было слишком поздно, слишком страшно...

Голос Димы задрожал, он снова прикрыл глаза, словно пытаясь отгородиться от ужаса.

— Глеб... он был старшекурсник, — продолжил Дима, и голос его стал чуть твёрже, будто воспоминание о чужом мужестве придавало хоть каплю сил. Но дрожь всё равно не уходила — пряталась в паузах, в том, как он сглатывал, прежде чем произнести следующее слово. — Он из последних сил умудрился закинуть меня и ещё пару ребят наверх, когда уже стало совсем плохо. Помню, как он кричал: «Бегите, я вас прикрою!». Это было... это было последнее, что я слышал. Его не стало там же, на лестнице.

Фая смотрела на друга и видела, как эта попытка спасения, обречённая с самого начала, добивает Диму снова и снова, будто он проживает тот миг без конца. Страх, который она чувствовала, теперь смешивался с жалостью. Но одновременно с этим жалость отступала, уступая место чему-то холодному и твёрдому — стальной решимости. Фая видела: Дима сломлен. Он был свидетелем, жертвой, но не тем, кто поведёт за собой.

Фая посмотрела на Диму. В его глазах застыли страх, отчаяние и бессилие — и от этого становилось только яснее: надеяться придётся только на себя.

— Я должна найти оружие, — сказала Фая, и в голосе впервые не было ни слёз, ни дрожи. — Я должна научиться сражаться и отомстить за Лизу и Соню.

Дима поднял на неё взгляд, словно не узнавая ту девушку,

которую знал раньше.

— Ты? Сражаться? — переспросил он. — Фая, это безумие. Ты не сможешь.

— Смогу, — ответила она твёрдо, не сводя с него глаз. — Я должна. Я не могу просто стоять и смотреть, как погибают люди вокруг меня.

Фая обвела взглядом разрушенный город: покосившиеся вывески, разбитые витрины, испуганных беженцев, сбившихся в тесные группы. И среди этого хаоса — сломленный Дима, который когда-то казался ей одним из самых надёжных людей на свете.

— Я уйду, — сказала Фая. — Я буду искать тех, кто ещё жив. Я буду бороться.

Дима ничего не ответил. Он просто смотрел на неё, будто пытался удержать одним только взглядом. А потом, словно очнувшись, схватил за руку.

— Фая, стой! — воскликнул он. — Я... я должен тебе кое-что рассказать.

Она остановилась, вопросительно глядя на него.

— Это про Соню... и Лизу... — начал Дима, запинаясь. — Родители Сони... Они пытались пробраться, чтобы забрать её. Они знали, что здесь опасно, но не могли бросить свою дочь.

Его голос дрожал, и Фая почувствовала, как к горлу подступает тяжёлый, горький ком.

— Они... они не смогли, — закончил Дима, отворачива-

ясь, будто стыдясь того, что ему приходится произносить эти слова. — Их нашли в городе. Тоже монстры.

Фая закрыла глаза. Ещё одна трагедия, ещё одна потеря. Мир вокруг рушился, погребая под обломками жизни невинных людей, и каждый новый рассказ о чьей-то гибели звучал как удар.

— Я... я не знаю, что тебе сказать, — пробормотал Дима, копаясь в кармане своей ветровки. — Но я кое-что нашёл. Это... зачётки Лизы и Сони. Пусть у тебя хоть что-то останется на память.

Он протянул две потрёпанные книжечки. Фая приняла их, и пальцы дрогнули, когда она коснулась обложек. На развороте, там, где раньше стояли оценки, кто-то поставил штамп: **DEPRECATED.**

Устаревшие.

Будто система уже вычеркнула их из жизни раньше, чем монстры забрали тела.

— Ещё... военные пока держат оборону, — продолжил Дима, словно стараясь говорить о чём-то более нейтральном, чтобы хоть немного унять дрожь в голосе. — Но монстров становится всё больше. Они наступают со всех сторон. Не знаю, сколько мы ещё продержимся. Скоро грядёт следующая волна нападений. И на этот раз будет ещё хуже.

Он перевёл взгляд на Фаю, и в его глазах мелькнул отблеск истинного страха, который до этого был скрыт под маской воспоминаний.

— Ты... ты не знаешь, с чем мы имеем дело, — пробормотал он. — Это не просто чудовища. Это... наши. Точнее, то, что от них осталось. Они были людьми. Обычными людьми. Но что-то исказило их. Превратило в нечто ужасное.

Дима сделал глубокий вдох, будто собираясь с силами, чтобы описать увиденное, и каждое его слово теперь падало в тишину, как камень в темную воду.

— Их кожа... она стала бледной, почти прозрачной, местами покрыта язвами и гнойниками. Глаза... если их вообще можно так назвать — они стали пустыми, без зрачков, либо, наоборот, налиты кровью, горят каким-то нечеловеческим огнем. А руки... руки стали длиннее, с деформированными пальцами, заканчивающимися острыми, словно когти, ногтями. Они шевелятся неестественно, дёргаются, как у марионеток, но при этом движутся с невероятной скоростью. Они стонут, шипят, издают какие-то булькающие звуки, когда пытаются говорить... или когда рвут свою добычу. И их запах... это что-то невыносимое, смесь гнили, разложения и ещё чего-то... чего-то противоестественного. Они не чувствуют боли, просто идут вперёд, движимые лишь жадой... жадой жизни, которую они потеряли, и желанием отобрать её у тех, кто ещё остался.

Голос окончательно сорвался. Дима замолчал, и взгляд его упёрся куда-то в пустоту, словно он вновь видел перед собой этих существ.

Фая не смотрела на него. Она смотрела на зачётки в сво-

их руках, на этот безликий штамп, который звучал страшнее любого крика. Система уже всё решила: Лиза и Соня — не люди, а устаревшие записи. А значит, Фая должна стать кем-то, кого система не сможет так просто пометить и забыть.

Внезапная догадка пронзила сознание. Она сопоставила гротескное описание мутанта, которое дал Дима, с тем, что ей самой пришлось пережить пару дней назад. Кем был тот... человек? Или, вернее, что это было за существо, способное себя контролировать и даже оказывать ментальное воздействие? Мысль о том, что истинные монстры могут быть среди выживших, скрываясь под человеческим обликом, была пугающей до дрожи. Если Дима видел именно обезображенных мутантов, то кого видела она? Или тот, кого встретила Фая, был лишь промежуточной стадией «второй волны», ещё не до конца искажённой оболочкой?

Фая закусила губу от отчаяния. Мысли метались, но она решила не высказывать их другу, который и так был слишком сломлен пережитым ужасом.

Дима замолчал, его взгляд всё ещё блуждал где-то вдали. Казалось, прошло целое мгновение, прежде чем он, наконец, собрался с силами. Тяжело вздохнув, Дима снова посмотрел на Фаю:

— И ещё... кое-что странное. Я тут почитал записи «Лика Правды». Они писали о монстрах... что они... помнят все нападения, им даже пытались стереть память. Какие-то странные случаи, они собирали информацию... Я вообще не

понимаю, к чему они, но подумал, вдруг тебе пригодится.

Дима пожал плечами, словно пытаясь отмахнуться от этой странной информации. Но Фая замерла. Стереть память... Эти слова отозвались у неё в голове эхом. Она всё крутила в голове тот момент, когда существо пыталось проникнуть в её разум, когда оно пыталось лишить воспоминаний.

Вспышка. Слова Димы о «Лике Правды» словно ударили Фая током. В голове пронеслось воспоминание: прощальная ночёвка с Соней и Лизой, смех, шутки, беззаботность... И Соня, в порыве глупой шутки, отправляющая сообщение «Лику Правды» и странный адрес в мессенджере. Тогда это казалось нелепой, глупой шуткой, но теперь... Теперь Фая поняла: это и были координаты убежища «Лица Правды».

Она вдруг грустно усмехнулась. Роковая случайность, обернувшая обычную вечеринку трагическим предзнаменованием. Они тогда прощались, не зная, что это действительно было прощание, но теперь уже навсегда.

Других зацепок не было. Но если есть хоть малейший шанс найти ответы, Фая должна была его использовать.

— Дима, — сказала Фая, внезапно вспомнив, что почти все вещи пропали после аварии. — У тебя телефон работает? Дай мне, пожалуйста, на минутку.

Дима удивлённо посмотрел на неё, но молча достал свой телефон.

— Спасибо, — пробормотала Фая и дрожащими пальцами набрала адрес своей страницы в социальной сети. Она

помнила логин и пароль. К счастью, связь ещё осталась: слабый, прерывистый сигнал пробивался сквозь помехи, будто кто-то там, на другом конце, упорно держал канал открытым. Страница загрузилась, и Фая лихорадочно пролистала переписку, цепляясь взглядом за каждое сообщение. Но того самого, от «Лица Правды», не было — оно исчезло, будто его и не существовало.

Сердце рухнуло куда-то вниз, но Фая упрямо стиснула зубы. Нет. Она не могла всё потерять. Тот вечер намертво впечатался в память: смех Сони, нелепая шутка, экран телефона, на котором мелькнул код...

— Он был здесь, — тихо произнесла Фая, словно пытаясь удержать ускользающий фрагмент реальности. — Т-5-В1-4... и координаты...

Дима покосился на неё с тревогой, но ничего не сказал.

Фая закрыла глаза, выхватывая из памяти строчку, которую видела всего пару секунд. Потом, не глядя, открыла вкладку карты и вбила координаты. Пальцы едва слушались, но цифры ложились на экран ровно, будто сами знали, куда им нужно.

Точка встала на окраине города, в промзоне, где старые склады и бетонные коробки сливались в одно серое пятно. Рядом с меткой мелькнула пометка: «Объект Т-5-В1-4. Доступ ограничен».

— Вот, — выдохнула Фая, и в этом слове было столько облегчения, что даже Дима чуть расслабил плечи. — Я пом-

ню.

Она запомнила код и вернула телефон Диме.

— Мне пора, — сказала Фая, ощутив внезапный прилив решимости, будто сама память о том сообщении стала опорой.

Дима с грустью посмотрел на подругу.

— Куда ты? — спросил он.

— К объекту Т-5-В1-4, — ответила Фая твердо, впервые произнося этот код как нечто настоящее, а не как случайный набор символов. — Там они. «Лик Правды». Я должна туда пойти. Может, у них есть ответы. Или они знают, как остановить этих тварей. Я должна попытаться.

— Ты сумасшедшая, Фая, — покачал головой Дима. — Это опасно! Ты же не знаешь, кто они такие! Вдруг это ловушка?

— Я должна рискнуть, — ответила она. — Иначе зачем тогда всё это? Зачем тогда мы выжили? Ты со мной?

Дима вздохнул, и в его глазах отразилось отчаяние.

— Нет, — ответил он. — Я ухожу. Хватит с меня. Я попытаюсь добраться до родителей. Может, там, за городом, хоть немного спокойнее.

Она помолчала и посмотрела Диме в глаза. В его взгляде не было надежды, лишь смирение. Фая внезапно осознала: он сдался. Хоть Дима и пытался приободрить подругу, вселить надежду, сам он уже похоронил себя. Фая понимала, что шансы Димы добраться до родителей ничтожно малы, но

отговаривать бесполезно. Он шёл навстречу не смерти, но безнадёжности.

— Будь осторожен, Дима, — сказала Фая, стараясь сдержать подступающие слёзы и обнимая его напоследок. — Буду рада, если мы встретимся снова.

— Кто знает, что будет дальше, — ответил Дима, слабо улыбаясь и обнимая в ответ. — И ты береги себя, Фая. Надеюсь... надеюсь, у тебя всё получится.

Фая развернулась и пошла прочь, в сторону разрушенного города, навстречу неизвестности и опасности. Дима остался стоять на месте, провожая подругу взглядом.

Фая не оглянулась. Она знала, что должна идти, должна найти «Лик Правды», чего бы это ни стоило. Память о Соне и Лизе, смутные слухи о бункере, код Т-5-В1-4, который Фая теперь повторяла про себя как мантру, и осознание того, что Дима обречён, вели вперед, сквозь страх и отчаяние. Теперь путь был определён. И ничто не могло остановить.

Но, прежде чем свернуть за угол, Фая на секунду замерла. На стене рядом с КПП кто-то вывел трафарет: Т-6-А1-7-Q. А чуть ниже, поверх красной краски, кто-то нацарапал от руки:

«Мы не забудем».

Эти слова ударили сильнее любого крика.

Фая сжала кулаки, сделала шаг вперед — и исчезла в полумраке улицы.

ГЛАВА 2. АРЕКС.

Несколькими месяцами ранее.

— Так ты типа крутой программист? — прозвучал насмешливый голос, заставивший Сашу закатить глаза.

— Круче, чем ты когда-либо будешь, Антоха, — парировал Саша, не отрываясь от пайки сломанного роутера. — Ты вот, как был барыгой, так и остался.

Антоха, плотный парень с короткой стрижкой и золотой цепью на шее, хмыкнул и плюнул на грязный пол подвального компьютерного клуба. Пыль тут висела в воздухе плотными слоями, оседая на старых корпусах компьютеров и на столах, заваленных платами и кулерами.

— О, да, конечно, программист. Сидишь тут, в этой дыре, роутеры чинишь за копейки. А мог бы со мной... Короче, сам знаешь.

Саша лишь усмехнулся — так, будто знал какой-то секрет, который пока не собирался выдавать. Парень был обычного телосложения, но в его движениях чувствовалась собранность, будто он всегда готов сорваться с места в любую секунду. У него были острые черты лица и копна непослушных тёмных волос — они вечно спадали на глаза, и Саша то и дело отбрасывал их резким движением головы, будто сбрасывая лишние мысли.

Он носил старую, выцветшую футболку с логотипом ка-

кой-то айтишной конференции — ткань уже истончилась на локтях, а принт едва угадывался, но Саша не спешил её менять: в этой вещи было что-то от прежних времён, когда всё казалось проще. Потрёпанные джинсы сидели свободно, не мешая двигаться, а в кармане неизменно лежал мультитул — вещь, без которой он из дома не выходил. Для Саши это была не просто коллекция лезвий и отвёрток, а маленький символ контроля: если мир вокруг ломается, он хотя бы может починить что-то своими руками.

Взгляд его тёмно-зелёных глаз был острым и пронизательным — будто считывал не только слова, но и паузы между ними, замечал, как собеседник сжимает пальцы или отводит взгляд. И в этом взгляде сквозило спокойное упрямство: Саша не торопился верить на слово, предпочитая проверять всё сам.

— Не моё это, Антоха. Ты сам знаешь. И вообще, роутеры — это святое. Без них ваши криптофермы сдохнут.

Антоха закатил глаза.

— Да ладно тебе, Санёк. Просто завидуешь, что я бабки лопатой гребу, а ты тут в грязи копаешься.

— Завидую, аж трясёт, — ответил Саша, откладывая паяльник. Металлический корпус роутера остывал с тихим потрескиванием. — Слушай, а чего ты вообще припёрся? Без тебя тошно было, что ли?

— Да так, — Антоха пожал плечами. — Вспомнил старые времена. Да и... кое-что предложить хотел. По делу.

— По какому ещё делу? — насторожился Саша. — Если это опять про твою крипто, то сразу мимо. Я принципиально в этом не участвую.

Саша, выпускник престижного технического университета. В кармане — диплом с отличием, в голове — куча амбициозных планов. Но вместо того, чтобы устроиться в крупную IT-компанию в родной зоне, он предпочёл переехать в эту дыру. Что двигало им, мало кто понимал: ни благородных порывов, ни светлых надежд на лучшее будущее у него не было. Просто здесь было дёшево жить, и никто не доставал.

Вместе с ним сюда переехала его старшая сестра Лера — так им было спокойнее держаться вместе. Саша не любил шум и суету, а Лера, работая медсестрой, и вовсе ценила любую возможность перевести дух между бесконечными дежурствами. Переезд стал для них не бегством, а стратегическим отступлением: вдвоём они как будто закрывали друг другу спину.

Они проживали в Т-5-Б4 — в одном из старых районов, где ещё сохранялись остатки прежней инфраструктуры, но уже чувствовалось, как город медленно сдаёт позиции. Родились и выросли в Т-20-А3 — шумной и перенаселённой зоне, где каждый квадратный метр стоил денег, а воздух будто был пропитан напряжением и спешкой. В Т-20 всё давило: гул транспорта, толпы, вечная толкотня в подъездах, соседи, которые знали о тебе больше, чем ты сам хотел бы помнить.

Там невозможно было остаться незамеченным — а именно этого Саше сейчас хотелось больше всего. В Т-5 было проще не отвечать на лишние вопросы, проще просто работать и не оправдываться за свои решения.

Идея Антохи с криптой казалась Саше не просто сомнительной, а откровенно грязной. Быстрые деньги, нажитые обманом и спекуляциями, — это было не для него. Саша хотел создавать что-то настоящее, полезное. Пусть даже это будут просто починенные роутеры, которые держат на плаву мелкие сети и дают людям хоть какой-то доступ к информации.

— Да не про крипто, — отмахнулся Антоха. — Тут... один человек из «БиоМедТех» ищет толкового хакера. Бабки — бешеные.

Саша нахмурился.

— Что за «БиоМедТех»? И зачем ищут?

Антоха пожал плечами.

— А мне почём знать? Сказали — найти спеца. В подробности не посвящают. Но, поверь, сумма там такая, что ты всю эту рухлядь, — он обвёл рукой захламленное помещение, — сможешь золотом обшить.

Саша замолчал, задумчиво глядя на Антоху. Деньги, конечно, не помешали бы. На новые детали для компьютера, на оплату этого подвала, на еду, в конце концов. Но что-то в этом предложении его отталкивало. Что-то гнилое, дурно пахнущее.

Саша машинально провёл пальцем по краю стола, сти-

рая слой пыли, и нащупал под ней старую наклейку — полустёртый логотип какой-то закрытой IT-лаборатории, которую расформировали ещё до его рождения. Саша помнил эту эмблему: её часто показывали в университетских лекциях как пример провального проекта, где технологии пытались опередить этику. Теперь она выглядела как насмешка: будто сама комната напоминала ему, к чему приводят «большие деньги» и «большие амбиции».

— Я подумаю, — сказал Саша, наконец. — Дай мне время.

— Думай быстрее, Санёк, — ухмыльнулся Антоха. — Желающих много. А такие мозги, как у тебя, всем нужны.

С этими словами Антоха развернулся и вышел из подвала, оставив Сашу в раздумьях. Дверь за ним хлопнула, и в помещении снова повисла привычная тишина, нарушаемая только тихим гудением старого сервера в углу.

Саша откинулся на скрипучем стуле, обдумывая предложение Антохи. В голове крутились цифры: сколько возможно заработать, на что потратить. Он подсчитал, сколько стоит аренда этого подвала, сколько нужно на еду, на новые детали для компьютера. Цифры складывались в сумму, достаточную для того, чтобы хоть немного выдохнуть, почувствовать себя хоть немного увереннее в завтрашнем дне. Но перед глазами всё стояла эта полустёртая наклейка — как немое предупреждение. И Саша вдруг поймал себя на мысли: если он согласится, то, возможно, повторит путь тех, кто когда-то

верил, что технологии могут оправдать любые средства. А он не хотел быть очередным именем в сноске к провальному проекту.

Тем более что-то продолжало его отталкивать. Что-то в тоне Антохи, в его уклончивых ответах, в самом факте, что его наняли через посредника, а не напрямую. Он хорошо успел узнать Антоху. Тот всегда крутился в мутных делах, и ни разу это ни к чему хорошему не приводило.

Саша посмотрел на свой арендованный подвал. Вернее, на то, что от него осталось. Ободранные стены, тусклый свет, старая мебель, собранная из разных помоек. Здесь он проводил большую часть своего времени, копаясь в микросхемах и программах, пытаясь создать что-то своё. Что-то, что принесёт пользу людям, а не просто набьёт карманы каким-то криминальным авторитетам. Но реальность была такова, что его «полезные» проекты не приносили денег. А без денег Саша не мог даже заплатить за этот подвал. Скоро его просто выкинут на улицу.

Саша снова включил паяльник и принялся чинить роутер. Руки работали автоматически, почти на ощупь — столько раз он уже разбирал и собирал эти платы, что пальцы сами находили нужные контакты. А мысли продолжали крутиться вокруг предложения Антохи. В конце концов, он программист, а не святой. Не ему думать о морали и справедливости. Он должен думать о выживании.

Саша вздохнул, щёлкнул переключателем на корпусе ро-

утера и, не глядя, сунул паяльник в подставку. Потом достал телефон, покрутил его в пальцах, будто оттягивая момент, и решил позвонить своему старому другу, Владу. Влад был его полной противоположностью: общительный, уверенный в себе, всегда окружённый людьми, будто вокруг него по умолчанию собиралась компания. Но при этом он был отличным хакером и всегда помогал советом — даже если делал это между делом, на бегу, с шуткой и парой небрежных фраз, которые, как ни странно, попадали точно в цель.

У Саши просто было не так много друзей. Он и сам не стремился к шумным компаниям, не умел легко заводить разговоры ни о погоде, ни о пустяках. При этом он был привлекательным: резкие, запоминающиеся черты, этот самый взгляд, который будто сразу считывает суть, лёгкая небрежность, которая кому-то казалась притягательной. Но эта же собранность, эта привычка всё проверять и держать дистанцию, словно выстраивала вокруг него невидимую границу. Люди замечали его, иногда пытались заговорить, но быстро понимали: внутрь он пускает немногих.

Именно поэтому Влад был для него чем-то вроде исключения — человек, который не пытался ничего «пробить», не давил, не требовал открытости, а просто знал, когда Саше нужно услышать спокойный голос и пару жёстких, но честных слов.

Он нажал на вызов, прижал телефон к уху и, пока шли гудки, снова бросил взгляд на разобранный роутер — словно

проверяя, что хоть эта штука под контролем.

— Влад, привет, — сказал Саша, когда тот поднял трубку.
— Есть минутка?

— Санёк! Привет! Конечно, есть. Что случилось?

— Тут такое дело... Антоха предложил мне работу.

— Антоха? — насторожился Влад. — Этот барыга? Что ещё за работа

— Это «БиоМедТех». Сказали найти спеца. Бабки обещают бешеные.

— Хм... «БиоМедТех» и Антоха — уже звучит подозрительно, — сказал Влад. — Спроси у него, что именно нужно. Если откажется говорить, сразу отказывайся.

— Да он и так не скажет, — вздохнул Саша. — Я это чувствую.

— Тогда тем более, — настаивал Влад. — Значит, там что-то нечисто. Не ввязывайся, Сань. Не стоит оно того.

— А если это шанс? — возразил Саша. — Шанс выжить в этой дыре?

— Не знаю, — ответил Влад. — Я бы не рисковал. Но решать тебе. Просто будь осторожен.

Саша поблагодарил Влада за совет и повесил трубку. Он чувствовал себя ещё более растерянным, чем раньше. С одной стороны — жажда денег и желание хоть немного облегчить свою жизнь. С другой — интуиция, которая кричала, что нужно бежать от этого предложения как от огня.

Саша закрыл глаза и попытался представить себе буду-

щее. Какое будущее он хочет? Какое будущее сможет построить, если согласится на предложение Антохи? И какое будущее ждёт, если он откажется? Сможет ли обеспечить сестре достойную жизнь в этой дыре?

Решение пришло внезапно, как короткое замыкание. Саша резко отложил паяльник, так что тот с грохотом упал на металлический стол. Хватит гадать на кофейной гуще и слушать чужие советы. Он сам должен всё узнать.

Саша вновь достал из кармана телефон и набрал номер Антохи. Гудки тянулись мучительно долго. Саша уже начал жалеть о своем импульсивном решении, когда Антоха наконец ответил.

— Ну что, Санёк, надумал? — прозвучал его довольный голос в трубке.

— Да, — ответил Саша, стараясь говорить как можно более уверенно. — Я согласен.

— Отлично! — обрадовался Антоха. — Я знал, что ты не упustiшь такой шанс.

— Но у меня есть условие, — перебил его Саша. — Я должен знать, с чем именно мне предстоит работать. Иначе — никакого дела.

В трубке повисла тишина. Саша почувствовал, как похолодели руки. Он боялся, что Антоха сейчас просто пошлёт его куда подальше.

— Эээ... ну ладно, — наконец пробормотал Антоха. — Только не сейчас. Завтра встретимся. Там и поговорим.

— Где и во сколько? — спросил Саша.

— Завтра, в полдень, в придорожном кафе у выезда на старую трассу. Не опаздывай.

Антоха отключился. Саша выдохнул и почувствовал, как напряжение постепенно отступает. Он сделал свой выбор. Теперь остается только ждать. Весь оставшийся вечер Саша провел в интернете, пытаясь хоть что-то разузнать о заказчице Антохи. Просматривал форумы про «БиоМедТех», читал новости, изучал криминальные сводки. Но нигде не было ни намёка на то, что могло бы помочь.

К ночи одолела усталость. Саша выключил компьютер, запер дверь подвала и пошёл домой. Дорога казалась бесконечной: фонари мигали, будто вот-вот сдадутся темноте, а тени от старых панельных домов ложились на тротуар длинными, угловатыми полосами. Он думал о том, как сильно изменился их маршрут с тех пор, как они переехали из Т-20-А3 в Т-5-Б4. Раньше путь до дома был короче и спокойнее, а теперь каждый вечер будто проверял на прочность.

Когда Саша добрался до своей квартиры и открыл дверь, первым, что он увидел, был мягкий свет торшера и Лера — его старшая сестра — на диване с книгой в руках. Она посмотрела на него и улыбнулась той самой улыбкой, в которой всегда было столько тепла, что даже самый тяжёлый день становился чуть легче.

— Привет, братишка, — поздоровалась Лера. — Как работа?

Саша кивнул, стараясь не выдать, сколько мыслей крутится у него в голове.

— Всё нормально, — ответил он, не глядя сестре прямо в глаза. — Устал немного.

Лера тут же отложила книгу. В её движениях всегда чувствовалась эта особая собранность — привычка человека, который привык действовать быстро и точно. Ещё бы: она работала медсестрой и часто пропадала на дежурствах, возвращалась домой уже глубокой ночью, с тёмными кругами под глазами, но всё равно находила силы спросить: «Ты поел? Тебе надо поспать».

— Мой руки и пойдём ужинать, — сказала Лера, вставая. — Я приготовила твой любимый пирог. Ты опять забыл про еду, да? Совсем себя загоняешь.

Саша послушно помыл руки и сел за стол. Пока он ел, Лера сидела напротив, подперев щеку ладонью, и смотрела на него так, будто пыталась сложить из мелких деталей — опущенных плеч, усталых глаз, неловких движений — цельную картину того, что с ним происходит.

— Что-то случилось? — спросила Лера, когда Саша доел. — Ты какой-то... не такой. Будто держишь на плечах целый город.

Саша замер с чашкой в руке. Сказать правду? Или снова спрятать всё за привычным «просто устал»? Слова крутились на языке, тяжёлые и неудобные.

— Нет, ничего, — пробормотал он. — Просто день тяжё-

лый.

Лера вздохнула, но в этом вздохе не было упрёка — только беспокойство. Она подошла, обняла его, притянув к себе, как делала всегда, когда чувствовала, что ему тяжело. Для неё брат всё ещё был тем мальчишкой, который прятался у неё в комнате во время грозы, а она сидела рядом, читала вслух и делала вид, что сама не боится раскатов грома.

— Я знаю, что ты что-то скрываешь, — прошептала Лера, и голос звучал не строго, а обеспокоенно. — Вижу это по твоим глазам. Но не буду давить. Просто помни: я всегда рядом. Что бы ни случилось, я на твоей стороне. Даже если ты опять ввязался во что-то, о чём потом пожалеешь.

У Саши к горлу подкатил комок. Он обнял сестру в ответ, крепко, словно боялся, что она исчезнет. Втянул знакомый запах — ваниль и чуть-чуть корицы, будто сестра весь день пекла что-то между сменами. Этот запах всегда успокаивал, возвращал в то время, когда всё казалось проще. Хотелось рассказать обо всём, поделиться. Но слова застревали в горле, словно камни. Он боялся, что Лера начнёт отговаривать, будет переживать, снова не спать ночами, думая о брате вместо того, чтобы хоть немного отдохнуть после дежурств.

Саша отстранился, выдавил улыбку.

— Спасибо, Лер. Просто... дай мне немного времени. Я сам разберусь, ладно?

Сестра кивнула, не настаивая, но взгляд явно говорил: «Я подожду. Сколько нужно».

На следующий день, ожидая в назначенном месте, Саша нервно барабанил пальцами по столу, ожидая Антоху. Кафе давно нуждалось в ремонте, но, видимо, никто не хотел вкладываться в место, обреченное проигрывать времени. В воздухе витал запах машинного масла, смешанный с приторным ароматом дешёвого растворимого кофе. Через грязные окна Саша видел, как по шоссе проносятся фуры, оставляя за собой клубы пыли.

Он вспомнил вчерашний разговор с Антохой. Предложение прозвучало как манна небесная, как билет из этой грязной дыры в мир, где деньги решают все проблемы. Но чем больше Саша думал об этом, тем сильнее становился привкус горечи во рту. Интуиция кричала, что в этой сделке есть подвох.

Наконец, в кафе появился Антоха. На нём по-прежнему был его любимый спортивный костюм, но выглядел он как-то... нервно. Постоянно озираясь по сторонам, словно боялся, что за ним следят. Движения были какими-то дёрганными, неестественными. Антоха казался отстранённым, словно болванчик, дёргаемый за ниточки невидимым кукловодом.

За Антохой следовал мужчина средних лет в идеально сидящем деловом костюме. От него исходила аура власти и уверенности. Ухоженный, гладко выбритый, с холодным, пронзительным взглядом, словно всем видом излучал опасность.

— Здорова. Санёк, знакомься, — сказал Антоха, кивнув

в сторону мужчины. Его голос звучал как-то приглушённо и на удивление тихо. — Это Виктор Сергеевич, представитель компании «СтратегИнфо». Виктор Сергеевич, это Саша, специалист по информационной безопасности.

Виктор Сергеевич протянул Саше руку. Его рукопожатие было коротким, формальным. Кожа – сухая, безжизненная.

— Рад познакомиться, Александр, — произнёс Виктор Сергеевич ровным, словно заученным голосом. — Антон уверяет, что вы — лучший специалист в городе.

— Я делаю свою работу, — буркнул Саша, не отрывая взгляда от Виктора Сергеевича. Что-то в этом человеке его отталкивало.

Они сели за столик. Виктор Сергеевич заказал эспрессо, Антоха – разливное пиво. Саша отказался, сославшись на то, что кофе ему не по вкусу, а пить с утра – моветон. Да и тем более здесь требовалась ясная голова.

— Итак, Александр, перейдём сразу к делу, — начал Виктор Сергеевич, сделав глоток кофе. Он поморщился, словно вкус ему не понравился. — «БиоМедТех», наши партнеры, занимаются передовыми исследованиями в области фармацевтики. Они разрабатывают новые лекарства, генные терапии, методы диагностики. Главный актив – это информация.

— И вы хотите, чтобы я эту информацию защитил, — заключил Саша.

— Именно так, – подтвердил Виктор Сергеевич. — Мы вместе создаём будущее медицины, и у нас есть враги. Кон-

куренты, хакеры, корпоративные шпионы. Все они хотят украсть наши разработки. Ваша задача – сделать так, чтобы это было невозможно.

— В чём конкретно заключается моя работа? — уточнил Саша.

Виктор Сергеевич отставил чашку.

— Мы хотим, чтобы вы провели комплексный аудит системы безопасности «БиоМедТех», — объяснил он. — Выявили слабые места, предложили решения по их устранению. Формулы, результаты клинических испытаний, данные о пациентах. Это конфиденциальная информация, утечка которой может нанести непоправимый ущерб компании. Мы предоставим вам полный доступ ко всему необходимому оборудованию и документации.

— Почему именно «СтратегИнфо» занимается аудитом «БиоМедТех»? У вас какие-то особые связи с этой компанией? — спросил Саша.

Виктор Сергеевич на мгновение замаялся.

— Скажем так, у нас давние деловые отношения. Мы оказываем им широкий спектр услуг, от консультаций по вопросам безопасности до защиты интеллектуальной собственности. Мы — надежные партнеры.

— А чем конкретно занимается «БиоМедТех»? — уточнил Саша, бросив быстрый взгляд на Антоху. Тот сидел, развалившись на стуле, и, казалось, совершенно не интересовался разговором. Тупо смотрел в одну точку и неспешно

потягивал пиво, изредка почёсывая золотую цепь на шее. — Какие именно лекарства разрабатывают?

Виктор Сергеевич проследил за взглядом Саши и тоже посмотрел на Антоху. В его взгляде сквозило плохо скрываемое презрение. Антоха, однако, был слишком занят своим пивом и своими мыслями, чтобы заметить этот презрительный взгляд. Это ещё больше насторожило Сашу.

— Они занимаются широким спектром исследований, — ответил он, избегая конкретики. — От антибиотиков до генной терапии. Всем, что может улучшить качество жизни людей.

Саша заметил, что Виктор Сергеевич нарочито избегает упоминать какие-либо конкретные проекты. Это тревожило.

— Моя работа будет заключаться только в защите данных? — выпытывал Саша.

— Именно так, — подтвердил Виктор Сергеевич, глядя куда-то вдаль. — Обнаружение уязвимостей, установка защиты, мониторинг сети. Всё, что необходимо для предотвращения утечки информации.

— А если я обнаружу что-то... необычное? — спросил Саша, намеренно растягивая слова.

— Что вы имеете в виду? — уточнил Виктор Сергеевич, повернувшись обратно к Саше.

— Ну, например, какие-то скрытые проекты, нецелевое использование данных, — пояснил Саша. — Всякое бывает.

Виктор Сергеевич на мгновение замолчал.

— Если вы обнаружите что-то, выходящее за рамки ваших обязанностей, — произнёс он, наконец, — немедленно сообщите мне. У нас в компании важна прозрачность.

— Хорошо, — сказал Саша, хотя не поверил ни одному слову.

Они обсудили условия работы и оплату. Сумма была действительно внушительной, но Саша всё равно чувствовал себя некомфортно.

— Договорились, — сказал Виктор Сергеевич, поднимаясь из-за стола. — Приступайте к работе как можно скорее.

Он протянул Саше визитку и небольшую пластиковую карту.

— Это ваш пропуск в офис «БиоМедТех», — пояснил Виктор Сергеевич. — Завтра вас встретят и всё покажут. Ждем на месте с необходимыми документами.

Затем достал из внутреннего кармана пиджака тонкий конверт из плотной бумаги и положил его перед Сашей.

— Здесь базовые доступы и идентификаторы для первичного входа в тестовый контур, — добавил он. — Вам понадобятся коды SEC-L4 и DATA-X7 для авторизации на КПП и в зоне первичного контроля. А код MON-V3 откроет доступ к системе мониторинга на первом этапе аудита. Не передавайте их никому. Даже Антону.

Саша взял конверт, ощутив, как пальцы слегка дрогнули. Бумага была плотной, почти вощёной, а на уголке виднелся едва заметный штамп — абстрактный символ. В тот

же миг он узнал логотип «БиоМедТех»: те самые плавные линии, сплетающиеся в стилизованную восьмёрку, он видел на сайте компании ещё вчера. Тонкая фактура бумаги, едва уловимый голубоватый подтон, характерный для фирменных бланков «БиоМедТех», и микротекст вдоль кромки — всё совпадало с образцами, которые Саша изучал. Даже расположение штампа с переплетёнными спиралями было идентичным: строго в левом верхнем углу, с выверенным отступом в 12 мм от края. Никаких расхождений — это был оригинал. Сердце пропустило удар.

— Это... стандартная процедура? — спросил Саша, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Для внешних специалистов — да, — сухо ответил Виктор Сергеевич. — У нас многоуровневая система допуска. Сначала вы получите ограниченный доступ, затем, по мере подтверждения надёжности, уровни будут расширяться.

— То есть я не сразу увижу всю сеть? — уточнил Саша.

— Вы увидите ровно столько, сколько нужно для выполнения задачи, — отрезал Виктор Сергеевич. — И не больше. Это не вопрос недоверия, Александр. Это вопрос безопасности.

Саша кивнул, но внутри всё сжалось. Ограниченный доступ, поэтапные коды, странная иерархия — всё это выглядело не как забота о безопасности, а как способ держать аудитора на коротком поводке.

— Есть ещё один момент, — продолжил Виктор Серге-

евич, понизив голос. — В системе есть сегменты с пометкой SILENT. Они не отображаются в общих логах и не фигурируют в документации. Если вы случайно наткнётесь на них — не пытайтесь получить доступ. Просто зафиксируйте факт и сообщите мне.

— «SILENT»? — переспросил Саша. — Что это значит?

— Это закрытые зоны, — спокойно пояснил Виктор Сергеевич. — Их статус не подлежит обсуждению.

Саша хотел спросить ещё, но по выражению лица собеседника понял: дальше давить бесполезно.

— Добро пожаловать в команду, Александр, — сказал Виктор Сергеевич с ледяной улыбкой. — Уверен, мы успешно посотрудничаем.

Рекрутер бросил ещё один взгляд на Антоху, исполненный презрения, и направился к выходу. Как только дверь за ним закрылась, Антоха словно очнулся от транса. В его глазах появилась прежняя живость, и он ухмыльнулся, как ни в чём не бывало, хлопнув Сашу по плечу.

— Ну что, Санёк, ты в шоколаде! — сказал Антоха, будто бы ничего подозрительного здесь не видел. — Я же говорил, что это твой шанс вырваться из этой дыры!

Саша не ответил. Он смотрел в окно, на проезжающие мимо машины, и чувствовал, как в его сердце поселяется тревога. Что-то было не так. Он это чувствовал всем нутром.

— Поехали отметим? — предложил Антоха. — Пару девочек, выпивка...

— Нет, — отрезал Саша. — Мне нужно готовиться к работе. Завтра первый день.

Антоха продолжал что-то говорить, но Саша уже не слушал. Внутри него росло чувство тревоги. Словно он подписал контракт не с фармацевтической компанией, а с дьяволом.

На следующий день Саша стоял перед зданием «БиоМед-Тех». Высокое, сверкающее здание из стекла и металла возвышалось над городом, словно символ могущества корпорации — и будто специально строилось так, чтобы каждый прохожий чувствовал себя маленьким.

Саша был заметно выше большинства людей вокруг, и сейчас этот рост будто только подчёркивал несоразмерность: он смотрел на бесконечные ряды окон, и ему казалось, что здание нависает, оценивает, решает, достоин ли он войти. Саша поправил лямку рюкзака — тот ощутимо тянул вниз, будто напоминал, что внутри не просто вещи, а его маленький арсенал: мультитул, пара запасных плат, старый блокнот с пометками, которые никто, кроме него, не смог бы расшифровать.

Он вздохнул, на секунду задержав дыхание, как перед прыжком в холодную воду, и прошёл через вращающиеся двери. В холле его рост сразу стал ещё заметнее: пространство здесь было рассчитано на эффект, а не на удобство — потолки уходили вверх, мраморные полы отражали свет, и в этой холодной симметрии Саша почувствовал себя одновре-

менно слишком большим для этого места и слишком незначительным перед тем, что скрывалось за его стенами.

В холле его встретила строгая охрана. Один из охранников молча протянул руку.

— Пропуск, — бесстрастно бросил секьюрити.

Саша достал пластиковую карту, которую накануне вручил ему Виктор Сергеевич, и вложил её в считыватель. Устройство тихо пискнуло, экран загорелся зелёным, но вместо обычного «Доступ разрешен» высветилась строка: Ввод временного кода.

Саша нахмурился. Он вытащил из кармана сложенный вдвое лист — тот самый конверт от Виктора Сергеевича. На плотной бумаге аккуратным шрифтом были выведены три комбинации: SEC-L4, DATA-X7, MON-V3. Он ввел SEC-L4. Система моргнула, будто раздумывая, и наконец выдала: *Уровень допуска: первичный. Зона: административная. Доступ разрешен.*

Охранник едва заметно кивнул и отошёл в сторону. Саша двинулся дальше, чувствуя, как каждый его шаг фиксируется невидимыми камерами.

После оформления и всех формальностей его встретил мужчина в белом халате — Иван. Сотрудник провел Сашу в небольшой кабинет, оснащённый современным оборудованием: новый компьютер, удобное кресло, полки с книгами по информационной безопасности и программированию.

— Здесь вы будете работать, — сказал Иван. — Если воз-

никнут вопросы, обращайтесь.

Саша остался один. Он включил компьютер и начал знакомиться с системой. Всё выглядело вполне стандартно: интерфейс, меню, привычные панели мониторинга. Но именно эта безупречная «нормальность» и тревожила. Слишком гладко, слишком выверенно — словно кто-то заранее подготовил эту витрину специально для него.

Саша начал с изучения структуры сети: просмотрел логи, списки пользователей, права доступа. Всё было организовано чётко и профессионально. Даже слишком. Казалось, что каждый шаг тщательно спланирован и просчитан. Это вызывало у Саши не доверие, а подозрение.

Несколько часов он просматривал стандартные папки и файлы, но ничего интересного не находил: отчёты о безопасности, списки оборудования, документацию по программному обеспечению. Всё это было похоже на декорации, призванные скрыть что-то важное.

«Может, Виктор Сергеевич просто параноик?» — подумал Саша, потирая уставшие глаза. «Или Антоха преувеличил, чтобы сорвать куш?»

Но интуиция продолжала твердить обратное. Саша чувствовал, что где-то в этой системе скрыта тайна, и он должен её найти.

Саша решил сменить тактику. Вместо того чтобы искать что-то конкретное, он начал просматривать логи активности пользователей: кто что делал, какие файлы открывал, какие

программы запускал. Это была долгая и кропотливая работа, но могла принести плоды.

И почти сразу Саша наткнулся на странность: в общей схеме сети, которую система показывала внешним аудиторам, не хватало нескольких сегментов. В графе «Резервные зоны» стояло лаконичное: *Сегмент 7. Статус: SILENT. Доступ ограничен.*

Саша замер, вчитавшись в эту строчку. «SILENT-сегменты» — те самые, о которых упоминал Виктор Сергеевич при встрече. Тогда он сказал: «Если вы случайно наткнётесь на них — не пытайтесь получить доступ. Просто зафиксируйте факт и сообщите мне».

Теперь эти слова звучали не как забота о безопасности, а как предупреждение: не лезь туда, где тебя не ждут.

Саша попытался запросить подробную информацию по этим сегментам, но система выдала сухое: *Данные недоступны. Уровень допуска недостаточен.*

Саша хмыкнул. Это только раззадорило любопытство и усилило ощущение, что он на верном пути.

После нескольких часов безуспешных поисков, когда Саша уже был готов сдаться, он заметил кое-что интересное. Один из администраторов системы, некто под ником «SilentGuardian», несколько раз заходил в «Сегмент 7». Саша нахмурился: разве у кого-то есть доступ к закрытым сегментам?

«Что же там такого интересного в этом Сегменте 7?» —

подумал он. «Наверняка там и скрывается то, что они хотят скрыть».

Саша решил попробовать другой подход и начал искать информацию о «SilentGuardian» в системе: посмотрел его учётную запись, просмотрел логи активности, попытался найти хоть какие-то намёки на то, что он делал в Сегменте 7.

И вот тут ему улыбнулась удача. В одном из лог-файлов Саша нашёл упоминание о программе «CryptoSafe», которая использовалась для шифрования и дешифрования данных. И самое главное — в лог-файле была указана дата и время использования этой программы, совпадающие с одним из визитов «SilentGuardian» в Сегмент 7.

«Значит, в Сегменте 7 что-то зашифровано», — понял Саша. «И „SilentGuardian“ знает, как это расшифровать».

Теперь перед ним стояла задача: получить доступ к программе «CryptoSafe» и выяснить, какие ключи шифрования использовал «SilentGuardian». Это было рискованно и незаконно, но Саша понимал: у него нет другого выбора.

Он запустил программу взлома паролей и начал перебирать различные комбинации. Часы тянулись мучительно долго, но Саша не сдавался. Он чувствовал, что приближается к цели. И вот, наконец, программа выдала результат. Пароль «SilentGuardian» был взломан.

Саша затаил дыхание и вошёл в систему под учётной записью «SilentGuardian». Теперь он мог делать всё, что делал этот администратор, включая доступ к программе

«CryptoSafe». Саша запустил программу и обнаружил, что она настроена на работу с файлами, расположенными в Сегменте 7. Оставалось только получить доступ к этим файлам и расшифровать их.

Но как получить доступ к Сегменту 7? Саша знал, что его учётная запись не имеет необходимых прав. Ему нужен был обходной путь.

Он начал изучать систему управления правами доступа. И тут Саша обнаружил уязвимость. Оказывается, существовала возможность временно повысить свои права, используя специальную команду. Эта команда была предназначена для системных администраторов, но из-за ошибки в коде её мог использовать любой пользователь с учётной записью администратора.

Саша, используя учётную запись «SilentGuardian», активировал эту команду и повысил свои права. Теперь он мог получить доступ к Сегменту 7. Но в тот момент, когда курсор завис над кнопкой «Войти», система внезапно запросила дополнительный код подтверждения. На экране появилась строка: *Требуется уровень авторизации: SEC-X9. Введите код.*

Саша замер. В конверте от Виктора Сергеевича такого кода не было. Он быстро перебрал в голове все комбинации: SEC-L4, DATA-X7, MON-V3 — ни одна из них не подходила. Саша попробовал ввести вариации, перестановки, даже подстановки по шаблону, но система лишь холодно сообщала:

ла: *Неверный код. Попытка зафиксирована.*

На мгновение показалось, что воздух в кабинете стал гуще, а тишина — тяжелее. Саша чувствовал: кто-то наблюдает. Не просто система, а люди. Те, кто построил эту сеть и знал каждый её шов.

Саша медленно откинулся на спинку кресла, стараясь выровнять дыхание. Он не мог позволить себе паниковать. Вместо этого начал думать. Если система запрашивает SEC-X9, значит, такой код существует. Возможно, не был выдан ему намеренно — или был спрятан в другом месте.

Саша решил действовать методом перебора. Начал вводить различные комбинации, основываясь на информации, которую ему удалось собрать о «SilentGuardian»: даты рождения, имена домашних животных, любимые фразы. Ничего не помогало. Каждая неудачная попытка отзывалась внутри холодным уколом — ему казалось, что система не просто отвергает пароли, а запоминает все ошибки, складывает их в невидимое досье.

Затем взгляд упал на старую газету, валявшуюся на полу под столом. Саша подобрал бумагу, машинально разгладил помятые страницы. Внимание привлекла небольшая статья об обрушении старого завода на окраине зоны Т-1. Ничего особенного, обычная производственная авария. Но в самом низу статьи, мелким шрифтом, было упомянуто название обанкротившейся компании, когда-то владевшей заводом: «Талломин Индастриз».

Комбинация показалась ему абсурдной, не имеющей никакого смысла. Но в голове что-то щёлкнуло. Саша набрал слово на клавиатуре: «TALLOMIN». И программа внезапно выдала сообщение: *«Файл успешно расшифрован»*.

В тот самый миг, когда экран распахнулся, обнажая содержимое секретного архива, Саша понял: он перешёл черту. Строчки кода, графики, диаграммы — всё это было лишь упаковкой, скрывавшей нечто куда более зловещее.

Не теряя ни секунды, он выдернул из кармана флешку и воткнул в USB-порт. В момент соединения пластик едва ощутимо щёлкнул, и на флешке на долю секунды вспыхнул красный индикатор — будто устройство не просто приняло сигнал, а с неохотой открыло шлюз для этих данных.

Саша запустил копирование. На экране побежали проценты, но каждая новая цифра будто давила на него: он знал, что система фиксирует каждое его действие. Пока файлы утекали на носитель, Саша лихорадочно прокручивал страницы, выхватывая взглядом самые важные фрагменты — те, что могли стать доказательством, а не просто набором страшных картинок.

Саша прокручивал страницу за страницей, отбрасывая бессмысленные детали и ища хоть что-то полезное. Он чувствовал, что время на исходе — не потому, что кто-то шёл по коридору, а потому, что сама система будто дышала ему в затылок, отсчитывая секунды до момента, когда его присутствие станет очевидным. И то, что он видел, повергало его в

ужас. Нет, то были не формулы лекарств, не данные клинических испытаний. Это были отчеты об экспериментах, фотографии, видеозаписи.

Вместо обещаний исцеления генетических заболеваний на экране разворачивалась картина чудовищных мутаций, нечеловеческих страданий, безумных экспериментов над живыми существами. Фотографии изуродованных тел животных с неестественно вывернутыми конечностями, гноящимися ранами, пугающими наростами. Видеозаписи, на которых эти существа, искажённые и изуродованные, метались в клетках, издавая душераздирающие звуки.

Саша просмотрел несколько отчетов. Они были написаны научным языком, полным терминов и формул, но смысл их был ясен: неизвестное вещество «Талломин» оказывает катастрофическое воздействие на геном, вызывая непредсказуемые и необратимые изменения.

Он наткнулся на записи об экспериментах на людях. На добровольцах, как утверждалось в документах, но Саша не верил ни единому слову. Описания побочных эффектов «Талломина» были ужасающими: от необратимого повреждения мозга до полного распада тканей.

Затем нашёл его. Файл, озаглавленный «Объект 047». Отчёты и видео, касающиеся взрослого мужчины. Мужчина на фото был высоким, мускулистым, со шрамом на щеке и пронзительным, нечитаемым взглядом. Отчеты гласили, что объект обладает невероятной силой, скоростью и выносли-

востью. Генетически модифицированный солдат, созданный в рамках «Проекта Т».

В видео мужчина демонстрировал свои способности: ломал стальные прутья когтистыми лапами, уклонялся от пуль, разрывал клыками манекены, восстанавливался в короткие сроки после тяжёлых ранений. Но были и другие видео, гораздо более тревожные. В них мужчина, скованный и измученный, кричал от боли, пытаясь сопротивляться каким-то экспериментам.

Саша резко щелкнул кнопкой на панели, вырубая звук — ему было невыносимо слышать эти крики, будто они вгрызались прямо в виски. На экране беззвучно распахнулся рот, дрожали плечи, но в комнате осталась только мёртвая тишина, от которой становилось чуть легче дышать. Саша опустил взгляд, не в силах смотреть дальше, и тихо пробормотал: «Хватит. Я и так всё понял».

А потом, будто стряхнув с себя оцепенение, рванулся к соседней консоли — лихорадочно искал информацию о том, где сейчас находится Объект 047, что с ним случилось. Он пролистал сотни страниц, пока не наткнулся на отчёт с пометкой «Утилизация». Дата — вчерашний день. Сердце Саши замерло. Неужели убили? Но в конце отчёта была приписка: *«Объект сбежал. Приоритет — захват или ликвидация».*

Значит, он ещё жив. И где-то там, на свободе. Осознание ударило Сашу почти физически — холодным, отрезвля-

ющим всплеском. Теперь он знал: этот человек — не просто строчка в отчете, не безликий «Объект», а живой, измученный, но не сломленный. Надежд на то, что неизвестный мужчина выживет, почти не оставалось — слишком неравными были силы, слишком много врагов шло по следу. Но пока была хоть искра шанса, Саша не мог просто закрыть файл и отвести взгляд. И каждая секунда теперь тянулась как вечность — слишком многое зависело от того, что он сделает прямо сейчас.

Внезапно в углу экрана всплыло сообщение: *«Обнаружена попытка несанкционированного доступа. Система защиты активирована. Запуск протокола „Очистка“...»*

Компьютер начал издавать странные звуки, а затем экран погас, погружая узкий кабинет в полумрак. Саша моментально выдернул флешку, на которую успел скопировать самые важные данные по «Проекту Т» и Объекту 047. Сердце колотилось как бешеное, адреналин заливал кровь. Он знал, что попался.

В голове промелькнула мысль о «Лице Правды». Саша слышал о них, но никогда не имел дела. Сейчас это был его единственный шанс. Его допустили в «БиоМедТех» под благовидным предлогом аудита безопасности. Но сейчас он чувствовал себя загнанным зверем, и эти мысли о продаже данных «Лику Правды» казались наивными. Он никогда не общался с ними, лишь читал краем глаза их форумы. Думал, что они дилетанты, но это была единственная соломинка.

Тревожная тишина давила на уши. Нужно уходить. Саша выключил компьютер, стараясь стереть все следы своего пребывания. Взял свой рюкзак, закинул флешку в тайный карман. Поднялся со стула и осторожно выглянул в коридор.

И в этот момент тишину прорезал короткий, металлический звук — щелчок замка в соседнем помещении. Кто-то вошел. Или кто-то перекрыл выход.

Саша замер, прижимаясь к стене. Ему вдруг стало ясно: он не просто лезет туда, куда не следует, — он вскрыл ящик Пандоры, и теперь чудовища, запертые внутри, рвались наружу. И самое страшное, что одним из этих чудовищ мог быть Объект 047 — тот, кто уже сбежал, кого ищут, и кого, возможно, уже используют как оружие.

Каждый шаг по коридору мог стать роковым. Каждый шорох — сигналом тревоги. Саша знал: если его поймают здесь, в этом стерильном, сверкающем здании, никто не станет задавать вопросов. Его просто сотрут, как лишнюю строку в логе, как ошибку в системе, которую легко исправить.

Он скользнул в тень, стараясь дышать тише, чем бьется сердце. Впереди маячил выход, но между ним и свободой теперь лежала не просто дверь — это была черта, переступив которую, Саша уже никогда не сможет вернуться к прежней жизни.

Пусто.

Слишком тихо.

Саша двинулся к выходу, стараясь ступать бесшумно. Он

помнил план здания, который успел мельком изучить. Главное — добраться до парковки, где можно было отыскать машину и скрыться.

Пройдя несколько коридоров, Саша слышал приглушённые голоса. Остановился, прислушался.

— ...он что-то скачивал. Нужно перехватить.

— Служба безопасности уже выехала.

Саша похолодел. Засекли. И очень быстро.

Он свернул в боковой коридор и прибавил шаг. Бежать нужно было тихо и быстро. Каждый шум мог выдать местоположение.

Саша добрался до лестницы, ведущей на первый этаж. Спустился, стараясь не греметь ботинками.

На первом этаже было больше людей. Сотрудники «Био-МедТех» сновали туда-сюда, не обращая на него внимания. Он постарался слиться с толпой, натянул капюшон толстовки и опустил голову.

Но Сашу всё равно заметили.

— Эй, ты! — крикнул кто-то позади него.

Саша не обернулся. Он прибавил шаг, надеясь, что не догонят.

— Остановитесь! Служба безопасности!

Саша побежал. Он слышал, как за ним бегут люди. С каждым шагом они приближались. Саша выскочил из здания и помчался к парковке. С парковки увидел две чёрные машины, блокирующие выезд. Возле машин стояли четверо муж-

чин в тёмных бронезиловых. Саша понял, что попал в капкан. Они его ждали.

Понимание пришло мгновенно: прорываться силой – самоубийство. Четверо хорошо экипированных охранников против одного хакера – шансов нет. Нужно думать, быстро и хладнокровно.

Саша резко свернул вправо, в сторону служебной парковки, заставленной фургонами и микроавтобусами с логотипом «БиоМедТех». Он пригнулся, стараясь оставаться незамеченным, и побежал между машинами, надеясь найти укрытие.

Сирена выла не переставая, усиливая панику. Саша знал, что времени у него совсем мало. Охранники уже наверняка сообщили о его местонахождении, и сейчас вся служба безопасности «БиоМедТех» будет рыскать по территории в поисках нарушителя.

Пробежав несколько рядов машин, Саша заметил открытый фургон. Внутри валялись какие-то коробки и оборудование. Отлично! Это шанс. Он быстро запрыгнул в фургон и спрятался за коробками. Затаив дыхание, стал ждать. Вскоре Саша услышал голоса охранников.

— Чёрт! Он должен быть где-то здесь! Обойдите все машины!

Саша напрягся. Вот-вот найдут.

Охранники прошли мимо его фургона, заглядывая в другие машины. Повезло. Пока что.

Он понимал, что долго прятаться здесь не сможет. Рано или поздно найдут. Нужно действовать. Саша осмотрел фургон. Ключей в замке зажигания не было. Но он увидел что-то интересное – планшет с GPS-навигатором, закреплённый на приборной панели. И на экране отображался маршрут, который пролегал через ближайшие сектора.

Саша улыбнулся. Это его шанс вырваться из ловушки. Он знал, как взломать систему GPS. Ему нужно было только немного времени. Тихонько достав из рюкзака нетбук, Саша подключился к планшету через USB-кабель. Начал быстро набирать код, обходя систему защиты. Адреналин давал силы и скорость. Вскоре Саша взломал систему GPS и получил доступ к управлению маршрутом. Теперь он мог изменить конечную точку и направить фургон в другое место.

Внезапно послышались шаги. Охранники возвращались.

Саша быстро убрал ноутбук и снова спрятался за коробками.

Охранники остановились возле его фургона.

— Здесь чисто, — сказал один из них. — Пойдем дальше.

Саша выдохнул. Ему снова повезло. Как только охранники ушли, он вылез из фургона и направился к кабине водителя. Соединив провода под рулевой колонкой, Саша сумел завести двигатель. Он знал, что это рискованно. Но выбора не было. Он должен был бежать. Саша выжал педаль газа и выехал с парковки, направляясь к выезду с территории «БиоМедТех». Охранники заметили его и подняли тревогу.

Но было уже поздно.

Фургон взревел, вырываясь на свободу с парковки «Био-МедТех». Охранники заматались, пытаясь остановить, но было уже поздно. Саша выжал педаль газа в пол, и фургон помчался по дороге, ведущей к выезду с территории.

В зеркале заднего вида он видел, как за ним гонятся две чёрные машины службы безопасности. Они не собирались его отпускать. Саша понимал, что на открытой дороге не уйти от погони. Ему нужно было найти укрытие, место, где он сможет оторваться от преследователей.

Он свернул на узкую просёлочную дорогу, ведущую в лес. Дорога была ухабистой и пыльной, но это был единственный шанс. Чёрные машины не отставали. Они шли за ним по пятам, готовые в любой момент перекрыть путь. Саша гнал фургон по лесной дороге, лавируя между деревьями и объезжая ямы. Он чувствовал, как трясется машина, как подпрыгивает на кочках. Но не сбавлял скорости, знал, что от этого зависит его жизнь.

Внезапно дорога резко свернула вправо, образуя крутой поворот. Саша едва успел справиться с управлением. Фургон занесло, и он чуть не вылетел в кювет. Выровнять машину удалось, но Саша потерял несколько секунд. Чёрные машины приблизились к нему вплотную. Саша увидел в зеркале заднего вида, как один из охранников высовывается из окна и целится в него пистолетом. Он пригнулся и услышал звон разбитого стекла. Пуля прошла в нескольких сантиметрах от

головы. Саша понял, что дело плохо. Охранники не остановятся ни перед чем. Они готовы убить его. Саша свернул с дороги в лес, надеясь, что деревья помогут укрыться от пуль. Фургон затрясся ещё сильнее, ветки царапали кузов, но он продолжал ехать.

Внезапно фургон заглох. Саша выругался. Двигатель сдох в самый неподходящий момент. Саша выскочил из фургона и со всей силы помчался вглубь леса, надеясь скрыться от преследователей. Он слышал, как охранники выбежали из машин и бросились за ним в погоню. Теперь всё зависело от его скорости и умения ориентироваться в лесу. Он должен был оторваться от них.

Саша бежал, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни деревьев и перепрыгивая через поваленные стволы. Адреналин гнал вперед, заглушая страх. Он слышал голоса преследователей, доносящиеся всё ближе и ближе. Они наступали на пятки.

Саша знал, что, если его поймают, живым он не выйдет. «БиоМедТех» не оставит свидетелей. Нужно было что-то придумать и срочно.

Услышав приближающийся шум, Саша резко свернул в сторону и залёг в густых зарослях кустарника. Затаив дыхание, он наблюдал, как мимо пробегают охранники. Они его не заметили. Вновь повезло.

Дождавшись, пока голоса стихнут, Саша осторожно вылез из кустов. Нужно было уходить как можно дальше. Но куда?

Он достал из кармана телефон. Связи не было. Неудивительно, лес глухой. Оставалась флешка с данными по «Проекту Т» и Объекту 047. Это его козырь. Саша понимал, что раскрыть информацию о злодеяниях «БиоМедТех» — это шанс на спасение. Но как это сделать, находясь в глуши, преследуемым службой безопасности корпорации?

Вспомнились обрывки информации с форумов «Лика Правды». Они имели связи с журналистами-расследователями. Если бы удалось передать им информацию...

Саша знал о них ещё с тех времен, когда по сети гуляли первые слухи о подпольных лабораториях: «Лик Правды» собирал не просто сплетни — они вытаскивали на свет документы, которые другие боялись даже скачивать. Он помнил старую ветку обсуждений, где кто-то из модераторов сообщества обронил фразу: «Мы не спасаем — мы делаем так, чтобы о спасении узнали все». Тогда Саша лишь скользнул взглядом по этим словам, а теперь они вдруг зазвучали иначе — как единственный возможный путь.

Но как с ними связаться? В лесу связи нет, а выбираться в город — верная смерть. Саша огляделся. Заметив вдалеке возвышенность, он решил попытаться добраться до неё. Возможно, там будет ловить связь. Преодолевая заросли и перелезая через поваленные деревья, Саша пробирался к вершине холма. За спиной слышался отдалённый шум погони, но уже не был так близок, как раньше.

Добравшись до вершины, Саша вытащил телефон и при-

нялся искать сеть. После нескольких минут безуспешных попыток на экране, наконец, появилась долгожданная полоска сигнала. Он быстро набрал сообщение и отправил его анонимному контакту на странице «Лика Правды»:

«Нужна помощь. Имею инфо по некоему „Проекту Т“ от „БиоМедТех“. Преследуют. Нахожусь в лесу, координаты: [зашифровано]». Отправив сообщение, Саша тут же выключил телефон и вынул из него сим-карту. Он знал, что могут отследить по сигналу.

Теперь оставалось только ждать. Но долго ждать он не мог. Охранники скоро его найдут.

Саша огляделся. Холм, конечно, давал неплохой обзор, но оставаться здесь было слишком рискованно. Если охранники вышли на его след, они наверняка прочесывают местность, и вершина холма – первое место, куда они посмотрят. Он решил спуститься с холма и найти какое-нибудь укрытие. Желательно такое, где не сразу обнаружат.

Спустившись, Саша наткнулся на небольшую заброшенную хижину. Та заросла кустарником и выглядела так, будто в ней давно никто не жил.

Идеально.

Саша осторожно подошёл к хижине и заглянул внутрь. Там было темно и сыро, но, по крайней мере, безопасно. Он вошёл внутрь и осмотрелся. В углу валялись какие-то старые тряпки и сломанная мебель. Пахло плесенью и сыростью. Саша решил подождать здесь. Если «Лик Правды» получит его

сообщение, они должны как-то связаться с ним. Но как? У него нет телефона, и он не знает, как собираются его найти.

Вскоре он услышал какой-то шум снаружи. Затаив дыхание, он прислушался.

Шаги.

Кто-то приближался к хижине.

Саша схватил валявшийся рядом кусок арматуры и приготовился к худшему. Сердце колотилось где-то в горле, а в голове билась одна мысль: «Только бы не втянуло Леру».

Дверь хижины медленно отворилась. На пороге стояла девушка. Худенькая и невысокая, с коротким каре, выкрашенным в кислотно-зелёный цвет, и пронзительным взглядом голубых глаз. На плече болтался автомат, а на губах играла кривая усмешка. Выглядела лет на двадцать, не больше, но что-то в её взгляде говорило о том, что лучше с ней не спорить.

— Ты Саша? — спросила незнакомка, смерив его оценивающим взглядом. Голос был резкий, как удар хлыста.

Саша кивнул, не опуская арматуру.

— Ну и видок у тебя, — хмыкнула девушка, но в усмешке мелькнуло что-то похожее на иронию, а не на злобу. — Арматуру можешь оставить. Тебе она вряд ли поможет. Я — Марта. Пошли, Дэм ждёт.

Саша вышел из хижины, всё ещё сжимая кусок железа. На улице стояли двое: высокий широкоплечий мужчина лет тридцати пяти с татуировками, покрывающими тело, и па-

рень лет двадцати пяти с уставшим, но внимательным взглядом.

Татуировки на теле мужчины складывались в сложный узор — тёмные линии перетекали одна в другую, будто карта скрытых маршрутов или шифр, понятный лишь посвящённым. Его поза была нарочито расслабленной, но в ней чувствовалась готовность к рывку: тяжёлые плечи чуть приподняты, пальцы свободно согнуты, будто в любой момент готовы сжаться в кулаки. Взгляд тяжёлый, цепкий — не скользил по деталям, а будто прожигал их насквозь, отмечая каждую мелочь. Даже стоя неподвижно, он задавал ритм всему пространству вокруг: остальные невольно подтягивались, держали спину прямее, говорили тише.

Парень рядом был заметно мускулистее, чем могло показаться на первый взгляд: под темной ветровкой угадывались плотные, тренированные мышцы, будто он привык полагаться не на скорость, а на силу и выносливость. Тёмные круги под глазами выдавали бессонные ночи, но взгляд оставался острым, сканирующим улицу на предмет угрозы. Парень держался чуть позади и левее, будто намеренно уступая передний план, и время от времени коротко кивал, подтверждая какие-то негласные указания. В этой молчаливой слаженности и читалась иерархия: мужчина не отдавал приказов вслух, но каждый его едва уловимый жест тут же подхватывался спутником — словно он был не просто напарником, а правой рукой того, кто привык принимать решения за дво-

их.

— Марта, кого ты там нашла? — спросил мужчина, глядя на Сашу.

— Это Саша, — ответила Марта, пожимая плечами. — Тот, который связался с «БиоМедТех».

— Ясно, — сказал мужчина, протягивая Саше руку. — Я Дэм. А это Ник. Пошли, нам пора.

Саша пожал ему руку. Рука у Дэма была сильная, как у кузнеца. Они быстро двинулись вглубь леса, молча и слаженно.

— И долго нам ещё идти? — спросил Саша, пытаясь не отставать.

— Достаточно долго, чтобы ты понял, во что ввязался, — ответила Марта, оглядываясь и набрасывая на голову капюшон чёрной худи и застёгиваясь по самое горло. Тоже самое проделали и остальные члены отряда. — А ввязался ты в войну, парень. И война эта будет не на жизнь, а на смерть.

— Держи, — Дэм протянул Саше похожую кофту из своего рюкзака. — Для маскировки.

Саша с благодарностью принял одежду, с удовольствием облачаясь в тёплую ткань.

Они шли по лесу, и Саша с каждой минутой осознавал, насколько он выбивался из этой маленькой, но слаженной команды. Марта двигалась бесшумно, как кошка, то и дело оглядываясь по сторонам, словно сканируя местность на наличие опасности. Дэм, широкоплечий и мощный, шагал уве-

ренно, словно лес был его домом. А Саша... он постоянно спотыкался о корни, цеплялся за ветки и тяжело дышал. Он, привыкший к уютному креслу и монитору компьютера, чувствовал себя здесь неуместным и бесполезным.

— Ноги подбери, — буркнула Марта, не оборачиваясь. — Или думаешь, нас преследователи ждать будут, пока ты на пятую точку приземлишься?

Саша промолчал, стараясь сосредоточиться на дороге. Он чувствовал, как Марта его сканирует — он был чужим, случайным, обузой. Но в её резкости не было настоящей злости, скорее привычная жёсткость человека, которому приходится тащить за собой тех, кто не умеет выживать.

Через час их группа вышла к небольшой реке. Дэм остановился, взглядываясь в окружающий ландшафт.

— Дальше по воде, — скомандовал чётко. — Сбить след.

Саша похолодел. Река была ледяной, с острыми камнями на дне.

— Совсем нюня, да? — Марта ехидно усмехнулась, увидев его гримасу, но тут же чуть смягчилась, будто сама себе запретила быть слишком жестокой. — Ничего, закалишься. Или останешься здесь, как вариант.

Саша стиснул зубы и вошёл в воду. Ноги свело от холода, каждый шаг давался с трудом. Спустя минут десять они наконец вышли из воды. Ноги заплетались ещё сильнее, Саша то и дело отставал от команды, едва поспевая.

— Затормозишь ещё хоть раз, — прошипела Марта, обер-

нувшись, — я тебе ногу сломаю, чтобы не мешался.

В этот момент Дэм резко поднял руку, останавливая отряд. Все замерли, будто сливаясь с лесом. Даже Марта перестала язвить и превратилась в натянутую струну, вслушиваясь в тишину.

— Три минуты, — тихо произнес Дэм, глядя на часы с массивным корпусом и необычным циферблатом. — У нас три минуты до смены патрульных частот. Потом они поднимут дроны.

Ник молча достал из рюкзака небольшой прибор, похожий на рацию, и быстро набрал на нем короткую комбинацию: ALPHA-7. Экран мигнул, и прибор тихо пискнул.

— Канал открыт, — прошептал Ник. — Передаю координаты.

Марта тем временем вытащила из кармана маленький пластиковый жетон с выгравированным кодом SILENT-R2 и приложила его к боковой панели прибора. Раздался короткий щелчок, и на экране появилась карта с пульсирующими точками.

Саша смотрел на это, и его страх смешивался с внезапным пониманием: перед ним не дилетанты с форума, не любители, играющие в повстанцев. Это была настоящая боевая группа — с протоколами, кодами, расписанием патрулей и своими каналами связи. Они знали, как прятаться, как уходить от слежки, как выживать. И они сознательно ввязались в противостояние с «БиоМедТех» — корпорацией, у кото-

рой, как теперь знал Саша, были не только серверы и юристы, но и отряды зачистки, дроны, протоколы ликвидации.

Он невольно коснулся потайного кармана, где лежала флешка. Теперь та казалась не просто носителем данных, а детонатором: стоит кому-то узнать, что она у него, и охота станет беспощадной.

И тут в голове снова вспыхнуло имя — Лера. Его старшая сестра. Та, ради которой Саша старался держаться в стороне от всего грязного и опасного. А теперь он своими собственными руками втянул её в эту историю. Каждый шаг, каждое решение, каждый файл, который Саша скачал, делал Леру мишенью.

Если «БиоМедТех» решит давить через близких... Если они уже знают про неё... Холод, который сковывал ноги, вдруг стал внутренним, пробирающим до костей. Страх за себя отступил на второй план — теперь его парализовал страх за Леру. Что, если, пока он пробирается по лесу, к ней уже идут? Что, если она откроет дверь незнакомому человеку, потому что тот представился курьером? Саша сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Он сам привёл эту бурю к порогу их съемной квартиры. И не было ни одного способа сейчас её защитить. Ему оставалось надеяться на то, что Лера сейчас на дежурстве в больнице.

— Двигаемся, — резко бросил Дэм, убирая часы и выдирая Сашу из размышлений. — Сейчас самое узкое окно.

Отряд рванул вперед, скользя по мокрым камням и не

оглядываясь. Саша, собрав остатки сил, потащился следом, стараясь не думать о том, сколько километров ещё впереди и сколько глаз сейчас могут быть направлены на этот лес.

— Не отставай, — бросил Дэм, на секунду притормозив, чтобы убедиться, что Саша всё ещё здесь. В голосе мужчины на миг пропала привычная язвительность, осталась только жёсткая, выверенная забота командира, который не имеет права терять бойцов. — Если ты свалишься, нас всех накроют. Держи темп.

Саша кивнул, сжимая зубы. Он больше не был просто аудитором, который случайно вскрыл чужой секрет. Он был частью этой группы, частью их плана, частью войны, о которой даже не подозревал. И теперь его ошибка могла стоить жизни не только ему.

Саша промолчал, стараясь не думать о холоде и усталости — каждый шаг давался всё тяжелее, а в висках стучала тупая боль от перенапряжения. Через час отряд вышел к обычной городской улице, ничем не примечательной, разве что пугающей пустотой: ни прохожих, ни машин, ни даже случайного голубя на карнизе. Будто город сам затаил дыхание, чтобы не выдать их.

Дэм внимательно огляделся, сканируя пространство привычным, отточенным движением — не просто взгляд по сторонам, а настоящая тактическая оценка: углы обзора, возможные точки засады, тени, которые могли скрывать движение.

— Чисто, — констатировал он ровным, лишенным эмоций тоном. — Марта, проверь периметр.

Марта молча кивнула и исчезла за углом — не побежала, не рванулась, а растворилась в пространстве, будто её и не было. Через полторы минуты она вернулась, едва слышно ступая по потрескавшемуся асфальту.

— Периметр чист, — доложила Марта, не повышая голоса. — Но на соседней улице замечены следы патруля: свежие окурки, отпечаток подошвы с характерным протектором «БиоМедТех». Они были здесь не больше часа назад. И ещё — на фонарном столбе маячок-ретранслятор с меткой ALPHA-9. Скорее всего, передают данные в центральный узел.

Дэм коротко кивнул, принимая информацию без лишних слов. Он подошёл к обшарпанному зданию, на котором когда-то красовалась вывеска «Ремонт обуви», достал из кармана не обычный ключ, а пластиковую карту с магнитной полосой, провел ею по незаметному считывателю возле косяка. Замок щёлкнул с тихим, почти интимным звуком, и Дэм жестом пригласил Сашу войти.

Внутри было темно и затхло. Пахло старой кожей, сыростью и чем-то ещё — металлическим, едва уловимым, как запах электричества перед грозой. Дэм закрыл дверь и включил фонарик, луч которого выхватил из темноты захлавленную мастерскую: разбросанные инструменты, покорёженные ботинки, полки с банками непонятного назначения. Про-

странство казалось заброшенным, но в деталях сквозила продуманность: ящики стояли не хаотично, а так, чтобы при необходимости быстро создать баррикаду; на стене виднелись едва заметные крепления для оружия; даже пыль лежала не ровным слоем, а будто её специально стёрли в определённых местах.

Они прошли через мастерскую в заднюю комнату, которая на деле оказалась небольшим бункером. Бетонные стены, тусклый свет от одинокой лампочки на проводе, спёртый воздух, пропитанный запахом машинного масла и сырости — всё это создавало атмосферу не просто укрытия, а узла сопротивления. За столом, уставленным аппаратурой, проводами и разбросанными деталями, сидели четверо.

Дэм, войдя первым, окинул комнату быстрым, цепким взглядом — не ради приветствия, а чтобы убедиться, что всё идет по плану, что никто не нарушил протоколы, что нет следов взлома или подслушивания. Марта привычно заняла позицию у двери, окинув присутствующих настороженным взглядом, будто проверяя, не появился ли среди своих чужой. Ник остался в тени, молча наблюдая за происходящим — его спокойствие было не безразличием, а собранностью снайпера, который ждёт команды.

— Наши, — коротко представил Дэм, обращаясь к Саше. — Саша, это Петрович, бывший военный, один из основателей «Ли́ка» и самый старший член нашей команды. Знает этот город как свои пять пальцев. Ему можно доверять.

Петрович, пожилой мужчина с изрезанным морщинами лицом и цепким взглядом, не стал кивать или улыбаться. Просто чуть наклонил голову — жест, который в его исполнении значил больше любого рукопожатия. У него была привычка перед любым серьёзным разговором доставать из нагрудного кармана потрёпанную карту города, разворачивать её, водить по ней толстым пальцем и бормотать себе под нос: «Тут не ходи, тут тихо, тут ловушка». Сейчас он машинально потянулся к карману, но, поймав взгляд Дэма, сдержался — карта подождёт.

— Ава, медик, — продолжил Дэм, указывая на худенькую девушку с длинными чёрными волосами и тёмными, как ночь, глазами. — Она умеет чинить людей, как Вэл — технику. Надеюсь, тебе с ней не придётся часто встречаться.

Ава, казалось, не заметила их появления. Она склонилась над каким-то сложным прибором, похожим на портативный анализатор жизненных показателей, что-то настраивая и бормоча себе под нос короткие команды, будто разговаривала с машиной на её языке. У неё была странная привычка — перед тем как начать работать с кем-то, Ава всегда просила: «Дай руку. Просто дай руку, я пойму, что с тобой». И люди почему-то давали. Сейчас она даже не подняла глаз, только коротко кивнула, не отрываясь от прибора, и тихо добавила: «Если кто-то ранен — сразу ко мне. Не геройствуйте».

— Вэл, наш мозг, — представил Дэм молодого парня со

светлыми волосами, копавшегося в проводах. Вэл даже не оторвался от своей работы, лишь махнул рукой в знак приветствия, но в этом жесте чувствовалась не небрежность, а полная погружённость в процесс: он не мог позволить себе отвлечься даже на секунду. У Вэла была своя манера — он всегда шептал названия протоколов, будто заклинаниями удерживал систему от сбоя. «WIN-C3... PAR-X2... НАС-M4...» — тихо бормотал, щёлкая переключателями.

Дэм скользнул взглядом к девушке с каре русого цвета чуть ниже плеч и карими глазами, которая методично чистила свой пистолет, двигаясь с точностью хирурга. Каждое движение было выверено, без лишней суеты, будто она не просто готовила оружие, а проводила ритуал.

— А это Ирма, — произнёс Дэм, — специалист по... убеждению.

Ирма медленно подняла голову и посмотрела на Сашу. Её взгляд был ледяным, оценивающим, будто она уже просчитывала, сколько времени понадобится, чтобы нейтрализовать угрозу, если Саша окажется предателем. У неё была привычка проверять не только оружие, но и людей: Ирма всегда задавала один и тот же вопрос новым лицам: «Что ты готов потерять ради этого?» И ждала не красивого ответа, а паузы, в которой читалась правда. Сейчас она просто смотрела, не спрашивая, но это молчание было громче любого вопроса.

Руки и шея Ирмы были покрыты татуировками — не слу-

чайными узорами, а целой системой знаков, будто картой жизни. Саша замер. Перед Ирмой привычные схемы не работали: она сама была и схемой, и ловушкой.

Дверь бункера с лязгом закрылась, отрезая их от внешнего мира. Звук был тяжёлым, окончательным, словно захлопнулся люк подводной лодки, уходящей на глубину.

— Ладно, — сказал Дэм, обращаясь к Саше, но так, чтобы слышали все. — Теперь расскажи нам всё, что знаешь о «Проекте Т» и Объекте 047. Без эмоций, без догадок — только факты: даты, имена, локации, коды, протоколы. Всё, что может быть использовано как рычаг.

Саша вздохнул, понимая, что сейчас начнется самое важное. Начал рассказывать, стараясь излагать все факты чётко и последовательно, будто диктовал отчёт для архива: о связи со «СтратегИнфо», чудовищных экспериментах, о генетически модифицированных солдатах, о коррупции и о том, что «БиоМедТех» готовы на всё, чтобы скрыть правду. Он не пытался никого разжалобить или оправдать свои действия — просто выкладывал данные, как выкладывают патроны в подсумки перед боем. Отдельно упомянул коды, которые видел в системе: SEC-L4, DATA-X7, MON-V3 — и объяснил, к каким сегментам они давали доступ.

Когда Саша закончил, в бункере воцарилась не просто тишина — наступила та особая, напряжённая пауза, когда каждый обрабатывает информацию, просчитывает риски и варианты. Все понимали, что они не просто борются против

корпорации, а находятся в смертельной опасности, и любая ошибка может стоить жизни не только им, но и тем, кто остался снаружи.

— Дерьмово, — констатировал Петрович, качая головой, но в его голосе не было паники — только горькое признание реальности.

— Что и требовалось доказать, — проворчала Ирма, не отрываясь от чистки пистолета. Её слова звучали не как жалоба, а как холодная констатация факта: враг силён, но они готовы к бою.

Дэм окинул взглядом собравшихся, словно оценивая не только их готовность, но и пределы выносливости.

— Мы должны действовать быстро, — произнес он, и в его голосе прозвучала не спешка, а расчётливость. — Вэл, что там с сетью? Есть ли хоть какой-то канал, который не под колпаком «БиоМедТех»?

— Как обычно, полная жопа, — ответил Вэл, но в его тоне не было отчаяния — скорее профессиональное раздражение мастера, которому дали сломанный механизм и велели починить за пять минут. — «БиоМедТех» всё заблокировали, поставили фильтры на все основные протоколы, глушат частоты и мониторят аномалии трафика. Но есть одна микроскопическая лазейка — резервный канал городской системы видеонаблюдения. Он почти не используется, потому что считается устаревшим. Но именно поэтому на него не обращают внимания. Правда, если мы туда сунемся, нас засекут

в момент. Я уже подготовил цепочку прокси с временными ключами SILENT-R2 и VOID-9 — они позволят нам притвориться техническим сбоем в системе.

— Рискнем, — отрезал Дэм. — Это не выбор, это необходимость. Саша, поможешь Вэлу пробиться? У тебя есть ключи доступа, коды, понимание внутренней структуры «БиоМедТех» — это может сэкономить нам время.

Саша кивнул, хотя внутри у него всё сжалось от страха. Он понимал, что ставки высоки, но он должен был помочь. Не только потому, что от этого зависела операция, но и потому, что это был единственный шанс хоть как-то повлиять на ситуацию.

— Хорошо, — сказал Дэм. — Вэл, Саша, работайте. Остальные — готовимся к худшему. Ава, проверь аптечку и подготовь комплекты экстренной помощи. Ирма, проверь боезапас и распредели цели по приоритетам. Петрович, свяжись с нашими контактами на окраинах — нам нужно знать, где сейчас патрули и дроны. Используй только канал OMEGA-3 — он зашифрован по протоколу «Тень».

Саша, чувствуя себя совершенно опустошённым, попытался сосредоточиться на работе. Но мысли о Лере, о её безопасности, не давали ему покоя. Он должен был убедиться, что она в порядке.

— Вэл, — тихо спросил Саша, не отрываясь от монитора, на котором бежали строки кода, — есть какой-нибудь способ... ну хоть какой-нибудь... связаться с внешним миром?

Я должен узнать, что с моей сестрой, Лерой. Она может быть в опасности.

Вэл посмотрел на него сочувственно, но без жалости — так смотрят на товарища, который просит невозможного, зная, что просьба оправдана.

— Понимаю, — сказал он. — Но и ты должен понимать: любая попытка выйти в открытую сеть привлечёт внимание «БиоМедТех» быстрее, чем сработает сирена. Они не просто мониторят трафик — они анализируют поведенческие паттерны. Если ты попытаешься отправить сообщение или позвонить, система пометит это как аномалию и запустит протокол поиска.

— Но я должен... — начал было Саша.

— Есть один способ, — перебил его Вэл, понизив голос так, что его слышал только Саша. — Мы можем не выходить в сеть, а использовать её. Я могу попробовать взломать камеры наблюдения «БиоМедТех» в районе, где живёт твоя сестра. Если повезёт, мы увидим, что происходит у дома. Это не даст тебе поговорить с ней, но ты сможешь убедиться, что рядом нет патрулей, что к ней никто не приходил.

— Какой риск? — спросил Саша, затаив дыхание.

— Огромный, — честно ответил Вэл. — Если система заметит попытку доступа к камерам, она не просто заблокирует нас — она может отследить источник сигнала. И тогда сюда придут не просто охранники, а отряд зачистки. Но... — Вэл на секунду замолчал, будто взвешивая все «за» и «про-

тив», — я могу сделать это так, чтобы минимизировать следы. Использовать цепочку прокси-серверов, замаскировать запрос под обычный технический сбой, пустить трафик через резервные узлы. Это займёт время, и гарантии нет.

— Сделай это, — твёрдо сказал Саша. Он не просил, не умолял — он давал согласие на риск, принимая на себя ответственность за последствия.

Вэл покачал головой, но, увидев решимость в глазах Саши, вздохнул и начал набирать сложный код. Его пальцы летали по клавиатуре с пугающей скоростью, а на экране появлялись и исчезали окна с данными, словно он разговаривал с системой на её собственном языке, уговаривая открыть одну маленькую дверь.

Через несколько минут Вэл ввёл финальную последовательность — ключ MIRROR-5, который должен был перенаправить запрос через «слепую зону».

— Готово, — прошептал Саше. — У нас есть несколько секунд. Диктуй адрес.

Саша назвал адрес их съёмной квартиры, и через мгновение на мониторе появилось изображение с камеры наблюдения, установленной у подъезда.

Картинка была чёткой, слишком чёткой — будто сама система хотела, чтобы он увидел всё до мельчайших деталей. У подъезда стояли две чёрные машины с логотипом «Био-МедТех». Из машин вышли люди в форме, в одинаковых тактических перчатках, с одинаковым отработанным шагом.

Они не суетились, не оглядывались по сторонам — они действовали по протоколу. Двое направились к подъезду, третий остался у машин, контролируя периметр.

Саша похолодел. Он смотрел на экран, будто надеялся, что картинка исказится, превратится в статику, окажется чьей-то злой шуткой. Но изображение оставалось безжалостно реальным.

Вэл попытался переключиться на другую камеру, чтобы оценить обстановку вокруг, но было уже поздно. На экране появились помехи, рябь побежала по картинке, как электрический разряд, а затем всё погасло.

— Нас засекли! — рявкнул Вэл, не тратя время на мягкие формулировки. — Соединение помечено, система начала трассировку! Нужно отключаться!

Вэл не просто выдернул шнур из розетки — он сорвал разъём с крепления, обрывая кабель резким, выверенным движением, будто отсекал поражённую конечность. Бункер погрузился в полумрак, лишь тусклый аварийный свет выхватывал из темноты напряжённые лица. Вся команда уставилась на Сашу.

— Что там? — спросил Дэм, нахмутив брови, но в голосе не было паники — только холодный запрос на данные.

Саша молчал, не в силах вымолвить ни слова. Слова застряли в горле, как осколки стекла.

— Говори! — не крикнул, а отчеканил Дэм, и этот тон был страшнее любого крика: в нём звучала ответственность

за всех, кто здесь находился.

— У моего дома... люди «БиоМедТех»... они... они идут к моей квартире, там оставалась моя сестра... Лера... — прошептал Саша, и каждое слово давалось ему с трудом, будто он признавался в преступлении. — Поймите, я должен был...

В этот момент на столе коротко завибрировал защищённый телефон — не обычный смартфон, а тактический коммуникатор с шифрованным каналом. Дэм схватил трубку и поднес к уху.

Несколько секунд он молча слушал, лицо постепенно становилось всё мрачнее, но он не дергался, не сжимал кулаки — просто впитывал информацию, как губка впитывает яд.

— Понял, — сказал Дэм наконец ровным, лишённым эмоций тоном и положил трубку.

— Что случилось? — спросила Марта, напряжённо глядя на Дэма, но не с паникой, а с готовностью действовать. Её рука уже лежала на рукояти пары лёгких клинков, закреплённых на предплечьях — не для показухи, а потому что в тесном пространстве, в темноте, в ближнем бою они были куда надёжнее любого ствола. Пальцы чуть расслабились, чтобы в случае необходимости успеть выхватить оружие за доли секунды: отточенное движение, доведённое до рефлекса сотнями тренировок.

Дэм молча посмотрел на Сашу, и в этом взгляде не было ни жалости, ни гнева — только тяжесть принятого решения.

— У меня для тебя плохие новости, — сказал он. — Твою сестру нашли в квартире. Она мертва. Убита «БиоМедТех».

Саша почувствовал, как мир вокруг него рушится, как трескается стекло, за которым он прятался от реальности. Боль пронзила, как удар ножа. Лера... мертва... Он сам привел эту бурю к их порогу.

— И ещё, — добавил Дэм, — теперь они знают, где мы. У нас есть примерно час, чтобы убраться отсюда, прежде чем сюда нагрянет отряд зачистки.

В бункере воцарилась мёртвая тишина. Не та тишина, когда люди не знают, что сказать, а та, когда все просчитывают варианты, оценивают риски, готовятся к худшему.

Затем Ирма, посмотрев на Сашу своим ледяным взглядом, произнесла:

— Ты нас подставил.

Слова Ирмы, как ледяной душ, окатили Сашу. Он почувствовал, как на него обрушилась вся тяжесть ответственности за произошедшее. Он подвел их. Стал причиной смерти Леры.

— Я... я не хотел, — пробормотал Саша, чувствуя, как слёзы подступают к глазам, но он сдерживал их, понимая, что сейчас слёзы — это роскошь, которую он не может себе позволить. — Я просто хотел убедиться, что она в порядке.

— Хотел как лучше, а получилось, как всегда, — саркастически заметила Марта, но в её голосе не было злорадства — скорее горькое признание того, что даже самые благие на-

мерения могут стоять жизни.

Дэм поднял руку, призывая к тишине. Его жест был не театральным, а функциональным — он останавливал эмоции, чтобы освободить место для действий.

— Сейчас не время для обвинений, — сказал Дэм. — У нас есть час, чтобы убраться отсюда. Потом «БиоМедТех» нагрянет со всей своей мощью. Петрович, что скажешь?

Петрович молча осмотрел убежище, оценивая обстановку не глазами испуганного человека, а глазами бойца, который слишком хорошо знает, что такое оборона и когда она становится бессмысленной.

— Нам нужно уходить, — сказал он, и в его голосе звучала не паника, а железная уверенность. — И уходить быстро. Тут нам не выстоять. Даже если мы забаррикадируемся, у них есть гранаты и дроны с тепловизорами. Мы здесь как в консервной банке.

— Куда? — спросила Ава, голос которой дрожал от страха, но она не пряталась, не закрывала глаза — ждала приказа, чтобы выполнить его.

— Ближайший к нам бункер — Дзета, — ответил Петрович, внимательно глядя на Дэма. — Но до него нужно добраться. И это будет непросто. Патрули перекрывают основные маршруты, а дроны мониторят тепловые сигнатуры. Нам придётся идти через промзону и старые тоннели метро.

— Хорошо, — сказал Дэм, чеканя каждое слово, будто вбивал гвозди в план действий. — Собираемся. Времени —

в обрез, каждая секунда на счету. Вэл, уничтожь все данные, которые могут нас скомпрометировать. Используй протокол CLEAN-S9 — он не просто стирает файлы, он физически повреждает сектора диска. Никаких шансов на восстановление.

Вэл коротко кивнул, уже на ходу доставая из разгрузки компактный модуль с интерфейсом для прямого подключения к накопителям. Пальцы забегали по сенсорной панели, запуская последовательность команд — он знал этот протокол наизусть, как солдат знает устав.

— После запустишь протокол, пришлю координаты точки эвакуации, — продолжил Дэм, не сводя взгляда с карты на планшете, где мигали потенциальные маршруты отхода. — Возьмёшь с собой Аву. Двигаетесь к машине по маршруту «Эхо-Три»: через служебный коридор, выход через вентиляционную шахту на задний двор, оттуда — напрямик к северному тупику. Держитесь в тени, избегайте открытых пространств. Если заметите патруль — не вступайте в контакт, меняйте вектор.

Ава, стоявшая у стола с аптечкой, мгновенно захлопнула крышку и перекинула ремень сумки через плечо. Её движения были экономными, без лишней суеты: она уже просчитала, какие препараты могут понадобиться в пути, и проверила, чтобы автоинъекторы лежали сверху, под рукой.

— Готова, — коротко бросила Ава, встречая взгляд Вэла. Тот едва заметно кивнул — им не нужны были долгие раз-

говоры, они работали вместе не первый месяц и понимали друг друга по полужесту.

— Ирма, Ник, — Дэм коротко кивнул паре у двери, будто закрепляя приказ одним движением. — Ваша задача — держать периметр и прикрывать отход Авы и Вэла. Поедете с ними. Если ситуация накалится — не пытайтесь тянуть до последнего. Уходите по резервному вектору. Героизм тут не нужен — нужен результат.

Ирма молча проверила магазин своего автомата, щелкнула предохранителем и заняла позицию у проема, откуда открывался лучший угол обзора на коридор. Ник, не издав ни звука, скользнул в тень, растворяясь в полумраке — он будет прикрывать фланги, невидимый, но смертоносный, если кто-то попытается зайти с тыла.

— Марта, Петрович, вы со мной. Будем координировать действия, держать связь и следить, чтобы никто не потерял темп.

Марта уже проверяла свой коммуникатор, переключая каналы и настраивая шифрование на частоту OMEGA-3 — ту самую, которую использовали только для экстренных случаев. Её лицо было сосредоточенным, без тени эмоций: сейчас не время для переживаний, только для работы.

— Саша, — Дэм посмотрел на него с суровым выражением лица, и в этом взгляде не было ни ненависти, ни жалости — только холодный расчёт командира, который вынужден брать в расчёт даже слабое звено, потому что другого звена

у него нет. — Ты идёшь с нами. Но помни: один неверный шаг, и я тебя пристрелю. Не потому, что хочу, а потому, что не имею права рисковать жизнями остальных. Твоя задача — не мешать, держаться рядом и выполнять приказы мгновенно. Понял?

Саша сглотнул, чувствуя, как холод пробирает до костей, но кивнул. Он понимал: это не угроза, это констатация факта. В этих стенах эмоции не спасают — спасает дисциплина.

— Поняли все? — Дэм обвёл взглядом комнату, убеждаясь, что каждый зафиксировал свою задачу.

Вэл уже подключал модуль к серверному блоку, на экране бежали строки кода, а индикатор показывал начало процедуры CLEAN-S9, и даже вынул жёсткие диски, чтобы раздробить их специальным инструментом — никакие данные не должны были попасть в руки врага. Ава встала рядом, готовая в любой момент сорваться с места.

Петрович в этот момент уже действовал — не ждал приказов, а заранее закрывал самый уязвимый участок плана. Пока Дэм раздавал задачи, Петрович бесшумно скользнул к техническому люку в полу, откинул тяжёлую крышку и спустился по металлической лестнице в подвал, где тянулись кабельные трассы и вентиляционные короба.

Там, в полумраке, он быстро нашёл распределительный щит с пометкой «Резерв-4» и сорвал пломбу. Пальцы уверенно щёлкали тумблерами: он отключал внешние линии, которые могли выдать бункер по скачку нагрузки, и перево-

дил питание на автономные аккумуляторы — те самые, что годами заряжались от скрытых солнечных панелей на крыше заброшенного склада. Затем Петрович вскрыл небольшую панель рядом и вручную разорвал оптоволоконную линию, ведущую к городской сети: никакой цифровой след не должен был привести «БиоМедТех» прямо к их двери.

Закончив, он достал из разгрузки компактный модуль с экраном, подключил его к резервному порту и запустил протокол «Глушитель» — систему, которая создавала ложные всплески энергопотребления в трёх разных точках района. Это был отвлекающий манёвр: пусть аналитики корпорации ломают голову над тем, откуда идут сигналы, пока настоящая группа уходит по другому маршруту.

Поднявшись обратно, Петрович коротко кивнул Дэму — мол, сектор прикрыт.

— Машины на позициях, — тихо доложил, не повышая голоса. — Двигатель прогрет, двери разблокированы, маршрут по второстепенным улицам проложен. В южном тупике стоит фургон с экранированным кузовом — дроны не сразу его заметят. Я уже снял блокировку с ворот заднего двора: они откроются ровно за тридцать секунд до вашего выхода. Если задержитесь хоть на пять секунд — автоматика вернет блокировку, и придется идти в обход.

Дэм едва заметно кивнул, принимая отчёт без лишних слов. Он знал: Петрович не скажет «всё готово», если не проверил трижды.

— Держи связь на OMEGA-3, — добавил Дэм. — Если что-то пойдет не так — сразу сигнал. Вперёд.

Петрович молча постукивал пальцем по наушнику, подтверждая, что канал активен. В его взгляде не было ни азарта, ни напряжения — только спокойная уверенность человека, который столько раз прокручивал этот сценарий в голове, что теперь делал всё на автомате, экономя силы для главного рывка.

В бункере время будто сжалось в тугую пружину: секунды тянулись медленно, но действия летели стремительно. Вэл закончил активацию CLEAN-S9 — на экране вспыхнула надпись «Процедура завершена. Физическое повреждение секторов подтверждено», и он тут же выдернул жёсткие диски из стоек, швырнув их в термостойкий контейнер: даже если «БиоМедТех» найдёт это место, восстановить данные будет невозможно.

— Готово, — коротко бросил, перехватывая сумку с оборудованием.

Ава уже стояла у люка в вентиляцию, держа наготове компактный фонарь с узконаправленным лучом — такой не выдаст их издалека, но даст достаточно света, чтобы не споткнуться о ржавые крепления.

— Идём, — шепнула она, и они скользнули в шахту, растворяясь в темноте. Их маршрут был просчитан до мелочей: по узкому коридору, через технический проем, мимо отключенного датчика движения — Петрович заранее позаботил-

ся о том, чтобы система не заметила их прохода.

Ирма и Ник прикрывали отход: Ирма замерла у поворота, контролируя дальний сектор коридора, её автомат был прижат к плечу, палец лежал рядом со спусковым крючком, но не на нём — она ждала угрозы, а не искала её. Ник тем временем тихо, почти беззвучно, установил на перекрестке два миниатюрных сенсора — они не были оружием, но давали главное: предупреждение. Если кто-то появится в коридоре, система подаст сигнал прямо в наушники.

Дэм, Марта и Саша двинулись следом за ними, держа дистанцию и не сбиваясь в кучу. Саша старался ступать как можно тише. Марта шла рядом, не глядя на него, но он чувствовал её присутствие как щит: она контролировала каждый угол, каждую тень, готовая в любой момент среагировать.

— Держи темп, — тихо бросила Марта, не поворачивая головы. — Не смотри по сторонам. Смотри на меня. Я выведу.

Петрович тем временем поднялся из подвала и теперь стоял у выхода, проверяя таймер на наручном устройстве.

— Ворота откроются через двадцать секунд, — произнес он ровным голосом. — Ровно на тридцать секунд. Потом блокировка вернется. Если мы не пройдем за это время, придётся идти через коллектор — а там датчики движения и патрульные дроны.

Дэм коротко кивнул. Он не тратил слова на благодарности

— в такой работе благодарность звучала бы как прощание.

— Группа, внимание, — тихо проговорил он в коммуникатор, переключаясь на частоту OMEGA-3. — Выходим по цепочке: Ирма, Ник, затем мы с Мартой и Сашей. Петрович замыкает. Никаких задержек.

Словно в ответ на его слова в наушнике раздался короткий щелчок — условный сигнал от Вэла: «Мы на маршруте. Чисто».

— Принял, — отозвался Дэм. — Держите темп.

Петрович нажал кнопку на панели, и массивные ворота с тихим, почти жалобным скрипом начали отъезжать в сторону. В щель хлынул тусклый свет улицы, смешанный с пылью и запахом сырого бетона.

— Пошли! — скомандовал Дэм, и группа рванулась вперёд, двигаясь не бегом, а быстрым, выверенным шагом — так, чтобы не потерять равновесие и не выдать себя шумом.

Они выскользнули во двор, где царила тишина, нарушаемая лишь редким скрипом раскачивающейся вывески. Фургон стоял в тупике, чуть в стороне от света фонаря — его тёмный, почти сливающийся с тенями кузов действительно выглядел незаметным.

Вдруг в наушнике прозвучал резкий, короткий сигнал — один из сенсоров Ника сработал.

— Контакт, — глухо произнес Ник. — Сектор два. Дрон. Заходит с крыши.

Все мгновенно замерли, но не в панике, а в ожидании при-

каза.

— Не стрелять, — отрезал Дэм. — Он пока не видит нас, иначе уже подал бы сигнал. Петрович, ворота!

Петрович метнулся к панели и резко ударил по кнопке, ускоряя закрытие. Ворота с лязгом сомкнулись, отрезая двор от улицы как раз в тот момент, когда дрон завис над проёмом, сканируя пространство.

— Есть, — выдохнул Петрович, отступая назад. — Теперь он не увидит нас отсюда. У него узкий угол обзора, а стены экранируют тепло.

— Отлично, — сказал Дэм. — К машине. Бегом.

Они рванули к фургону. Марта буквально подтащила Сашу, помогая ему переставлять ноги, не давая упасть. Дэм распахнул задние двери, и все запрыгнули внутрь.

— Поехали! — рявкнул Дэм, едва захлопнув створку.

Фургон взвыл двигателем и рванул вперед, ныряя в лабиринт переулков. Петрович вёл машину уверенно, не глядя по сторонам — он знал этот город не по картам, а по шрамам асфальта, по расположению фонарей, по тому, как ложатся тени.

Через несколько минут они выскочили на более широкую улицу, и тут в динамиках коммуникатора раздался голос Вэла:

— Мы внутри. Ирма и Ник с нами. Готовы к движению.

— Принято, — ответил Дэм. — Держим дистанцию в три квартала. Не сближайтесь.

Саша, прижавшись к стенке фургона, наконец позволил себе выдохнуть. Но облегчение длилось лишь мгновение.

— Петрович, — вдруг произнёс Саша, будто что-то вспомнив. — Я знаю один служебный код... старый, из тестового контура «БиоМедТех». Он открывает доступ к архиву городских камер за последние сорок восемь часов. Если мы сможем подключиться к какой-нибудь точке... я смогу отследить, куда они увезли тело Леры.

В салоне на секунду повисла тишина. Даже Петрович чуть сбавил скорость, словно прислушиваясь не к дороге, а к словам Саши.

— Это рискованно, — спокойно сказал Дэм, повернувшись к нему. — Если ты войдешь в систему, тебя могут задержать.

— Я понимаю, — твердо ответил Саша. — Но я должен знать. И если это поможет нам ударить по ним... тем лучше. Дэм помолчал ещё пару секунд, взвешивая все «за» и «против».

— Хорошо, — наконец произнес он. — Но не сейчас. Сначала доберемся до логова. Там у Вэла есть экранированная станция — ты сможешь работать оттуда, и риск будет ниже.

Саша кивнул, сжимая кулаки. Впервые с момента гибели Леры он почувствовал, что может не просто бежать, а действовать.

Фургон мчался по тёмным улицам, петляя между заброшенными зданиями и ржавыми конструкциями. Город ка-

зался мёртвым, но Саша знал: в его тених пряталась угроза, и она не отступит. Наконец, Дэм резко затормозил у неприметной кирпичной стены.

Петрович вышел первым, подошёл к стене и нажал на несколько кирпичей в строгой последовательности. Механизм щёлкнул, и часть стены плавно отъехала в сторону, открывая проход к лифту.

Но прежде, чем они успели войти, из переулка сбоку вырвалась короткая очередь — не хаотичная стрельба, а прицельный огонь, рассчитанный на то, чтобы отсечь группу от укрытия. Пули высекли искры из асфальта, одна чиркнула по борту фургона, другая ударила в стену рядом с Мартой.

— Контакт! — рывкнул Дэм. — Внутрь, быстро!

Группа рванулась к проёму, но Саша, и без того едва державшийся на ногах, на бегу зацепился за торчащий из бетона обломок арматуры и рухнул на землю. Он неудачно подвернул ногу, и острый край арматуры пропорол брючину, вспоров кожу на бедре — неглубоко, но боль была такой, будто раскалённой иглой прошили мышцу насквозь. Тёплая кровь тут же пропитала ткань. Саша стиснул зубы, чтобы не закричать, но из груди вырвался только хриплый стон.

Марта, уже почти нырнувшая в проход, резко развернулась. Она не колебалась ни секунды — профессиональная реакция, отточенная сотнями тренировок: сначала прикрыть, потом думать. Она упала на колено рядом с Сашей, прикрывая его собой, одновременно оценивая обстановку и

степень ранения. Пальцы привычно скользнули к креплениям на предплечьях — клинки вышли с тихим щелчком, готовые к бою, — но она тут же поняла: враг пока не подошёл вплотную, и это не тот момент.

— Ты как? — коротко бросила Марта, не для утешения, а чтобы понять, может ли он двигаться.

— Нога... — выдавил Саша, чувствуя, как кровь стекает по голени. — Зацепился... арматура...

Марта быстро осмотрела рану: порез был рваным, но сильно не задело. Больно, кровит, но ходить можно — если помочь.

— Заноза ты, — бросила она с кривой усмешкой, но в глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение. — Обхвати меня за шею. Сейчас будет неудобно.

Саша сделал, как велели, но сначала заколебался: Марта была сантиметров на пятнадцать ниже его, и ему не верилось, что она сможет его удержать. Но сомневаться было некогда. Марта резко, но точно подняла его, закинув себе на спину, и тут же рванулась вперёд, используя инерцию и силу тренированных мышц. Её шаг был широким, уверенным, без лишней суеты — она не бежала, а двигалась по тактической схеме: рывок, короткая пауза за укрытием, снова рывок. Каждый метр она просчитывала заранее, выбирая точки, где тень была гуще, а угол обстрела — невыгодным для противника.

Дэм прикрывал их, короткими очередями заставляя про-

тивника прижиматься к земле. Петрович уже стоял у лифта, держа дверь открытой, готовый в любой момент захлопнуть её, если ситуация станет критической. Ирма и Ник уже были рядом, контролировали фланги, не давая противнику обойти группу. Ирма двигалась с ледяным спокойствием — её пистолет бил экономно, по одному-два патрона, но каждый выстрел ложился точно: она не тратила боезапас на подавление, а выцеливала.

Ник, отступая боком, метнул за угол небольшую дымовую шашку — не из арсенала, а самодельную, из тех, что Вэл собирал на коленке из бытовой химии. Дым повалил густо, с едким химическим запахом, и на пару секунд закрыл обзор преследователям.

— Давай, давай, давай! — прошипела Марта, втягивая Сашу в проём последним рывком. Её дыхание сбилось, но голос оставалось ровным. Она опустила его на пол у стенки, и Саша увидел, что её руки слегка дрожат — не от страха, а от адреналина, который ещё не нашёл выхода.

Дэм проскользнул внутрь последним, и Петрович тут же нажал на панель. Стена начала закрываться, и в ту же секунду снаружи раздался глухой удар — кто-то из преследователей попытался вбежать в проём, но стена захлопнулась, отрезав его от группы.

— Лифт, — скомандовал Дэм. — Вниз. Все.

Ава уже склонилась над Сашей, не дожидаясь команды. Она молча разрежала штанину, осмотрела рану и тихо, но

твёрдо произнесла:

— Дай руку. Просто дай руку, я пойму, что с тобой.

Саша, морщась от боли, протянул ладонь. Ава на секунду сжала его пальцы, и в этом прикосновении не было ничего медицинского — просто привычка, которая помогала ей считать: насколько человек напуган, насколько держится, не уйдёт ли в шок. Она чуть нахмурилась, потом кивнула сама себе.

— Не шок. Держишься, — констатировала ровно. — Перевяжу, и пошевелишься. Но не бегать — минимум сутки.

Ава быстро наложила тугую повязку, обработав рану антисептиком. Саша зашипел сквозь зубы, но промолчал.

Марта, стоявшая чуть в стороне и наблюдавшая за работой Авы, вдруг тихо сказала:

— Ты правильно упал, кстати. Если бы ты побежал дальше, тебя бы сняли у проёма.

Саша поднял на неё взгляд. В её лице не было ни насмешки, ни привычной язвительности. Только спокойная, деловая оценка — и что-то ещё, едва уловимое, что он не успел разобрать.

— Спасибо, — хрипло ответил он. — За то, что вернулась.

Марта чуть повела плечом, убирая клинки обратно в крепления на предплечьях. Щелчок — тихий, привычный.

— Не благодари. Ты ещё пригодишься целым, — сказала она, но голос прозвучал мягче, чем обычно, и она тут же от-

вернулась, будто сама удивилась этой мягкости.

Лифт дёрнулся и поехал вниз, унося их в темноту.

— Добро пожаловать в убежище Дзета, — тихо произнес Дэм, глядя, как лифт медленно опускается вниз. — Здесь не найдут, этот вход заблокирован, а настоящие входы и выходы находятся не здесь.

Лифт дёрнулся и остановился. Створки разъехались, открывая просторный, тщательно спроектированный бункер. Он оказался куда больше, чем можно было предположить снаружи: уходящие вглубь коридоры терялись в полумраке, а несколько ответвлений вели, судя по всему, к отдельным секторам. Толстые бетонные стены, тусклый свет, запах машинного масла и озона — здесь пахло не уютом, а безопасностью, выстроенной ценой огромного труда.

В дальнем конце зала у пульта суетилась группа людей — что-то сверяли в планшетах и перебрасывались короткими фразами. Чуть ближе, у стеллажей с ящиками, двое в бронежилетах проверяли снаряжение, время от времени бросая взгляды вокруг. Всё здесь жило своей напряжённой, размеренной жизнью — будто даже тишина тут была частью протокола.

Пока остальные занимали позиции и проверяли системы, Ава перетасила Сашу в медблок, уложила на жёсткую кушетку и продолжила обработку раны. Её движения были быстрыми, точными, без лишней суеты — она не любила тратить время на слова, когда можно сделать дело.

— Держи ногу ровно, — коротко бросила Ава, закрепляя повязку. — Если шов разойдётся, я сама тебя привяжу к кушетке. И не смотри на меня так — это не угроза, а рабочая необходимость.

Саша слабо улыбнулся — не потому, что было смешно, а потому что эта привычная жёсткость странным образом успокаивала. Здесь не сюсюкали, не жалели, не прятали правду. Здесь просто делали свою работу, чтобы все выжили.

Вэл подключился к внутренней сети, запуская протоколы безопасности. Он работал быстро, но без суеты, привычно бормоча себе под нос названия команд, будто заклинаниями удерживал систему от сбоя: «WER-V3... DATA-X6... MIC-L4...»

Петрович проверял периметр по датчикам, время от времени сверяясь со своей потрёпанной картой. У него была привычка перед любым серьёзным делом провести пальцем по маршруту и тихо пробормотать: «Тут не ходи, тут тихо, тут ловушка». Сейчас он делал то же самое, будто карта могла подсказать ему что-то, чего не видели экраны.

Марта встала у входа в отсек, держа наготове свои клинки — они были привычнее, тише и надёжнее в замкнутом пространстве. Она не собиралась расслабляться, пока не будет уверена, что угроза миновала. Её взгляд скользил по каждому углу, по каждой тени, фиксируя малейшее движение.

Дэм подошёл к Саше, остановился рядом, глядя не на рану, а в глаза.

— Ты хотел знать, куда они увезли Леру, — напомнил он.
— Если сможешь работать — мы дадим тебе терминал. Но сначала ты должен быть в строю хотя бы наполовину. Ава сделает всё, что может. Остальное — на тебе.

Саша кивнул, чувствуя, как адреналин постепенно сменяется тупой, но терпимой болью. Лекарства начинали действовать, и вместе с ними приходило странное ощущение: не облегчения, а собранности. Будто тело, даже раненое, говорило: «Ты ещё можешь что-то сделать».

— Я смогу, — сказал он, и в этот раз в голосе не было ни дрожи, ни отчаяния. Только холодная решимость человека, который понял: он больше не просто жертва. Он — часть этой команды. И он должен внести свой вклад.

Ава закончила обработку, закрепила повязку и вколола Саше дозу обезболивающего.

— Через двадцать минут станет легче, — сказала она, убирая шприц в контейнер для утилизации. — Но не вздумай вставать раньше времени. Если шов разойдётся, мне придётся переделывать всё заново. А я не люблю переделывать.

Когда настенные часы отщёлкали ровно двадцать минут, дышать стало чуть свободнее, а напряжение в мышцах понемногу уходило. Пульсирующая боль начала стихать, растворяясь в тёплом онемении.

Дэм уже стоял у входа в медблок, скрестив руки на груди. Он не торопил, но и не давал расслабиться.

— Вэл готовит терминал в экранированной зоне, — ска-

зал он. — Там сигнал не уйдёт наружу, а мы сможем видеть, что ты делаешь. Если есть силы — работай. Если нет — скажи сейчас. Нам не нужен герой, который вырубится на середине взлома.

Саша сжал кулаки, чувствуя, как по телу медленно растекается тепло от лекарства, а вместе с ним — решимость.

— Я смогу, — повторил он, на этот раз твёрже. — Дайте мне пять минут, чтобы собраться.

Марта, всё ещё стоявшая на посту у двери, чуть повернула голову. Её пальцы привычно скользнули по креплениям клинков — не из тревоги, а из привычки проверять, всё ли на месте.

— Пять минут, — коротко подтвердила она. — Потом ты либо работаешь, либо спишь. Третьего не будет.

Вэл уже ждал в небольшой комнате, где стены были обшиты экранирующими панелями, а на столе стоял терминал с несколькими экранами. Он быстро показал Саше схему подключения и надел на его запястье электронный браслет.

— Вот этот порт — для прямого соединения, — пояснил Вэл, щёлкая переключателем. — Никаких беспроводных каналов. Мы не можем позволить себе даже микроутечку сигнала. Пароль на вход — временный, я скину тебе на браслет. Как только закончишь — я сразу стираю сессию. И да, если система начнёт запрашивать биометрию — не паникуй. У нас есть эмулятор, я его уже подгрузил.

Саша кивнул, привыкая к ритму этой новой реальности,

где каждое действие было просчитано, а доверие зарабатывалось делом. Он надел перчатки с токопроводящими нитями, подключил кабель и запустил интерфейс. Пальцы забегали по клавиатуре, привычно выстраивая цепочки команд.

Старый тестовый код, который он вспомнил, сработал — система «БиоМедТех» на мгновение признала его как внутренний запрос, и перед ним открылся фрагмент архива городских камер. Саша быстро задал параметры поиска: время, радиус вокруг его дома, метки транспорта корпорации.

На одном из экранов мелькнул фургон с характерным логотипом, медленно выезжающий из двора. Камера на перекрёстке поймала момент, когда двое в чёрном затаскивали внутрь что-то тяжёлое. Изображение было зернистым, но достаточно чётким, чтобы различить силуэт... и знакомый край платка, который Лера никогда не снимала.

Сердце Саши на секунду замерло, а потом забилося так сильно, что он почувствовал пульсацию в ране. Он хотел закричать, сорваться, разбить экран — но вместо этого сжал зубы и сделал скриншот, сохранив файл в зашифрованный буфер.

— Есть, — тихо произнес Саша, не отрываясь от экрана.
— Я вижу фургон. Они увезли её... или то, что от неё осталось.

Вэл, стоявший рядом, наклонился, изучая данные.

— Маршрут, — спокойно сказал он. — Нам нужен маршрут. Если фургон шёл по городу, камеры должны были его

фиксировать. Протяни цепочку по всем точкам.

Саша снова застучал по клавишам, вытягивая из системы один кадр за другим. Фургон двигался по окраинам, избегая центральных магистралей, и в какой-то момент пропал с городских камер — но не бесследно. На одном из снимков, сделанном у заброшенной промзоны, мелькнула знакомая развязка и вывеска старого склада.

— Вот, — Саша ткнул пальцем в экран. — Дальше камер нет, но это их зона. Там у них что-то есть.

В комнату вошёл Дэм. Он молча посмотрел на кадры, на карту, на выделенную точку. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах вспыхнул тот самый холодный огонь, который появляется, когда враг перестает быть абстрактной угрозой и становится конкретной целью.

— Петрович, — позвал он, не повышая голоса.

Тот появился в дверях почти мгновенно, будто стоял за стеной и ждал этого зова.

— Подготовь разведгруппу, — приказал Дэм. — Два человека, максимум. Легкое снаряжение, без тяжелой брони. Нам нужно подтверждение: есть ли там охрана, сколько постов, есть ли камеры. И главное — что внутри.

Петрович кивнул.

— Возьму Ирму, — сказал он. — Она видит детали, которые я пропускаю. Будем на месте через сорок минут, если поедем по старым тоннелям.

— Хорошо, — Дэм снова посмотрел на Сашу. — Ты дал

нам направление. Это уже вклад. Но пока Петрович и Ирма на задании, ты не герой. Ты аналитик. Сидишь здесь, обрабатываешь любые новые данные, которые всплывут. Если увидишь ещё хоть что-то — сразу сообщаем.

Саша хотел возразить, сказать, что тоже хочет быть там, на передовой, но вовремя прикусил язык. Он понял: Дэм не унижал его, а ставил его туда, где Саша был сильнее всего.

— Понял, — ответил. — Я буду здесь.

Марта, которая всё это время стояла у входа, вдруг шагнула вперёд и положила на стол небольшой планшет. Саша случайно заметил тонкую серебряную цепочку, скользнувшую из-под воротника её худи, когда она наклонилась, — на ней висел маленький подвес в форме клавиш пианино. Эта изящная, почти хрупкая деталь странно противоречила собранному, жёсткому облику: грубые ремни снаряжения, тяжёлый взгляд, уверенные движения — и вдруг такая тихая, личная вещь, будто отголосок совсем другой жизни.

Рядом с серебряной цепочкой на шее у Марты виднелся ещё и плотный шнурок — простой, потёртый, будто он повидал не один десяток вылазок. На нём висел металлический жетон, ничем не примечательный: без гравировки, без узоров, только вытравленный мелким шрифтом буквенно-цифровой код. Саша только недавно пришёл в группу, но успел заметить, что такие жетоны есть не только у Марты: он успел заметить подобные у Дэма, Ирмы и Авы. Саша понял, что это была не броская символика и не знак отличия, а простая

практичная вещь: чтобы опознать своего, если случится худшее.

На долю секунды Саша задумался, что за история прячется за этим подвесом в виде клавиш пианино — и почему Марта не сняла его, хотя явно старалась ничем не выделяться среди остальных. Но Марта тут же выпрямилась, снова став той самой Мартой — резкой, собранной, без лишних слов.

— Это резервный канал связи, — сказала она. — Если связь с основным контуром пропадет, мы будем держать контакт через него. Пароль знаешь. И... — она чуть помедлила, будто подбирая слова, — если станет совсем тяжело, не пытайся быть героем. Просто скажи, и Вэл тебя сменит.

Саша кивнул, потянулся к планшету, но краем глаза ещё раз скользнул по тонкой шее: серебряная цепочка пряталась теперь под воротником, а на виду остался только привычный шнурок с жетоном — такой же, как у всех. И всё же в этом контрасте было что-то, что не давало ему покоя: будто Марта носила с собой два мира — один, общий, выживальческий, где все равны перед руинами города, и другой, свой собственный, спрятанный под курткой, тихий и хрупкий, как звук одинокой клавиши в пустой комнате.

Марта не смотрела на него долго, не искала в его глазах благодарности — развернулась и ушла, снова занимая свой пост.

Саша посмотрел на планшет, потом на экраны, где бежали

строки данных. Он чувствовал, как боль в ноге превращается в тупую, привычную тяжесть, а внутри разгорается другое чувство — не месть, не отчаяние, а холодная, собранная решимость. Он больше не был просто хакером, случайно попавшим в беду. Теперь был частью команды, у которой появилась цель.

Пока Вэл проверял стабильность соединения, а Дэм обсуждал с Петровичем детали маршрута, Саша снова склонился над терминалом. Он знал: где-то в этих строках, в этих кадрах, прячется ещё одна подсказка. Ещё одна ниточка, которая приведет их туда, где «БиоМедТех» прячет свои самые тёмные секреты.

Операция по выходу на склад должна была начаться через сорок минут. Петрович уже сверял маршруты по старым тоннелям, Ирма проверяла снаряжение, а Вэл готовил цифровой контур для прикрытия. Саша сидел у терминала, стараясь не мешать, но и не исчезать — хотел быть полезным хотя бы тем, что держит систему в готовности.

Дэм стоял у большой карты города, отмечая точки контроля, когда вдруг замер. Он не дёргался, не хмурился — просто застыл, будто услышал в тишине что-то, чего не слышали остальные. Потом медленно потянулся к планшету, пролистал несколько отчетов, вернулся к началу, снова пролистал.

— Стоп, — тихо, но так, что все в комнате разом замолчали, произнёс он. — Откладываем.

Петрович тут же убрал маркер с карты. Ирма замерла с

ремнём разгрузки в руках. Даже Вэл, который обычно не любил остановок, оторвался от экрана.

— Что? — спросил Петрович.

— Здесь не сходится, — Дэм постучал пальцем по экрану планшета. — Смотрите: фургон «БиоМедТех» ушёл со двора в 23:17. Камеры на перекрёстке фиксируют его в 23:23. А вот дальше — провал. На следующем узле он появляется только в 23:41. Восемнадцать минут. Слишком много для этого маршрута. Даже если они объезжали блокпост, даже если стояли на светофоре — восемнадцать минут не исчезают.

В комнате стало тише. Все смотрели на экран, будто ждали, что цифры сами объяснятся.

— Может, сбой камер? — осторожно предположил Ник.

Он стоял чуть в стороне от остальных, прислонившись к стене, будто ему не хотелось занимать слишком много места. В руке Ник крутил маркер — тот самый, которым Петрович только что отмечал точки на карте. Делал он это слишком уж ритмично, будто отсчитывал секунды.

— Сбой на одном узле — возможно, — спокойно ответил Дэм. — На трёх подряд — нет. Кто-то вырезал эти восемнадцать минут из логов. И сделал это грамотно: не просто стёр, а подменил временные метки, чтобы не было явного разрыва.

Саша почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он знал, как выглядит такая работа. Это не ошибка системы.

Это рука человека.

— Я могу проверить, — тихо сказал Саша, сам удивляясь, что вообще решился подать голос. — Если дадите доступ к метаданным, я посмотрю, где именно были правки.

Дэм посмотрел на него не как на обузу, не как на гостя, а как на инструмент, который может пригодиться.

— Давай, — коротко бросил он. — Вэл, дай ему изолированный контур. Никаких следов.

Вэл молча кивнул, подключил к терминалу Саше отдельный канал и вывел на экран панель с метаданными. Саша не стал сразу тыкать в кнопки. Он сначала посмотрел на структуру логов, на временные метки, на идентификаторы серверов. И почти сразу увидел то, что Дэм заметил интуитивно: нестыковку.

— Вот, — Саша указал на строчку. — Этот блок данных был перезаписан. И не системой, а вручную. Видите ID оператора?

Все посмотрели. ID был незнакомый, но явно внутренний. Не случайный хакер, а кто-то из своих.

В комнате повисла тишина. Не испуганная, а рабочая — та, в которой каждый просчитывает последствия.

— Значит, утечка не случайна, — ровно подытожил Дэм. — И не снаружи. Она изнутри.

Ник, всё ещё державший в пальцах маркер, вдруг замер, будто только сейчас понял, что крутит его, и резко сунул в карман.

— Надо проверить резервные узлы, — быстро сказал он, чуть громче, чем требовалось. — Наверняка правки шли через старый шлюз на восточной ветке. Там защита слабее, туда проще пробиться.

Дэм на секунду задержал на нём взгляд, будто оценивая не слова, а интонацию.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Ник, возьми Ирму, проверьте этот шлюз. Но не лезьте внутрь. Только визуальная разведка, никаких подключений.

— Есть, — коротко ответил Ник, уже разворачиваясь к двери. — Идём.

Ирма поднялась следом, но перед тем, как выйти, бросила на Сашу короткий взгляд — будто хотела что-то сказать, но не стала. Когда дверь за ними закрылась, Дэм снова повернулся к экрану.

— Отменяем выход, — сказал он, и в его голосе не было сожаления, только холодная ясность. — Пока не разберёмся с этим, ни шагу.

С этого момента отношение к Саше в бункере начало меняться. Не резко, не торжественно, а буднично, как меняется статус человека, который доказал, что может быть полезен. На следующий день Дэм подошёл к нему, когда Саша пытался разобраться с протоколом шифрования, и просто сказал:

— Оставайся. Мы тебя обучим. Не для того, чтобы ты стал солдатом. Для того, чтобы ты стал тем, кто ты уже есть: кто видит дыры в системе.

Дэм молча кивнул, будто ставя точку в решении, и жестом позвал Сашу за собой. Они прошли по узкому коридору в тесный кабинет, где стены хранили следы долгих бессонных ночей.

— Сейчас ты узнаешь, во что ввязался, — тихо произнес Дэм, закрывая дверь. — И про «Лик Правды», и про то, почему мы не можем проиграть.

Саша сел напротив, понимая: сейчас ему откроют ту самую правду, которую не доверяют никому лишнему. В голосе Дэма слышалась не просто усталость — будто каждый слог давался ему ценой старых ран.

Дэм не стал ходить вокруг да около. Он говорил ровно, но в интонации проскальзывала тяжесть, будто слова тянули его вниз.

— «БиоМедТех» — не просто корпорация. Это фабрика, которая производит угрозы. Не вирусы, не лекарства, не медицинское оборудование — живое оружие. Они создают существ, способных стирать память, подавлять волю, превращать людей в марионеток. Мы зовём их мутантами, но это не совсем точно. Мутация — это то, что случается само. Здесь — то, что сделано нарочно. По чертежам. С протоколами приёмки.

Саша коротко кивнул, схватывая суть, но Дэм не спешил переходить дальше — в его взгляде мелькнуло что-то, от чего воздух в комнате будто стал тяжелее.

— И всё это держится на одном веществе — талломине.

Не думай, что это просто химикат из пробирки. Это редкая, почти мифическая дрянь, которую «БиоМедТех» добывает в считанных количествах и охраняет как ядерный код. Талломин не просто запускает мутации — он переписывает биологию. Он встраивается в клетки, меняет нейронные связи, заставляет тело перестраиваться по чужим чертежам. Одна капля на открытой ране — и человек уже не свой. А если ввести его в нужной концентрации... — Дэм на секунду заппнулся, будто сам не хотел произносить следующую фразу, — ...то из него можно слепить что угодно. Хоть мутанта, хоть послушную куклу.

Дэм чуть наклонился вперёд, будто хотел, чтобы каждое слово легло точно в цель, без лишнего эха.

— В нашем мире мутанты — не стихийное бедствие. Это продукт. И у них есть категории — как у деталей на конвейере.

Дэм постучал пальцем по краю папки, не открывая её.

— Первая категория или низшая — «пустые». Неудачные опыты. Кожа как пергамент, сквозь неё проступают тёмные узлы сосудов. Глаза либо белые, либо сплошь кровавые. Движения дёрганные, но молниеносные. Они не мыслят — только реагируют: на звук, запах, движение. Тянутся уничтожать всё живое. Действуют стаями, слушаются вожака. Слабы перед огнём, кислотами и ультразвуком — это их ломает.

Он снова постучал по папке — коротко, как ставят точку.

— Вторая категория или базовая — «вожаки». Уже не

ошибка, а расчёт. Выглядят почти как люди — кожа бледная, глаза серебристые, черты сглаженные. Умеют стирать память — не внушением, а физически, разрывая связи в мозге. Могут возвращаться в человеческий облик, но метки остаются: эта бледность, эти светлые глаза. Командуют «пустыми» через слабые телепатические импульсы. Но без приказа теряют самостоятельность.

Дэм сделал паузу, проверяя, успевает ли Саша.

— Третья категория — они называют себя талломийцы. Высшая ступень. Мы их не встречали — ни разу. Знаем только по обрывкам документов и словам тех, кого уже нет. Говорят, внешность почти не меняется, зато появляются способности. Мощные, но с ценой: после сильного выброса сил они слабеют, им нужно восстановление. У каждой способности — своя слабость. Но насколько это правда, а насколько — вброшенная «БиоМедТех» дезинформация, мы не знаем. Пока не столкнёмся — не узнаем.

Саша нахмурился, переваривая услышанное.

— А талломин... он везде? В каждом из них?

— Да, — ровно ответил Дэм. — Без него ничего не работает. Ни мутации, ни контроль, ни регенерация. Он — топливо и клей одновременно. И именно поэтому его так мало и так тщательно прячут. Если мы найдём источник — или хотя бы маршрут поставок, — мы ударим по самому уязвимому месту. Не по мутантам. По тем, кто их создаёт.

— И все они... под контролем?

— Да, — коротко ответил Дэм и подошёл к карте на стене. Он обвёл несколько районов в Т-5, и пальцы его чуть дрогнули, когда касались бумаги — не от страха, а от изнеможения, от того, сколько раз он уже проводил эту линию. — Здесь чаще всего фиксируются нападения. Считаем, что там — их базы. Отсюда выпускают мутантов, отсюда координируют атаки. Их нейротоксины по-разному влияют на мозг: одни стирают воспоминания, другие делают из человека мутанта и послушного исполнителя. Нам повезло: на некоторых из нас токсины не сработали. Почему — не знаем. Но это не повод расслабляться.

Дэм на секунду прикрыл глаза, будто пытаясь стряхнуть с себя чужую боль, которая прилипла к нему за годы этой войны.

— Твоя сестра погибла не случайно. Это часть их тактики: устранять тех, кто слишком близко подбирается к правде. Наш информатор внутри «БиоМедТех» успел передать данные — и был ликвидирован. Мы добываем информацию ценой жизней. С той, и с другой стороны.

Саша сжал кулаки, но не произнёс ни слова. Ему не нужны были оправдания. Ему нужна была цель.

— Я не прошу тебя мстить, — ровно продолжил Дэм, но голос его вдруг стал тише, будто силы начали уходить. — Я прошу работать. Твои навыки могут спасти десятки или даже сотни людей. Но если остаёшься — ты должен быть готов к потерям. К тому, что мир, который ты знал, уже не вернется.

Он отошёл к столу, постучал пальцем по карте. Движения были точными, но в них чувствовалась вымученность — как у человека, который слишком долго держится на одной воле.

— У нас есть сеть ячеек сопротивления по всей зоне и за её пределами. Мы передаем координаты убежищ, предупреждаем об угрозах, проверяем слухи. Вэл бьёт по информационной блокаде «БиоМедТех»: распространяет правду по закрытым каналам. Это медленно. Но это работает.

Дэм посмотрел на Сашу прямо, без давления, но и без поправок. В его взгляде читалось: «Я не могу обещать, что всё будет хорошо. Я могу обещать только одно — мы будем делать то, что должны».

— Наша рутина — это и есть защита. Дежурства, тренировки, проверка датчиков, чистка оружия, ремонт. Любая мелочь может стать разницей между жизнью и смертью.

Он сделал глоток воды, будто смывая не жажду, а горечь сказанного, и на секунду замер, прислушиваясь к себе.

— И ещё. «Лик Правды» появился уже давно. Я видел, как исчезают города. Как стирают память о целых районах и зонах. Как людей превращают в инструменты. Я не хочу, чтобы это случилось и здесь.

В голосе Дэма не было пафоса — только усталое, горькое знание: он уже терял слишком многое, чтобы позволить себе красивые слова.

Саша поднял взгляд.

— Я остаюсь, — сказал он спокойно, без пафоса. — Что

нужно делать прямо сейчас?

Дэм едва заметно кивнул — единственное одобрение, которое здесь ценилось. Он не стал хлопать Сашу по плечу, не стал говорить «ты молодец». А просто принял его решение, как принимают ещё один патрон в обойму — не ради тепла, а ради того, чтобы хватило на долгий бой.

Он открыл ящик стола и достал тонкую папку с пометкой «Т-5-А2-7». Бумага была чуть потёртая, будто её уже не раз доставали и снова прятали. Дэм передал её Саше, и пальцы его на мгновение задержались на обложке — как будто он не хотел отпускать этот груз, но понимал, что должен.

— Это отчёты по трём инцидентам за последнюю неделю. Там мало данных, но есть координаты и временные метки. Сравни их с городскими логами камер. Ищи не совпадения, а пустоты. Места, где камеры «случайно» не работали в момент нападения.

Саша взял папку.

— Есть ещё кое-что, — добавил Дэм, и голос его снова стал тише, почти шёпотом, будто даже эти слова причиняли ему боль. — В двух из трёх случаев рядом фиксировали аномальный всплеск электромагнитного фона. Не сильный, но характерный. Такой бывает, когда активируют телепатическую связь для контроля мутантов. Никакой техники, только импульсы. Они управляют ими через отдельный канал — как по невидимой нити тянут за поводок.

Саша замер на секунду, сопоставляя факты. В голове

щёлкнуло — всё встало на свои места, и от этой ясности стало даже холоднее.

— Значит, они не просто выпускают их, — тихо произнёс он. — Они держат их на привязи. И управляют в реальном времени.

— Именно, — подтвердил Дэм. — И если мы найдём источник этих сигналов, сможем либо заглушить канал, либо хотя бы понять, откуда готовится следующий удар. Но тут есть нюанс: импульсы почти не оставляют следа в обычных логах. Их видят только узкополосные анализаторы — те, что стоят на постах Вэла. Обычные датчики просто пропускают этот фон как «фоновый шум».

Саша чуть наклонил голову, уже мысленно раскладывая задачу на шаги.

— Тогда нам нужны не городские логи, а данные с постов Вэла. Если есть всплеск — должен быть и эпицентр. А у эпицентра — координаты.

Дэм едва заметно кивнул, в его взгляде мелькнуло то самое редкое одобрение — не за храбрость, а за холодный расчёт.

— Я уже запросил эти данные. Вэл скинет их, как только упадёт окно передачи. Но помни: сам факт запроса может засветиться в системе «БиоМедТех». Они отслеживают не только действия, но и интерес. Если кто-то слишком настойчиво ищет активность импульсов — к нему приходят первыми.

В этот момент по внутренней связи раздался короткий сигнал — стандартное оповещение о сбое одного из датчиков периметра. Дэм тут же нахмурился, подошёл к настенной панели и вывел на экран схему бункера. Один из дальних секторов мигал желтым.

— Петрович, — произнёс он в микрофон. — Доложи по блоку D-3.

Через пару секунд в динамике раздался спокойный голос Петровича:

— Сбой питания на линии датчиков. Резерв подхватил, но сигнал нестабильный. Проверяю вручную.

— Не один, — тут же ответил Дэм. — Возьми Марту. И держи канал открытым.

Он повернулся к Саше. В его глазах усталость смешалась с холодной собранностью — как у человека, который знает, что отдых будет потом, если вообще будет.

— Видишь, — тихо сказал Дэм. — Рутина и есть наша броня. Но броня иногда даёт трещины. И мы должны быть готовы их залатать.

Дэм замолчал, будто выжал из себя все нужные слова и медленно повернулся к Саше.

— Это только начало, — хрипло произнёс он. — Дальше будешь узнавать по ходу дела, когда сможешь держать язык за зубами и не терять голову.

Лидер поднялся, скрипнув стулом, и бросил короткий взгляд на дверь:

— Сейчас пойдешь к Вэлу — он введёт тебя в контур и покажет, как не оставлять следов. Также даст тебе доступ к архивам, но только к тем, что не светятся в сети. Нам нужно найти пересечения между недавними нападениями и маршрутами фургонов «БиоМедТех». Если есть повторяющиеся точки — они могут быть узлами управления. Потом Ава пробежится с тобой по базовым протоколам безопасности. Никаких поблажек: тут либо учишься быстро, либо становишься обузой.

Саша кивнул, сжимая пальцы на краю стола, и впервые почувствовал не тяжесть вины, а холодную ясность: теперь у его боли была задача.

— Дэм... — начал он, не зная, как подобрать слова. — Спасибо, что рассказал. Без прикрас.

Дэм чуть склонил голову, не как начальник, а как человек, которому важно, что его слышали.

— Не благодари, — тихо ответил он. — Просто сделай так, чтобы эта правда не стоила нам ещё одной жизни.

И обучение началось не с лекций, а с дела. Ава учила не просто бинтовать, а понимать, что происходит с телом в стрессе: как отличить шок от обычной слабости, как распознать внутреннее кровотечение по пульсу и цвету кожи.

— Если ты будешь сидеть за терминалом, а рядом кто-то начнет умирать, — говорила она, глядя Саше прямо в глаза, — ты должен понять это раньше, чем он сам. Иначе ты не аналитик. Ты просто наблюдатель.

Петрович водил Сашу по городу не как туриста, а как разведчика. Показывал, как читать тени, как замечать, где камеры смотрят, а где их нет, как понимать расписание патрулей по звуку двигателей.

— Город — это не улицы, — говорил Петрович, стоя в переулке, где даже ветер дул по определённом маршруту. — Город — это система угроз. И твоя задача — найти в ней безопасный коридор.

Марта учила дисциплине в стрессе. Они не стреляли. Они проигрывали сценарии: внезапный контакт, потеря связи, обнаружение. Марта заставляла его выбирать: «Что ты делаешь первым? Вторым? Третьим?» И если Саша путался, она не ругала — заставляла повторить, пока алгоритм не становился рефлексом.

А Вэл учил видеть не картинку, а структуру. Он показал, как по одному фрагменту лога можно понять, кто и зачем его трогал.

— Смотри не на то, что есть, — повторял Вэл. — Смотри на то, чего нет. Пустота — это тоже след.

Ник учил сражаться — жёстко, без лишних слов, заставляя раз за разом разбирать каждое движение до костей. Он не щадил, но в его требовательности чувствовалась вера.

— У тебя высокий потенциал, — коротко бросил Ник однажды после спарринга, когда Саша едва держался на ногах, а мышцы горели. — Ты не теряешь голову, когда становится жарко. Это редкость. А в нашем деле — почти талант. Ты

умеешь думать в движении. Не пытайся быть сильнее всех — будь умнее. Учись читать противника: по дыханию, по тому, как он переносит вес, по микропаузе перед ударом. Это важнее грубой силы.

И Саша учился. Запоминал углы, под которыми лучше уходить от захвата, высчитывал доли секунды для контратаки, привыкал к тому, что боль — не сигнал остановиться, а маркер того, что тело ещё работает. Ник не хвалил просто так, и оттого каждое его «нормально» или «вот так — уже лучше» ощущалось как награда.

В этих тренировках — в холодной дисциплине Марты, в аналитическом взгляде Вэла, в жёсткой школе Ника — складывался его собственный метод выживания. Не набор красивых приёмов, а система, где каждый шаг был просчитан, каждый рефлекс отточен, а каждая слабость превращена в осторожность.

Проходили недели. Дни сливались в рутину тренировок, ночных дежурств, разборов ошибок. Саша всё ещё не был бойцом, но он перестал быть лишним. Жизнь в бункере шла по жёсткому циклу: тренировки, оттачивание навыков, дежурства у мониторов, проверка периметра, распределение скудных запасов, оказание помощи вновь прибывшим. Рутинна, которая давала хоть какое-то ощущение контроля в мире, охваченном хаосом.

С каждым днём к ним прибывали новые выжившие — измученные, напуганные, с пустыми глазами людей, которые

слишком многое видели и слишком мало поняли. И каждый раз приходилось решать задачу без правильного ответа: как помочь им, не ставя под угрозу безопасность убежища. Петрович встречал каждого у входа, разворачивал свою потрёпанную карту и тихо бормотал, указывая маршрут: «Откуда пришёл? Тут не ходи, тут тихо, тут ловушка». Он не успокаивал — просто делал то, что умел: превращал хаос в схему.

Ник, Марта и Ирма регулярно уходили в город — за припасами, за разведкой, за живыми. Каждый возвращался по-своему: Ник молча, без лишних слов, привычно проверяя заряд на трёх резервных устройствах; Ирма — с ледяным спокойствием, откладывая пистолет и тихо сообщая Дэму: «Чисто. Пока»; Марта — с коротким щелчком убирая клинки в крепления на предплечьях и бросая на ходу: «Восточный сектор опять гудит. Не нравится мне там».

Но были и другие вечера — тихие, почти домашние, когда задачи на день закрыты, периметр молчит, и можно позволить себе четверть часа нормальности. Эти посиделки никто не объявлял и не организовывал — они складывались сами собой.

Петрович заводил разговор о старых временах — не ностальгию, а тактику: «А вот в девяностых у нас был такой же квартал, тоже глухой, тоже без связи. Знаешь, чем кончилось? Тем же, чем сейчас. Только тогда никто не догадался карту составить». Он говорил и одновременно раскладывал перед собой свои затёртые карты, будто без них слова не

шли.

Ава садилась чуть в стороне, не участвуя в разговоре напрямую, но всегда слушая. Иногда она тихо произносила: «Дай руку. Просто дай руку», — и протягивала ладонь тому, кто, по её мнению, держался хуже остальных. Никто не отказывался. Ава не лечила в эти минуты — просто считывала: насколько человек близок к пределу, не уйдёт ли в срыв. А потом так же тихо убирала руку и кивала: «Держишься. Нормально».

Вэл, даже отдыхая, не мог полностью отключиться от работы. Он сидел у терминала, но не взламывал — просто возился с кодом, что-то тихо бормоча — привычка, которая помогала ему не терять ритм даже в тишине. Иногда отрывался от экрана и, ни к кому не обращаясь, говорил: «Знаете, что интересно? Они меняют протоколы каждые сорок восемь часов. А люди — нет. Люди предсказуемы. И это их слабость».

Ирма обычно чистила оружие — методично, без спешки, с точностью хирурга. Но иногда, когда вечер затягивался, то задавала кому-нибудь свой вопрос: «Что ты готов потерять ради этого?» — и ждала не ответа, а паузы, в которой читалась правда. На этих посиделках вопрос звучал мягче, почти по-домашнему, и звучал не как проверка, а как напоминание: мы все здесь рискуем чем-то.

Марта, единственная из всех, позволяла себе расслабить плечи. Она садилась ближе к стене — привычка, оставшаяся

от сотен засад, — и иногда, поймав взгляд Саши, чуть смягчала голос:

— Ты не герой, Саша. И слава богу. Герои умирают первыми. Ты — рабочий инструмент. А инструменты ломаются последними.

Это звучало грубо, но Саша уже понимал: у Марты грубость — это форма заботы. Она не умела по-другому.

И понемногу он начал замечать в этой жёсткости едва уловимые знаки того, что Марта его... принимает. Не как очередного новичка, которого надо натаскать и отправить на задание, а как своего. Однажды после тяжёлой тренировки, когда Саша едва держался на ногах, Марта молча протянула ему флягу — не общую, а свою личную, с той самой смесью трав, которую она никому не давала.

— Пей, — коротко бросила Марта. — И не вздумай благодарить. Это не подарок, это техобслуживание. Тебе ещё работать.

Саша тогда улыбнулся про себя — впервые без напряжения — и сделал глоток. Горьковато, терпко, с лёгкой пряной ноткой, от которой сразу становилось легче дышать. Он не стал спорить, не стал тянуть время — просто кивнул, вернул флягу и сказал:

— Спасибо. В смысле... я понял. Это не про доброту. Это про то, чтобы я дожил до следующего задания.

Марта на секунду задержала на нём взгляд, будто проверяя, не издевается ли он, а потом едва заметно хмыкнула —

почти как улыбка, только для очень внимательных.

— Вот именно, — сказала она. — Ты начинаешь соображать.

С тех пор между ними появилось что-то вроде негласного ритма: короткие фразы, понятные только им двоим, молчаливые кивки, которые значили «я тебя прикрою», и даже её привычные колкости уже не резали, а ложились как броня — жёсткая, но своя.

Однажды вечером, во время тех самых посиделок, когда Петрович бубнил про старые кварталы, а Ирма методично перебирала детали пистолета, Марта вдруг повернулась к Саше и, не глядя прямо, сказала:

— Завтра с утра поработаем над реакцией. Ты в ближнем бою слишком долго думаешь. В следующий раз думать будет поздно.

Саша хотел было привычно кивнуть и сказать «есть», но вместо этого поймал себя на том, что хочет спросить — по-настоящему, без отчёта:

— А как ты сама... в первый раз? Когда поняла, что думать уже поздно?

Марта замерла — буквально на долю секунды, будто кто-то дёрнул невидимую нить. Потом медленно подняла взгляд, и в нём мелькнуло что-то, чего Саша раньше не видел: не усталость даже, а старая, въевшаяся в кости память.

— В первый раз я не поняла, — тихо сказала она, и голос её звучал непривычно ровно, без привычной резкости. — Я

просто действовала. А поняла уже потом, когда всё закончилось. И поняла, что, если бы я ещё хоть секунду думала — меня бы там не было.

Она не стала продолжать, не стала делиться подробностями — да и не нужно было. Для Марты это и так было почти исповедью. Саша не стал давить вопросами, не стал пытаться «поддержать» пустыми словами. Он просто кивнул и тихо ответил:

— Значит, будем убирать лишние секунды.

Марта снова хмыкнула, но в этот раз в её усмешке было что-то тёплое — как будто она оценила, что Саша не полез с сочувствием, а принял её урок как есть.

— Именно, — сказала она и отвернулась, будто разговор был окончен. Но Саша заметил, как Марта чуть расслабила плечи — совсем немного, ровно настолько, чтобы он понял: сегодня он стал чуть ближе к тем, кого она считает «своими».

И это было дороже любой похвалы.

Однажды вечером, когда все собрались в главном отсеке сверить данные, Дэм вдруг остановился напротив Саши и сказал:

— Ты видишь то, чего не видим мы. И ты учишься работать так, чтобы это не стоило нам жизней. Поэтому я говорю это сейчас, чтобы не было недопонимания: ты в ближнем круге. Не потому, что мы добрые. А потому, что ты нужен. И если ты с нами — ты с нами до конца.

Дэм чуть наклонил голову, будто взвешивая собственные

слова, и добавил:

— В ближнем круге имён не держат. Слишком легко по имени выследить, слишком просто связать с прошлым. С этого момента для всех ты — Арекс. Почти как Александр, но не он. Пусть звучит привычно — так быстрее сработаемся. И пусть никто не докопается до настоящего.

Саша на секунду замер, привыкая к звуку, а потом кивнул — будто примерял новое имя, как бронежилет: сначала непривычно, но потом становится частью тебя.

— Арекс, — тихо повторил он, и в этом слове не было ни пафоса, ни обиды — только готовность стать тем, кем нужно, чтобы не подвести этих людей.

Марта, стоявшая у двери, чуть склонила голову — её версия кивка.

— Тогда за работу, — сказала она. — У нас есть след. И есть человек, который его оставил. А Арексу как раз по профилю: он видит то, что прячется между строчек.

Вэл вывел на экран схему: цепочка логов, где были правки, вела к старому серверному узлу на окраине.

— Отсюда запускали правки, — пояснил он. — Не из главного офиса. Из резервной точки. Значит, тот, кто это делал, не хотел, чтобы об этом узнали даже внутри корпорации.

— Значит, он боится, — тихо произнёс Саша. — А тот, кто боится, делает ошибки.

Дэм снова посмотрел на него, и в этом взгляде не было снисхождения. Только уважение к факту.

— Верно, — сказал он. — И мы найдём эти ошибки. Но не штурмом. Арекс, ты будешь нашим мостом. Ты покажешь нам, где он споткнулся. А мы сделаем остальное.

Саша сел за терминал. Пальцы привычно забежали по клавишам. Но теперь он знал: он не один. За его спиной — команда, которая прикрывает его, пока он ищет правду в строках кода. И это знание странным образом собирало его изнутри, превращая хаос мыслей в чёткую последовательность действий. Он ловил короткие взгляды Дэма у двери, сдержанный кивок Марты, едва уловимый жест Авы — и каждый из них был немой обещанием: «Мы держим периметр. Работай».

Однажды, когда Вэл и Саша работали в лаборатории, пытаясь вскрыть защиту серверов «БиоМедТех», Вэл вдруг замер, уставившись на экран. Его лицо побледнело, а пальцы на клавиатуре застыли.

— Нет, нет, нет... — зашептал он, и в этом шёпоте было не страх, а профессиональное узнавание катастрофы. — Это не внешняя атака. Это изнутри. Кто-то ломает систему не снаружи — кто-то внутри «БиоМедТех» методично подменяет протоколы, рвёт цепочки запросов, затирает следы. Такого я ещё не видел.

Саша тут же подскочил к нему. На мониторах мелькали хаотичные данные, странные символы, сообщения об ошибках — не случайный сбой, а последовательное разрушение, будто кто-то вынимал из стены кирпич за кирпичом, акку-

ратно и с расчётом.

— Что происходит? — спросил Саша.

— Не знаю, — ответил Вэл, судорожно набирая команды.

— Но это каскадный сбой. Кто-то намеренно перегружает узлы. Ещё минута — и вся их резервная архитектура рухнет.

В этот же момент во всём бункере погас свет. Раздался оглушительный вой сирены, пронзивший тишину.

— Тревога! — голос Петровича из динамиков был хриплым, но чётким — голос человека, который слишком часто говорил эти слова, чтобы позволить себе запнуться. — Известные аномалии зафиксированы по всему городу. Всем занять оборонительные позиции. Повторяю: всем занять оборонительные позиции.

Аварийные лампы вспыхнули резким красным светом, выхватывая из темноты лица, руки, оружие. В бункере не началась паника — началась работа. Люди двигались к постам быстро, без суеты, каждый по своему маршруту. Это не был первый аварийный сигнал, и каждый знал свою задачу: кто-то проверял герметичность периметра, кто-то разворачивал средства связи, кто-то занимал огневую точку. Лишь недавно прибывшие замерли в растерянности — и тут же получили короткие, жёсткие команды от тех, кто уже привык.

— Не стой. Бери вот это. Иди за мной, — Ава коротко ткнула пальцем в сторону ящика с запасными фильтрами и кивнула одному из новичков. Она не объясняла — она действовала.

Прежде чем кто-то успел полностью оценить ситуацию, в лабораторию ворвалась Ирма. Её лицо было белее мела, дыхание сбивалось, но в глазах горела стальная решимость. Пистолет она даже не убрала — просто держала вдоль тела, готовая к любому развитию.

— Дэм! — закричала она, задыхаясь. — Марта... она ранена. И она принесла кого-то.

Дэм мгновенно выскочил из лаборатории. Саша — за ним. В коридоре, залитом красным светом, Марта опустилась на колени. На руках она бережно держала девушку без сознания. Девушка была вся в крови и грязи, одежда — лохмотья. Длинные русые волосы слиплись, прикрывая бледное лицо. На щеке — едва заживший глубокий порез, на руках — множественные ссадины и синяки.

— Быстро! — крикнула Марта, посмотрев на Дэма. Голос был хриплым, но твёрдым — не просьба, а приказ. — Ей нужна помощь. И мне тоже, но потом.

Они быстро отнесли раненую в медпункт. Ава уже стояла у стола — не ждала объяснений, а считывала ситуацию с порога: пульс, дыхание, степень кровопотери, положение тела. Её движения были быстрыми, точными, без единого лишнего жеста.

— Кровопотеря значительная, — бросила Ава, не глядя на остальных. — Нужна срочная стабилизация. Подготовьте систему для переливания и стерильный набор. И включите дополнительный свет — этот красный мешает видеть.

Пока помощники выполняли приказы, Ава склонилась над девушкой, проверяя реакцию зрачков и аккуратно ощупывая возможные переломы. Потом протянула ладонь и тихо произнесла — привычно, как всегда:

— Дай руку. Просто дай руку.

Девушка не ответила. Но Ава и не ждала ответа — она сжала безвольные пальцы и на секунду замерла, считывая то, что нельзя увидеть глазами. Потом кивнула сама себе и продолжила работать.

— Переломов нет. Контузия, потеря крови, обезвоживание. Держится на адреналине, но недолго, — ровно перечислила она, не повышая голоса. — Включаем капельницу, обрабатываем раны, держим под контролем пульс.

Вдруг девушка приоткрыла глаза и, собрав остатки сил, прошептала:

— Я... Фая... Вы... прислали мне... адрес...

Голубые глаза закрылись, сознание ушло. Ава на секунду замерла, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, а затем резко кивнула.

— Она держится, — коротко сказала она. — И мы не дадим ей уйти. Приступаем.

Марта, привалившись к стене коридора, смотрела на медпункт сквозь прищур. Клинки были убраны, но пальцы всё ещё подрагивали на креплениях — привычка, от которой она не могла избавиться даже когда сил почти не осталось.

— Я нашла её у восточного периметра, — тихо сказала

Марта Дэму, не повышая голоса. — Сидела под завалом, без сознания. Рядом — следы. Не наши. Не «пустых». Другие.

Дэм посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнула тревога за Марту — почти отеческая забота. Будто он видел, как она берёт на себя слишком много, и сердце сжималось от этого. Саша раньше не замечал в нём такой мягкости — только холодную собранность. А сейчас в глазах Дэма читалось: «Только не надо рисковать». Будто он давно ждал момента, когда придётся её удержать — или хотя бы успеть подхватить, если силы вдруг кончатся.

— Расскажешь всё, когдаAVA тебя зашьёт, — ровно сказал он. — А пока — сиди и не двигайся. Это приказ, не просьба.

Марта криво усмехнулась — не от злости, а от привычки спорить даже когда согласна.

— Слушаюсь, — буркнула она и наконец убрала руку от раны, позволив крови течь свободно. — Но если что-то начнётся, я встану. И ты меня не остановишь.

ГЛАВА 3. ДЭМ.

Дэм проснулся от ледяного пота, липко стягивавшего кожу, будто сама тьма пыталась удержать его в кошмаре. Он резко сел, хватая ртом воздух, и несколько мгновений не мог понять, где находится — реальность и воспоминания сплетались в одну жгучую, невыносимую картину.

Кошмар вновь прорвался сквозь тонкую завесу сна, вернув его в ту проклятую зону, где Дэм потерял всё. Визг сирен, разрывающий барабанные перепонки, крики, запах гари и крови — всё это обрушивалось на него с прежней силой, словно время не имело власти над этой болью. И лица... лица, которые он не имел права забывать.

Лицо его жены Катерины — с её неизменной доброй улыбкой и ямочками на щеках, появлявшимися каждый раз, когда Дэм рассказывал какую-нибудь глупую шутку. Лицо шестилетнего Лёши с непоседливыми тёмными кудрями — мальчишки, который мечтал стать отважным строителем и возводить самые высокие и красивые здания, прямо как папа. И лицо трёхлетней Вали — с огромными зелёными глазами, унаследованными от матери, глазами, которые каждый вечер умоляюще смотрели на него: «Папа, ну ещё одну! Ну, пожалуйста!» — просили почитать сказку на ночь своим тоненьким голоском.

А теперь эти лица были пустыми, безжизненными. Они

стояли перед его внутренним взором, не обвиняя, не упрекая — просто смотрели, и от этого взгляда становилось только страшнее. Дэм глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь в руках, но пальцы всё равно подрагивали, будто до сих пор сжимали пустоту. Эти воспоминания преследовали его, как неотступная тень, напоминая о цене, которую он заплатил за свою наивность, за свою веру в то, что всё будет хорошо. Теперь Дэм знал: в этом мире нет места для надежды — есть только борьба за выживание, холодная и беспощадная.

Когда-то у них была небольшая, но уютная квартира на окраине города — с балконом, увитым плющом, который Катерина высадила в первый год их совместной жизни. Квартира, полная детского смеха и плача, запаха свежей выпечки и старых книг. Дэм работал инженером-конструктором, строил жилые дома, часто задерживался на работе, чтобы обеспечить семью, и каждый раз, возвращаясь, ловил на себе взгляд Кати — не упрёк, а тихое понимание, в котором было больше любви, чем в любых словах.

Они с Катериной только начинали жить, строить планы на будущее — и пусть эти планы были простыми, почти будничными, они были наполнены теплом и светом. Дэм мечтал о пенсии в тихом городке у моря, о большом доме, лабрадоре и путешествиях. Катя работала учительницей русского языка и литературы, учила детей думать критически и ценить настоящее, но дома становилась той самой Катей — мягкой, заботливой, умеющей одним словом снять любую тяжесть с

его плеч. Лёша ещё ходил в садик, но уже проявлял интерес к технике, разбирая свои игрушки до последней шестерёнки, чтобы посмотреть, как они устроены. Валя только начинала говорить, но уже умела очаровывать всех своей улыбкой — и этот смех звенел в квартире, как маленький, но очень важный колокольчик, напоминавший, что жизнь продолжается.

Дэм помнил, как Лёша, вымазанный краской, прибежал к нему и показывал рисунки домов, которые собирался построить.

— Папа, а почему у этого дома нет крыши? Он что, не достроен?

— Нет, Лёша, — отвечал отец, стараясь сдержать улыбку, — это такой стиль. Это современная архитектура.

А по вечерам, перед сном, Валя забиралась к нему на колени и требовательно тянула книжку.

— Папа, почитай про принцессу!

— Хорошо, — соглашался Дэм, — но только одну.

Дочь звонко смеялась и хлопала в ладоши, а Катя стояла в дверях, улыбаясь, и в её взгляде читалось: «Вот оно, Демьян. Вот наше счастье».

Он даже забыл своё настоящее имя — Демьян. Теперь он просто Дэм, лидер «Лица Правды», человек, который должен защищать своих людей, принимать решения, от которых зависят чужие жизни. Демьян... как давно он слышал это имя? Только Катя называла его так — нежно, ласково, с какой-то особой теплотой, будто в этом имени хранилось всё,

что делало его собой. И теперь, когда от прошлого осталась только боль, он цеплялся за эти воспоминания, как за тонкую нить, которая ещё связывала его с тем человеком, которым он когда-то был.

А потом всё изменилось — пять с половиной лет назад, будто сама ткань привычного мира начала расползаться по швам. Сначала поползли слухи — шепотки на кухнях, тревожные сообщения в закрытых чатах: о странных экспериментах, о мутациях, о вирусах, которые не подчинялись никаким законам. Поначалу это казалось далёким и нереальным, чем-то из фильмов, которые они с Катей смотрели по вечерам, смеясь над наивностью героев. Но постепенно шёпоты обрели голос, а голос — вес. Слухи стали превращаться в реальность, тяжёлую, осязаемую, пахнущую гарью и страхом.

Начали пропадать люди — сначала поодиночке, потом целыми семьями. На улицах находили всё больше трупов, и в их застывших позах читался один и тот же немой вопрос: «За что?» Город, который Дэм знал до последней трещины на асфальте, становился чужим, враждебным, будто кто-то подменил его изнутри.

Дэм помнил тот день, когда город окончательно погрузился в хаос. Сирены выли, разрывая воздух на острые, болезненные куски, улицы заполонили обезумевшие мутанты — в их глазах не было ничего, кроме пустоты и голода, словно человечность сгорела первой, как сухая трава. Дэм пытался

спасти свою семью, увезти их из города, прорваться сквозь этот ад к какому-то призрачному безопасному месту. Но было уже поздно: они оказались в ловушке, зажатые между рушащимся миром и собственной беспомощностью.

Катерина... Она была такой храброй до последнего. Защищала детей, пыталась укрыть их от ужаса, который рвался к ним со всех сторон, шептала что-то успокаивающее, хотя в её собственном голосе дрожала неподдельная боль. Но даже её храбрости не хватило.

Дэм помнил лицо жены, когда она умирала у него на руках, — испачканное кровью и грязью, но всё ещё прекрасное, словно свет, который не мог погасить даже этот мрак. Губы, запёкшиеся от слёз, глаза, наполненные такой любовью и такой невыносимой болью, что ему хотелось кричать, чтобы этот крик разорвал саму реальность.

«Береги детей, Дэми...» — прошептала Катерина. Голос был тихим, почти растворявшимся в реве сирен и криках города, но Дэм слышал каждое слово, каждое мгновение врезалось в память, выжигая там вечный след. Он крепче сжал её руку, чувствуя, как жизнь покидает её тело, будто вместе с ней утекала и сама надежда.

Дэм помнил лица своих детей — их глаза, полные ужаса и непонимания, такие большие, будто в них отразился весь этот рушащийся мир.

«Папа, что происходит? Нам страшно...» — плакал Лёша, цепляясь за его куртку дрожащими пальцами.

«Мамочка, не оставляй меня...» — рыдала маленькая Валя, прижимаясь к матери, словно пыталась спрятаться от всего мира в её объятиях.

Это был первый и последний раз, когда Катя назвала его Дэми. Она всегда любила произносить его полное имя — Демьян. Не любила сокращений, считала, что в полном имени заключена вся сила и сущность человека. «Дэм... это как-то слишком коротко, бездушно, — говорила она. — В Демьяне чувствуется сила, надёжность, мужественность». Это был её маленький ритуал, способ показать свою любовь. Жена любила растягивать гласные, произнося «Де-мь-я-н» так, будто пробовала на вкус самое дорогое и ценное лакомство. Говорила, что его имя звучит как музыка, как песня. И Дэм любил, когда Катя его так называла: в её голосе, произносящем это имя, звучало всё тепло, которое согревало в самые холодные моменты.

И вот теперь, в этот последний миг, когда жизнь покидала тело, жена назвала его Дэми. Сократила имя, нарушив свой собственный ритуал. И в этом сокращении было столько боли, столько прощания, что оно ранило сильнее любого удара. Дэм понял: она знала, что умирает. Знала, что больше никогда не сможет назвать его Демьяном, никогда не сможет почувствовать вкус этого имени на губах. Поэтому выбрала это короткое, почти сломанное «Дэми» — чтобы оставить хоть что-то, чтобы протянуть ему тонкую нить сквозь надвигающую тьму. Чтобы оставить им частичку себя.

И Дэм поклялся ей — поклялся перед лицом смерти, перед лицом рушащегося мира, перед лицом собственного бессилия. Поклялся, что будет беречь детей, защищать их, не позволит им погибнуть. Эти слова, сказанные сквозь стиснутые зубы, эхом отдавались в памяти, становились клятвой, которую нельзя нарушить.

Но он не сдержал своего обещания. Дети умерли. И эта мысль, острая и безжалостная, впивалась в сознание, не давая ни секунды передышки. Это была его вина. Он не смог, не успел, не сумел их спасти.

Дэм закрыл глаза, пытаясь унять боль, разрывающую его изнутри. Каждая клеточка тела кричала от отчаяния и вины, будто сама плоть помнила этот провал и наказывала его за него. Он должен был быть сильнее, должен был предвидеть опасность, защитить свою семью любой ценой. Должен был... Но было уже поздно. Всё кончено. Осталась лишь пустота — тяжелая, густая, заполняющая каждую щель в душе, и вечное сожаление, которое не смоет ни время, ни кровь врагов.

Теперь Дэм знал: в этом мире нет места для надежды — есть только борьба за выживание, холодная, беспощадная, требующая всей его воли. И он будет бороться до конца — не ради себя, а ради их памяти. Он, Дэм, тридцатипятилетний мужчина с преждевременно постаревшим лицом — годы будто выжгли на нём следы бессонных ночей и потерь. В его измученных глазах не осталось наивности — только

упрямая решимость, готовая вспыхнуть при первом намеке на несправедливость.

На лице — шрамы, перебитые татуировками: стилизованная вязь на щеке, код Т-09-Х над бровью. Не украшение, а карта клятв и потерь: каждый знак напоминал, ради чего он продолжает идти. Дэм посвятит жизнь этой борьбе. Потерял всё, но не отдаст последнее — веру в то, что справедливость восторжествует, а имена близких станут символом победы над злом, разрушившим его мир. И всякий раз, когда силы будут на исходе, эти метки будут шептать: «Иди дальше. Ради них».

В первые дни после нападения он бродил по мертвому городу, не зная, куда идти и зачем. Однажды, прячась от патрулей в полуразрушенном здании бывшей мэрии, нашёл в разбитом архиве стопку папок с грифом «Для служебного пользования». Среди отчётов и смет мелькнули странные обозначения — коды районов, которые раньше были просто административными метками, а теперь выглядели как ключи к чему-то большему:

ZONE-7-R — район, где раньше жили рабочие завода «БиоМедТех»; по слухам, именно там начались первые вспышки;

SECT-4-M — медицинский сектор, закрытый для гражданских ещё за месяц до коллапса;

Т-09-Х — обозначение, которое встречалось в нескольких документах рядом с пометкой «ограниченный доступ» и

схемой подземных коммуникаций.

Эти коды будто складывались в карту города, только не ту, что была на старых планах, а другую — тайную, по которой можно было понять, где система прятала свои самые тёмные секреты. Дэм начал собирать обрывки информации, сопоставлять их с тем, что видел своими глазами: маршруты патрулей, закрытые кварталы, внезапные отключения связи. Постепенно в голове выстроилась картина: зоны были разбиты на изолированные сектора, каждый из которых имел свой уровень контроля и свой код доступа.

Именно тогда у трёх человек родилась идея «Лица Правды». Сначала это был просто способ не сойти с ума — записывать всё, что удастся узнать, отмечать на карте подозрительные места, собирать свидетельства выживших. Дэм оставлял метки в заброшенных зданиях, передавал записки через тех немногих, кому ещё мог доверять. Потом к ним потянулись другие — те, кто тоже искал ответы. Так из горстки отчаявшихся людей выросла сеть, которая знала город лучше любых официальных карт.

Коды районов стали для «Лица Правды» чем-то вроде языка: по ним передавали маршруты, предупреждали об опасности, обозначали места, где можно найти припасы или укрытие. ZONE-7-R означал «осторожно, высокий риск», SECT-4-M — «не входить без крайней необходимости», а T-09-X стал символом самой тайны — местом, куда рано или поздно должен был привести их путь.

Дэм хранил эти обозначения не на бумаге и не в памяти — выцарапал их на внутренней стороне старого армейского браслета, который носил не снимая. Каждый символ был напоминанием: город лгал, и только зная его коды, можно было увидеть правду. И теперь, когда «Лик Правды» стал силой, способной бросить вызов «БиоМедТех», эти метки превратились в стратегию.

Дэм сжал браслет, чувствуя, как металл врежется в кожу. Коды города были не просто буквами и цифрами — это были следы, оставленные системой, чтобы скрыть свои преступления. И он собирался пройти по этим следам до самого конца. Любой ценой.

Дэм резко открыл глаза, сбрасывая с себя остатки кошмара. Он больше не Демьян. Он — Дэм. И сейчас нужно было не предаваться воспоминаниям, а действовать. В этом мире выживал не тот, кто цеплялся за надежду, а тот, кто умел держать удар и наносить ответный. Он посвятит жизнь этой борьбе — не из слепой ярости, а из холодного расчёта: справедливость должна быть обеспечена, а имена близких — защищены от забвения.

Он поднялся с койки, стараясь не потревожить Вэла: тот спал, свернувшись калачиком, и Дэм не хотел нарушать эту редкую минуту покоя. Лаборатория, переоборудованная под временное жильё, была тесной, но функциональной. Гудели вентиляторы, охлаждающие серверы, потрескивали контакты, изредка раздавались короткие щелчки реле — при-

вычный фоновый шум, ставший частью их рутины. Здесь не было уюта, но была надёжность: крыша над головой, доступ к оборудованию и оружие под рукой. Этого хватало, чтобы продолжать работу.

Дэм мельком взглянул на свои руки. Шрамы, покрывавшие кожу, были не просто отметинами — это был его личный журнал боевых выходов: рваный след от когтей мутанта, тонкий рубец от осколка стекла, сетка мелких порезов от ключей проволоки. Каждый из них фиксировал конкретный эпизод, конкретную ошибку или удачу — своего рода тактильная хроника.

Поверх шрамов темнели татуировки — не украшение, а система меток. На тыльной стороне ладони — миниатюрный компас, чьи стрелки были привязаны не к географическим координатам, а к датам потерь. На предплечье вилась строка SEQUENCE-994-X — ключ, который должен был открыть доступ к нужным данным. Чуть выше, перекрывая след от ожога, — силуэт ласточки с фрагментом кода в клюве: условный символ, обозначавший «сохранить, несмотря ни на что». На сгибе локтя — перечёркнутый логотип «Био-МедТех»: стилизованная молекула, переходящая в силуэт человека, дуги сверху и снизу — будто волны ЭКГ. Чёрная линия легла ровно, без дрожи: не эмоция, а маркер цели. Холодная пометка, как в отчёте: «объект исключён».

Все эти метки набивала ему Ирма. Когда-то она была татуировщицей в полуподвальной студии на окраине Т-5 — до

того, как мир начал рушиться, а искусство превратилось в инструмент выживания. Она умела не просто наносить рисунок, а встраивать смысл в каждый миллиметр кожи, превращая тело в зашифрованный архив.

— Татуировка — это навсегда, — говорила Ирма, склоняясь над эскизом и водя иглой с холодной точностью. — А в нашем мире «навсегда» — роскошь. Значит, пусть каждый знак будет полезным. Пусть он спасает.

Дэм молча кивал, стискивая зубы от боли, но не отводя взгляда. Он знал: если Ирма делает это, значит, в рисунке есть смысл, который он поймёт позже. И он понимал. Каждый символ срабатывал в нужный момент — как подсказка, как напоминание, как ключ.

Иногда, когда в бункере становилось тихо, Ирма останавливалась рядом, коротко кивала на его руки и говорила:

— Помнишь, что значит ласточка?

— «Сохранить, несмотря ни на что», — отвечал Дэм без запинки.

Ирма едва заметно кивала, будто проверяла, не стёрлось ли значение под грузом дней.

— Хорошо, — говорила она. — Значит, ты всё ещё помнишь, ради чего мы держимся.

А перечёркнутый логотип «БиоМедТех» Ирма набила последним, при тусклом свете аварийной лампы. Работала молча, без лишних слов, только время от времени бросала короткие команды: «Не дёргайся», «Держи ровно». Когда за-

кончила, отступила на шаг, посмотрела на результат и тихо сказала:

— Это не про ненависть. Это про фокус. Чтобы ты не забывал, куда бить.

Дэм опустил рукав, прикрывая рисунок, но знал: под тканью остался не просто след иглы — осталась цель, выжженная в памяти.

Он коснулся рукояти пистолета, лежавшего под подушкой. Оружие было не символом агрессии, а инструментом выживания — таким же необходимым, как аптечка или рация. Дэм помнил, как Катерина считала иначе: для неё пистолет всегда был воплощением разрушения. Но в нынешних условиях баланс сместился — теперь ствол был частью протокола безопасности.

В небольшом зеркале на стене отразилось его лицо: постаревшее раньше срока, с темными кругами под глазами, с замысловатой вязью тату на лице. Это лицо больше не принадлежало инженеру, строившему дома и мечтавшему о спокойной старости. Теперь это было лицо командира, привыкшего принимать решения, от которых зависели чужие жизни. Дэм задержал взгляд ровно на секунду — достаточно, чтобы зафиксировать текущее состояние, и не более. Самоанализ можно было отложить до момента, когда появится свободное время. А пока его задача — обеспечить устойчивость группы.

Первым делом Дэм направился в медпункт. Ава сидела у

койки, её поза выдавала усталость, но взгляд оставался собранным — она не позволяла себе отключаться даже при явной нехватке сил. В воздухе витал характерный запах антисептика — запах, который в их условиях означал, что работа ведётся.

— Ава, — тихо произнес Дэм, не делая резких движений. Она вздрогнула, затем узнала его и чуть расслабилась.

— Дэм? Что-то случилось?

— Хотел узнать статус по Фае, — ответил он без лишних эмоций.

Ава устало провела ладонью по лицу, но тут же вернулась к профессиональному тону:

— Состояние стабилизировано, но остается тяжелым. Основная проблема — рана в брюшной области: высокий риск осложнений. Я сделала все, что могла в текущих условиях, но нам критически не хватает антибиотиков и обезболивающих. Запасы на исходе.

Дэм кивнул, фиксируя информацию. В их ситуации каждая единица ресурса имела четкую ценность: таблетка — шанс на выживание, бинт — возможность продолжить миссию, литр воды — поддержание работоспособности группы.

— Что еще? — спросил он.

— Сильное обезвоживание, — продолжила Ава. — Требуется инфузионная терапия. Кроме того, пациентка находится в состоянии бреда: бормочет что-то, но связных данных нет.

Дэм подошёл к койке. Фая лежала неподвижно, кожа была бледной, на лбу проступали капли пота. Он наклонился, стараясь разобрать слова. Из шепота удалось вычленить лишь обрывки: «...холодно... боюсь... мама...». Никакой оперативной информации, никаких упоминаний о «БиоМедТех» или связях с организацией.

Выпрямившись, Дэм сделал мысленную пометку: Фая, скорее всего, не была вовлечена в структуру осознанно. С одной стороны, это упрощало взаимодействие — не приходилось ожидать подвоха. С другой — делало её уязвимой: она не знала правил игры и не имела защитных механизмов.

— А что с Мартой? — спросил Дэм, меняя вектор.

— В целом ничего серьёзного, — ответила Ава с заметным облегчением. — Обычная рабочая травма. Но она отказалась от осмотра, пока Фая не стабилизируется.

— Это на неё похоже, — негромко произнёс Дэм. — Она что-нибудь говорила о Фае? О том, кто она и как оказалась в зоне поражения?

Ава покачала головой:

— Ничего конкретного. Только то, что мы прислали ей адрес. Остальное — пока тишина.

Она на секунду замолчала, будто решая, стоит ли добавлять то, что уже успела проверить, и всё же продолжила:

— Я подняла логи переписки. Адрес отправила Марта. В системе четко зафиксирован её ID и временная метка — это случилось через двенадцать минут после того, как Фая оста-

вила тот самый комментарий. Я не стала говорить раньше, потому что хотела сначала убедиться, что данные не подменены. Но следов вмешательства извне нет — это сделала она. Сама.

Дэм не шелохнулся. Внутри что-то холодно щёлкнуло — не сюрприз, а подтверждение. Он уже знал. Догадывался по обрывкам, по тому, как Марта последние дни избегала его взгляда, по слишком поспешным объяснениям, которые звучали как заготовка. Но догадка и доказательство — разные вещи. Ава не просто подтвердила — она дала документальную опору: ID, временная метка, без лазеек для оправданий.

— Спасибо, что проверила, — тихо произнёс Дэм, стараясь, чтобы в голосе не прорвалось то самое колющее напряжение, от которого у него ныли плечи. — Значит, никаких внешних взломов, никакой подмены аккаунта.

Ава кивнула, не сводя взгляда с капельницы — будто, пока она следит за скоростью подачи раствора, Фая не имеет права сдать.

— Никаких, — подтвердила она. — Это была её инициатива. Что бы за этим ни стояло.

Дэм на секунду прикрыл глаза. Именно Марта отправила Фая адрес бункера. И теперь, собирая в голове цепочку событий, он всё меньше верил, что это была глупая шутка или минутная слабость. У Марты не было привычки шутить с безопасностью. Скорее, она могла пойти на нарушение правил, если сочла риск оправданным — или если у неё про-

сто не осталось времени на стандартную процедуру. Это не оправдывало её, но меняло угол зрения: перед ним была не ошибка по глупости, а сознательное решение, мотивы которого предстояло выяснить.

Дэм сделал короткую паузу, словно прикидывая, как лучше сформулировать следующую мысль, и добавил:

— И никто из ближнего круга ещё не знает об этом. Пусть пока останется между нами. Мне нужно сначала разобраться, что ею двигало, прежде чем выносить это на общий разбор.

Ава чуть наклонила голову — не в знак согласия, а как человек, который принимает условия задачи.

— Договорились, — спокойно сказала она. — Данные у меня, и я их никуда не передаю. Но если понадобится дополнительная аналитика — например, сопоставить время отправки с другими её действиями в тот день, — я могу собрать.

Дэм снова кивнул. Ему нравилась эта её черта — не сыпать лишними эмоциями, а сразу предлагать рабочие варианты.

— Пока не надо, — ответил он. — Сначала поговорю с ней напрямую. Хочу услышать её версию без наслоений из логов и графиков. Но если разговор ничего не прояснит — вернусь к тебе.

Дэм должен был поговорить с ней, но не для того, чтобы сорваться на упрёки. Ему нужны были факты: что Мар-

та знала, почему выбрала именно этот момент, какие риски оценила — и какие проигнорировала. Безопасность бункера оставалась его главной задачей, и он не мог позволить эмоциям исказить оценку ситуации.

— Что ты думаешь? — спросил Дэм, глядя Аве прямо в глаза.

Она на мгновение замерла, будто решая, стоит ли выходить за рамки профессионального заключения, и всё же произнесла:

— Я врач, Дэм. Моя задача — оценивать состояние пациента, а не мотивы его появления здесь. Сейчас Фая — человек с тяжёлыми травмами, сильным обезвоживанием и шоком. Она напугана, и это видно не по словам, а по физиологическим маркерам: тремор, учащённое дыхание, нестабильное давление. Если мы будем ждать идеальных условий, она может не дожить до них.

— Ты не стала судить Марту, — заметил Дэм, чуть склонив голову.

Ава на секунду задержала взгляд, словно взвешивала, стоит ли добавлять что-то сверх профессионального заключения, и наконец сказала:

— У меня нет данных, чтобы судить о её действиях. Но, зная Марту, я бы не стала списывать это на легкомыслие. У неё мог быть свой мотив — возможно, она сочла ситуацию экстренной или увидела в Фая кого-то, кому нельзя было отказать. Это не оправдывает нарушение протокола, но объ-

ясняет, почему она могла пойти на риск. Я не защищаю её, Дэм. Просто прошу не делать выводов, пока не узнаешь всей картины.

Дэм помолчал, переваривая сказанное. В словах Авы не было попытки снять с Марты ответственность — только напоминание, что за каждым решением стоит цепочка причин, которую нужно увидеть целиком.

— Спасибо, — наконец произнёс он. — За то, что не упрощаешь.

— И спасибо тебе, — тихо сказала Ава. — За то, что не требуешь невозможного и доверяешь моей оценке.

— Ты знаешь своё дело. Этого достаточно.

Дэм снова кивнул, уже не столько в знак согласия, сколько чтобы закрепить услышанное в памяти, и сделал шаг к выходу. Ему нужно было не обвинять, а разобраться. Потому что в их мире даже ошибка могла быть частью плана — и он должен был выяснить, какого именно.

— Продолжай терапию, — сказал Дэм. — Я возьму на себя обеспечение ресурсами. Мы найдём нужные препараты.

Выйдя из медпункта, Дэм снова оказался в знакомом полумраке коридора — привычном, почти родном, но сегодня будто ставшем теснее. Он шёл в комнату управления, заранее готовя слова: не обвинения, а вопросы, выстроенные по порядку, чтобы из ответов сложилась чёткая картина. Дэм ожидал увидеть там Марту — её характер был таков, что после рискованного шага она пряталась не в тени, а за работой:

за сухими строками логов, за бесконечной проверкой датчиков, будто сама рутина могла оправдать нарушение правил.

Но вместо неё в комнате управления были Петрович и Ирма — оба на постах, сосредоточенные, будто прислушивались не к приборам, а к самому дыханию бункера. Петрович склонился над панелью, хмуро водя пальцем по экрану, а Ирма, не отрываясь, накладывала на карту города данные с дронов и уличных камер.

— Что нового? — спросил Дэм ровным тоном, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало ни напряжения, ни ожидания худшего.

— Всё спокойно, — ответил Петрович, не поднимая взгляда. — Но у меня ощущение... будто система что-то недоговаривает. Показатели в норме, но фон какой-то «грязный». Будто кто-то ходит рядом и старается не дышать.

Дэм нахмурился. Он доверял чутью Петровича: тот редко ошибался в таких вещах, а его «ощущения» не раз спасали группу от неприятностей.

— Усиль мониторинг, — распорядился Дэм. — Разбей периметр на сектора и запускай сканирование каждые пятнадцать минут. Если появится хоть малейшее отклонение — сразу на связь.

— Будет сделано, — коротко подтвердил Петрович, уже переключая протоколы на панели.

Дэм перевёл взгляд на Ирму. Та не подняла глаз, но угол её головы чуть изменился — знак, что она слушает.

— Что-нибудь интересное? — спросил он.

— Пока нет явных угроз, — ответила Ирма, не отвлекаясь от экрана. — Но я выделила три точки с аномальной активностью: резкие скачки энергопотребления, кратковременные всплески радиосигнала. Возможно, там есть выжившие. Или кто-то намеренно маскируется под них — слишком уж ритмично всё происходит.

Дэм кивнул, мысленно отмечая эти точки на своей внутренней карте.

— Нужно проверить, — сказал он. — Но без спешки. Сначала разведка с дрона, потом — если подтвердится активность — группа прикрытия. Никаких одиночных выходов.

— Мы знаем протокол, — спокойно ответила Ирма, наконец поднимая взгляд. — Сделаем по инструкции.

Дэм снова вышел в коридор, на этот раз целенаправленно направляясь в комнату связи. Марта обычно проводила там большую часть времени: отслеживала сетевой трафик, фильтровала сигналы, фиксировала аномалии. Если у неё и были свои причины нарушить протокол, именно там могли остаться следы её логики — в логах, в заметках, в истории запросов. Ему нужно было не обвинить, а понять. Потому что в их мире даже ошибка могла быть частью плана — и он должен был выяснить, какого именно.

Подойдя к двери комнаты связи, Дэм остановился. На секунду прикрыл глаза и сделал медленный выдох, сбрасывая напряжение. Эмоции сейчас были не союзниками, а поме-

хой: обвинения и резкость могли разрушить хрупкое доверие, а ему требовалось не наказать, а получить полную картину и выработать решение.

Он открыл дверь и вошёл.

Марта сидела за консолью, погружённая в поток данных. На трёх мониторах бежали строки логов, на четвёртом — карта с наложенными треками движения дронов. Она не сразу заметила Дэма — только когда скрипнула дверь, резко обернулась. В её взгляде мелькнули сначала испуг, потом обречённое понимание, будто она давно ждала этого момента и просто надеялась, что он наступит чуть позже.

— Марта, — тихо, но твёрдо произнёс Дэм.

— Дэм... — она опустила плечи, будто под тяжестью невысказанного. — Я ждала этого разговора.

— Нам нужно всё разобрать по шагам, — сказал он, усаживаясь напротив. — Без оправданий, без сокращений. Расскажи с самого начала.

Марта кивнула, сжала пальцы в замок, будто удерживая дрожь, и заговорила ровно, стараясь не терять фокус:

— Я увидела комментарий девчонки в нашем закрытом канале. И он меня зацепил не из-за смысла. А из-за того, что... Фая была похожа на Лию. Не то чтобы копия, но тот же разрез глаз, тот же упрямый изгиб бровей — будто смотришь на старую фотографию, которую давно спрятал подальше, чтобы не резало по сердцу. Я будто на секунду вернулась в тот день, когда мы с Лией сидели в диспетчерской и ждали

подтверждения эвакуации.

Дэм чуть прищурился, и в его памяти сама собой всплыла та самая диспетчерская: тусклый свет аварийных ламп, запах перегретой проводки, Лия, которая, несмотря на дрожь в пальцах, продолжала методично сверять контрольные точки, будто от этой рутины зависела их жизнь. Он помнил, как она настаивала на проверке каждого сигнала дважды, как не позволяла никому срезать углы — даже когда время буквально сторало у них в руках.

Лия была из тех, кто заполняет собой любое помещение — яркая, громкая, упрямая, не терпела полутонов и сразу брала ситуацию под контроль. Когда Марта впервые появилась в бункере, она была совсем другой: тихая, почти незаметная, смотрела на всех исподлобья, будто ждала, что её вот-вот выставят за дверь. Вздрагивала от резких звуков и избегала прямого взгляда. Но стоило Лие взять её под своё крыло — и Марта начала меняться. Не потому, что Лия давила, а потому, что рядом с ней можно было не бояться быть слабой: Лия прикрывала, подсказывала, заставляла повторять протоколы до тех пор, пока они не становились второй натурой. Постепенно Марта перестала прятаться по углам, научилась задавать вопросы, а потом и сама стала замечать то, что другие пропускали. Лия не просто опекала её — она вытаскивала из неё характер и ту самую внимательность, которая в их мире ценилась дороже оружия.

И Дэм помнил, чем закончилась та вылазка год назад в

секретное убежище «БиоМедТех»: они доверились не тому каналу связи, нарушили собственный протокол ради скорости, потому что «каждая минута на счету». Тогда казалось, что правила можно чуть подвинуть, если ставки слишком высоки. Лия была первой, чью потерю группа ощутила как трещину в фундаменте — такую, после которой любое «чуть-чуть» становилось опасным. С тех пор любое отклонение от правил воспринималось как риск, который нельзя оправдывать даже благими намерениями.

— Продолжай, — тихо сказал Дэм, возвращаясь к настоящему. Голос звучал ровно, но в нём проступила тяжесть старых воспоминаний — словно каждое слово тянуло за собой шлейф того дня.

Марта кивнула, будто почувствовала, что ему нужно было на секунду выдохнуть, и продолжила уже строго, по-деловому, убирая из голоса дрожь:

— Лия погибла из-за «БиоМедТех». Мы использовали резервный канал, который считали закрытым, думали, что шифр выдержит сканирование. Но у них стояли новые алгоритмы анализа трафика — они ловили не сам сигнал, а его эхо, его следы в сети. Мы оставили метку, сами того не зная, и эта метка привела их прямо к нам.

Она на секунду сжала пальцы в кулаки, будто пыталась удержать внутри тот самый момент, когда поняла, что всё пошло не так.

— Я тогда отвечала за связь. Пропустила обновление про-

токола, не проверила, какие частоты «БиоМедТех» начал сканировать в этом секторе. Решила, что старый маршрут безопасен, потому что раньше он работал. Это была не интуиция — это была самоуверенность. И Лия заплатила за это жизнью.

Дэм чуть наклонил голову, не отводя взгляда. Не кивал, не хмурился — просто слушал, позволяя Марте дойти до сути без спешки. Он слушал не оправдания, а логику, которая пряталась за болью.

— После отправки координат бункера я не стала бездумно ждать, — продолжила Марта. — Я начала отслеживать сетевой след и геолокацию Фаи. Хотела убедиться, что девочка не собирается идти к бункеру, что не станет рисковать, спишет всё на глупую шутку. Я хотела просто закрыть этот эпизод и больше к нему не возвращаться. Но потом алгоритмы выцепили слабый, но чёткий сигнал — последнюю геолокационную метку. Точка застыла недалеко от Т-6-Б1, будто объект замер, не продвигаясь ни вперёд, ни назад.

Марта снова сглотнула, но голос не дрогнул:

— Тогда я отправилась в ту точку, где застыли координаты. Точка не двигалась уже больше двух дней — ни малейшего смещения, будто сигнал намертво врос в карту. Я сразу поняла: случилось что-то плохое. Что-то, из-за чего человек просто не может сделать ни шага. Я не хотела ждать в бункере, гадая, жива ли она. Мне нужно было увидеть своими глазами.

— И что произошло дальше? Как вы встретились?

Марта на мгновение прикрыла глаза, будто прогоняя картинку, которая сама собой вставала перед внутренним взором, и заговорила тише, но твёрже:

— Я узнала, что в Т-6-А1 случилось нападение мутантов — в том самом районе, откуда был отправлен комментарий. Даже если она выбралась, ей могла угрожать опасность. Я шла по дуге, обходя Т-6-А1 с севера, чтобы не нарваться на патрули. Карта показывала там старую подстанцию и лесополосу — идеальное место, чтобы залечь, если силы на исходе. Но я не рассчитывала найти её именно там. Это была почти случайность: я заметила не саму Фаю, а движение. Тень среди кустов шевельнулась не по ветру. Я замерла, прижалась к бетонному блоку, всмотрелась. И только тогда разглядела: девчонка лежала почти плашмя, едва приподнявшись на локте, будто пыталась ползти, но не хватало сил.

Она сделала короткий вдох, будто заново проживая тот момент.

— Фая была в крови, штанина разорвана, лицо серое, почти без сознания. Я сразу поняла: если не помочь сейчас, через час будет поздно. Но уйти тихо я не могла — рядом уже кружили не просто мутанты. Там работала вооружённая группа: двое держали периметр, третий что-то настраивал в планшете, будто сливал координаты. Они явно координировались, будто мутанты были для них не угрозой, а инструментом.

Дэм нахмурился.

— Ты могла уйти. Сообщить нам. Вызвать подкрепление. Марта покачала головой.

— Не могла. Не тогда. Когда один из них пнул валявшийся рядом рюкзак — просто так, лениво, будто проверяя, есть ли жизнь, — я поняла, что они не собираются никого оставлять в живых. И ещё... она напоминала Лию. Тот же угол подбородка, та же привычка сжимать кулак, даже когда уже нет сил. Я не могла просто смотреть.

Она снова коснулась плеча, где на самодельной повязке проступила кровь.

— Я попыталась обойти их, выйти к Фае с тыла. Но один из группы заметил движение — и открыл огонь. Меня зацепило по касательной. Я успела нырнуть за блок, но уйти и оставить её там не могла. Ни из-за Лии, ни просто потому, что я слишком хорошо знала, что делают такие группы с теми, кого ловят.

Её голос стал ровным, без эмоций — так говорят, когда уже приняли решение и назад дороги нет.

— Тогда я сделала единственное, что оставалось: отвлекла их. Бросила камень в сторону, чтобы они повернулись. Пока они проверяли тот сектор, я рванула к Фае. Схватила её под мышки, потащила в лесополосу, туда, где кусты росли стеной. Мы падали, поднимались, снова падали. Но ушли. И не потому, что повезло. А потому, что остановиться означало сдаться.

Марта подняла взгляд, в нём не было мольбы, только готовность принять последствия:

— Я знала, что рискую безопасностью бункера. Но я также знала, что если не заберу её, её либо добьют на месте, либо увезут на допрос, и тогда мы уже ничего не узнаем. Я привезла её сюда не из порыва, Дэм. Я привезла её, потому что не могла снова стоять и смотреть, как «БиоМедТех» забирает ещё одну девушку, которая просто хотела выжить.

Дэм откинулся на спинку стула, переваривая услышанное. Теперь картина складывалась иначе: не легкомыслие, а цепочка решений, где каждый шаг был попыткой удержать ситуацию под контролем — пусть и вне регламента.

— Ты действовала вне протокола, — произнёс он спокойно. — И это нельзя игнорировать. Но ты не спрятала факты, не стала выдумывать удобные версии. Ты взяла ответственность и за решение, и за последствия.

Марта чуть распрямила плечи, но не позволила себе облегчения:

— Я готова к любому решению. Но прошу дать мне возможность участвовать в разборе. Я знаю её след лучше всех. И я видела тех, кто за ней охотился.

Дэм помолчал, затем кивнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.